СМОЛЕНСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
1918

Известия Смоленского государственного университета

Научный журнал
Выходит 4 раза в год

№ 3(63), 2023

Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки России от 01 декабря 2015 года № 13-6518 журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Учредитель и издатель

Смоленский государственный университет

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций
Рег № ПИ № ФС77-85683 от 28.07.23
Подписной индекс ПН182 (Почта России)

Редакционный совет

М.Н. Артеменков (*Смоленск, председатель*), И.В. Романова (*Смоленск, заместитель председателя*), В.А. Волков (*Москва*), А.Б. Каменский (*Москва*), В.С. Кошелев (*Минск, Республика Беларусь*), А. Молнар (*Дебрецен, Венгрия*), Л.В. Рацибурская (*Нижний Новгород*), Ф.Б. Успенский (*Москва*), Н.А. Фатеева (*Москва*), З.А. Харитончик (*Минск, Республика Беларусь*), И.Р. Чикалова (*Минск, Республика Беларусь*)

Редакционная коллегия

И.В. Романова (*гл. редактор*), А.В. Тихонова (*зам. гл. редактора*), Р.В. Белютин (*отв. секретарь*), С.Н. Андреев, С.Ю. Артемова, Л.И. Ивонина, Д.Е. Комаров, А.В. Королькова, Л.В. Павлова, О.Е. Похаленков, А.М. Ранчин, Ю.Л. Цветков

16+

Адрес редакции и издателя

214000, Смоленская область, г. Смоленск, ул. Пржевальского, д. 4,
Смоленский государственный университет
E-mail: izwestija@smolgu.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Каяниди Л.Г. Мистериально-дионисийский сюжет Вячеслава Иванова и его мистическая антропология (принцип «ты еси»). Статья первая.....4
Радионова А.В. Роль анатомических тем в творчестве и философской концепции Б. Пастернака.....17
Кочкина А.В. Образ повседневности в рассказе С. Мишнева «Черторой».....29
Нюбина Л.М. Загадка в кроссворде как вид текста.....39
Суй Ин Отражение китайских культурных реалий в современном русском языке в парадигме предметных и смысловых соответствий.....51
Гришаева Л.И. «Детские» анекдоты как средство и способ поддержания коллективной идентичности носителей языка и культуры (часть 2).....64
Антюхова Е.А., Караулова Ю.А. Речевые способы выражения отрицательной оценки, используемые для создания негативного имиджа Дж. Байдена в оппозиционном политическом дискурсе США.....76
Стрельцов А.А. Анонимные письма-предупреждения в художественной литературе: сопоставительный анализ переводов с английского языка на русский.....89

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Хомченко С.Н. Военнопленные Великой армии в Смоленской губернии в 1812–1814 годах.....104
Карушкина Н.В. Василий Михайлович Вершинин – царский комиссар и летописец революции.....119
Трусова М.А. Германский кредит СССР в двусторонних переговорах и с позиции западных держав.....135
Андреев К.А. Смоленское сражение 1941 года в советской и современной историографии.....145
Кулаков В.И. Семантика декора оружия пруссов.....161
Филатова С.А. Отношение немецких гуманистов XVI века к католической церкви.....174
Ходин А.А. Эволюция восприятия чинами Священной Римской империи французской политики «реюнионов» во второй половине XVII века.....183
Собко Е.М. Россия и Нидерланды в первой половине XVIII века: основные этапы развития двусторонних отношений.....198

Сведения об авторах.....207

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Л.Г. Каяниди

Смоленский государственный университет
Смоленск, Россия

УДК 821.161.1

DOI 10.35785/2072-9464-2023-63-3-4-17

МИСТЕРИАЛЬНО-ДИОНИСИЙСКИЙ СЮЖЕТ ВЯЧЕСЛАВА ИВАНОВА И ЕГО МИСТИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ (ПРИНЦИП «ТЫ ЕСИ»). СТАТЬЯ ПЕРВАЯ

Ключевые слова: *Вячеслав Иванов; мистика; мифопоэтика; дионисийство; структура сюжета.*

Статья «Ты еси» является квинтэссенцией мистической антропологии Вячеслава Иванова. В исследовательской литературе утвердилось понимание этого текста как палимпсеста, в котором уживаются христианская теология, софиология, гностицизм и антропософия. Однако остается неясным, что является началом, интегрирующим столь разноплановые смысловые пласты. Цель нашей работы состоит в том, чтобы показать, что таким общим знаменателем выступает мистериально-дионисийский сюжет – диалектически построенный нарратив, восходящий к орфическому мифу о растерзании Диониса. Материалом исследования послужили поэтические, философско-эстетические, научные и эпистолярные тексты Иванова. В процессе исследования применялись компаративистский, герменевтический, структурно-семантический методы. В настоящем исследовании мы рассматриваем значение принципа «ты еси» в творчестве Иванова, его генезис и историю интерпретации мистической антропологии Иванова, даем определение мистериально-дионисийского сюжета, описываем его структуру и анализируем рукописную историю статьи «Ты еси», которая оказывается непосредственно связанной с мистериально-дионисийским сюжетом. Статья «Ты еси» имеет богатую историю интерпретации, которая, однако, страдает двумя недостатками: антидиалектической статичностью и дискретностью. Понять принцип «ты еси» помогает его сравнение с мистериально-дионисийским сюжетом Иванова. Анализируя рукописную историю «Ты еси», мы показываем, как на финальной стадии работы над текстом статьи Иванов добавляет несколько абзацев, в которых концентрируются мистериально-дионисийские мотивы, подчеркивая тем самым их значение для своей мистической антропологии.

Место статьи «Ты еси» в творчестве Иванова. Статья выдающегося поэта-символиста и мыслителя Серебряного века Вячеслава Иванова (1866–1949) «Ты еси» (1907) – высочайшее достижение мысли русского символизма: «The article *Ty esi* is a resounding declaration of the heights to which the Symbolist consciousness can aspire»[1] [West, 1988, *232*]. В ней Иванов выражает то, что можно назвать его мистической антропологией.

Значение статьи «Ты еси» было осмыслено и высоко оценено уже Лидией Зиновьевой-Аннибал, женой поэта, которая писала в своем дневнике: «Статья как бы первая глава [ново] воскресшей плотью веры. Нельзя понять еще значение, но кажется, что это фундамент здания, которое многие и для всех будут возводить внутренним и внешним творчеством» [РАИ, оп. 1, карт. 5, папка 25, *3 об.–4*].

Ольга Шор называла мистическую антропологию, изложенную в статье «Ты еси», «самым своеобразным и значительным в творчестве Вячеслава Иванова» и отмечала, что «статью эту Лидия особенно любила» [Иванов, 1974, *766*]. Г.В. Обатнин называет «Ты еси» «этапной для мистической рефлексии Иванова» статьей, поскольку «здесь он впервые эксплицировал свою “теорию сознания”» [Обатнин, 2000, *26*]. С.Д. Титаренко утверждает, что «Ты еси», «одна из наиболее сложных религиозно-философских работ Вяч. Иванова периода символизма, отражает не только мистические представления поэта об антиномической природе человеческого сознания, но и основы его мировидения» [Титаренко, 2009, *91*].

Генезис принципа «ты еси». Г.В. Обатнин и А.Л. Соболев возводят генезис формулы «ты еси» к августу 1907 года и связывают его с историей тройственного союза, в который была вовлечена М.В. Сабашникова. «Не исключено, что формула “ты еси” появилась в разговорах Иванова с М.В. Сабашниковой во время ее визита в Загорье в десятых числах августа» [Иванов, 2018, *515*]. Основание этому суждению исследователи находят в письме М. Волошина Иванову от 15 августа 1907 года: «…вчера приехала в Коктебель Аморя [Маргарита Сабашникова. – *Л. К.*] радостная и счастливая после свиданья с тобой и принесла с собой твое веянье и твои отблески, и мое сердце тоже с радостью устремлено к тебе теперь и благословляет то, что ты еси» [Волошин, 2010, *319*].

На наш взгляд, концепция «ты еси» в очень близкой к окончательному варианту форме утвердилась в сознании Иванова гораздо раньше 1907 года. По всей видимости, она как бы рождается из выражения «Tat twam asi»[2], которое восходит к ведической философии, вводится в кругозор европейской философии Шопенгауэром[3] и соотносится Ивановым с надписью

---

[1]«Статья “Ты еси” есть яркое выражение тех [духовных] высот, которых смогло достичь символистское сознание».

[2] В автокомментариях к дистиху «Tat twam asi» Иванов дает такое толкование этого выражения из «Упанишад»: «Это (именно, каждый отдельный индивидуум) – ты (сам)» [Иванов, 1971, *861*].

[3] О путях трансмиссии выражения «tat twam asi» у Иванова см.: [Иванов, 2018, *518*].

на Дельфийском храме. На генезис «ты еси» из «tat twam asi» указывают три свидетельства. Первое и третье еще не обсуждались в ивановедческой литературе в данном аспекте, а второе поставлено в контекст создания «Ты еси» Обатниным и Соболевым.

Сначала о первом свидетельстве. В письме Зиновьевой-Аннибал Иванову от 20 марта 1902 года содержится примечательное рассуждение, в котором представлена калька «tat twam asi» – «это ты еси»[4], но в значении, которое впоследствии Иванов придаст концепту «ты еси»: «Знаешь счастие, восторг любви к чужой душе, к чужим глазам, к чужому движению, которое твоя душа, твои глаза, твое движение? Счастие видеть другое существо, и высшее блаженство верить в его чистоту, и знать, что “это ты еси!” <…> И нет *меня*, и *я* есть в нем, в другом, и я люблю <…> И мы все были *Богом*, а не так, пантеистическим лопухом. Потому что я *хочу* Бога, и *Он есть*, и больше скажу: я *хочу* Христа – Спасителя моего, которого люблю, и *Он есть*, и *себя* хочу, и не *потеряю себя* никогда» [Иванов, Зиновьева-Аннибал, 2009, т. 2, *374*].

В письме Зиновьевой-Аннибал необходимо обратить внимание на несколько моментов. Формула «это ты еси» связывается с богосознанием, причем Бог понимается не буддийски или внеконфессионально, а как Христос-Спаситель. Очень характерен мотив потери себя: Зиновьева-Аннибал утверждает, что обретение Христа в себе становится залогом истинного самоутверждения («и *Он есть* <…> и не *потеряю себя* никогда»). Этот мотив восходит к Евангелию от Марка (5 : 35): «Ибо кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее, а кто потеряет душу свою ради Меня и Евангелия, тот сбережет ее» – и привлекается Ивановым в статье «Ты еси» для характеристики отношений между мужской и женской частями микрокосма, Анимусом и Анимой-Психеей: «Желающий сохранить себе душу свою, теряет ее и губит: закрепощение Психеи нашему сознательному мужескому началу убивает ее вдохновенный почин» [Иванов, 1979, *266*].

В статье «Религия Диониса» (1905) Иванов напрямую свяжет принцип «ты еси» и «tat twam asi»: «На портике дельфийского храма – были начертаны многозначительные в своей гиератической краткости изречения: “(ты) еси” (εἶ, ибо такова естественная интерпретация всегда казавшегося загадочным слова) и “Познай самого себя” (мы разумеем; как сущего, – познай в себе самого, т. е. “Атмана” индусов), – что̀ прямо обращает нас к “Еси” (asi) и “То ты еси” (tat tvam asi) ведической философии, – быть может, общему и международному достоянию сокровенной, эсотерической мудрости жрецов и теургов, для которой понятие и слово “бытия” уже само по себе заключало идею божественности» [Иванов, 1905, *125*].

[4] В статье 1904 года «Новые маски» Иванов даст два перевода «tat twam asi». Первый – «это ты сам» – близок к комментарию из «Кормчих звезд», второй – «то ты еси» – напоминает вариант из переписки с Зиновьевой-Аннибал и формулу «ты еси» [Иванов, 1974, *77*].

Очень показателен для наших целей отрывок «О многобожии», который его публикатор Гвидо Капри относит к периоду создания «Эллинской религии страдающего бога», то есть 1903 году [Капри, 1994]. Здесь Иванов устанавливает связь между принципом «tat twam asi» и образом Психеи (Мировой Души, Исиды, Геи). Это подтверждает наш тезис о генезисе «ты еси» из «tat twam asi». «Начало всякой мистики: “Tat twam asi” – есть вместе начало всякой философии. Сознать себя в растерзанных частях Единого значит соединиться с Сыном Божьим, Дионисом, в существе, и с Изидою-Деметрою в искании: с тем – в страдании разделения и распятия, с этою – в любви и тоске сердца, седмижды прободенного. Верить значит переживать в себе рождение Бога, смерть Бога, воскресение Бога. Любить [значит] – искать. “Женщина, что плачешь? кого ищешь?” “Господин, если ты взял Его, скажи, где ты положил Его, и я возьму Его”. О, ищущая и не узнающая и, вновь узнающая и блаженная, и вновь ищущая Изида! Психея! Душа мира! Древняя, многострадальная Гея! [Жив ли мой бог? Кто жив, живит!]» [Иванов, 1994, *38*].

Радикально иной взгляд на генезис принципа «ты еси» принадлежит Титаренко. Она утверждает, что истоки статьи «Ты еси» уходят в 1884 год, когда Иванов переводит отрывок из «Бхагаватгиты». По мнению исследовательницы, из индийского мистического текста Иванов черпает различение личного я и сверхличного Я, Самости [Титаренко, 2012, *33–39*].

История интерпретации мистической антропологии Иванова. Особенность ивановской мистической антропологии исследователи видят в троичности духовно-душевной организации человека: мужское (сознательное начало), женское (бессознательное) и сверхличное (божественное средоточие личности, Самость) [Tommasini, 1940, *93*; Аверинцев, 2006, *68*; Федотова, 2016, *152*][5]. Эта мистико-антропологическая схема, в сущности, верна, но она не учитывает динамику отношений внутри души, при которой необходимо различать Отца, Сына, истинное (богочеловеческое) и ложное (рационально-ограниченное) Я, а также слияние мужского и женского, а не только их дифференциацию. Эту динамику Иванов зафиксировал с помощью схемы[6], на которой выделяются четыре элемента, последовательно вложенные один в другой: внешняя окружность, пентаграмма, внутренняя окружность и центр, из которого исходят лучи и к которому ведет стрелочка

[5] Ниспровергающий, нигилистический характер носит интерпретация концепта «Ты еси», которую дает В.В. Бибихин, обвиняющий Иванова во внедрении ницшеанского человекобожия в сферу отношений Творца и творения: «Мы видим, как весь интерес Иванова сосредотачивается на том, как Бог обеспечивает человеку бытие и царство. Не меньше чем у Ницше, только не прямым, а косвенным шагом Бог у Иванова служебен по отношению к человеку. Он не объявлен проекцией человека, открыто – нет. Он, однако, все равно в своем новом неожиданном акте делает все для человека, на благо человека, придан личности для ее самоутверждения» [Бибихин, 1999, *293*].

[6] Она воспроизводится на обложке книги Обатнина «Иванов-мистик».

от внешней окружности. Таким образом, статичная троичная схема оказывается нерелевантной ивановской мысли, поскольку не учитывает ее диалектический, текуче-сущностный, «гилетический» характер[7].

Самым лаконичным образом схема мистической антропологии Иванова очерчена Обатниным, который не только различает триаду внутри духовно-душевной организации человека, но и описывает динамику отношений внутри нее. Основную проблематику ивановской статьи исследователь определяет так: «Что происходит с сознанием человека, когда он пытается найти бога в себе?» Обатнин выделяет несколько стадий на пути богообретения. Первая – «снятие контроля дневного сознания», вторая – поиски Психеей божественной Самости, которая скрыта рационально-мужской частью души, третья – преображение мужской части души, четвертая – обретение Психеей утраченной Самости после соединения мужского Я с Я сверхличным, божественным [Обатнин, 2000, *26–27*].

Ивановскую «теорию сознания» (или, по-нашему, мистическую антропологию) Обатнин возводит к оккультизму и считает статью «Ты еси» «текстом, возникшим в круге влияния Минцловой» [Обатнин, 2000, *25*]. Не подвергая сомнению наличие антропософских идей в статье «Ты еси», отметим, однако, что ивановская мысль не укладывается целиком в антропософский дискурс и не исчерпывается им. Оккультные идеи – лишь один из слоев ивановской символики, причем, на наш взгляд, не ключевой, не системообразующий.

Титаренко несколько усложняет интерпретацию ивановской мистической антропологии. Исследовательница делает акцент на многослойности ивановской мысли, которую она сравнивает с палимпсестом и рассматривает ее как симбиоз христианской теологии (с ориентацией на блаженного Августина), софийной метафизики (в русле традиции Вл. Соловьева), гностицизма, психоанализа и феноменологии [Титаренко, 2009, *89*][8]. Джеймс Уэст близок к концепции палимпсеста, однако он добавляет в нее некоторую векторность, телеологичность, считая, что мысль Иванова движется от языческой символики к христианской. Мистическую антропологию Иванова он называет «a translation of the myth of Psyche and Eros, and of the parallel mythology of Dionysian and Brahmanic religion, into its Christian equivalent: Eros is God the Son, Through whom alone the Father may be approached»[9] [West, 1988, *234*].

---

[7] О музыкально-гилетической логике см.: [Лосев, 1999, *706–735*], о применении гилетической логики для осмысления трагедии Иванова «Прометей» см.: [Каяниди, 2019].

[8] Интересные наблюдения о влиянии ивановского концепта «ты еси» на философию Другого у Левинаса и Дерриды содержатся в [Грабар, 2021]. Томас Венцлова предлагает интерпретацию ивановской формулы «ты еси» в терминах теории диалога [Венцлова, 79].

[9]«Преобразование мифа о Психее и Эроте и связанной с ним дионисийской и брахманической мифологии в их христианский эквивалент: Эрос есть Бог-Сын, через Которого только и можно прийти к Отцу».

Безусловно, у Иванова можно найти следы и отголоски всего перечисленного Титаренко, однако существенным недостатком ее взгляда является его дискретность, отсутствие единого герменевтического знаменателя. Это приводит к тому, что все смысловые уровни ивановского текста оказываются разрозненными disiecta membra[10], поскольку отсутствует некое интегрирующее их начало, а стало быть и цельность. Цель нашей работы состоит в том, чтобы выделить это интегрирующее начало и показать, как оно пронизывает все смысловые уровни ивановской мистической антропологии, обеспечивая их единство и целостность.

Мы исходим из того, что интегрирующее начало не должно быть гетерогенным по отношению к ивановской мысли. Оно должно быть эксплицировано Ивановым в самом тексте «Ты еси» и при этом быть настолько универсальным, чтобы охватить мистико-христианскую, оккультную и античную символику. На наш взгляд, таким универсальным интегрирующим началом является мистериально-дионисийский сюжет.

Мистериально-дионисийский сюжет: определение, структура. Мистериально-дионисийский сюжет – одна из универсалий сознания и художественного творчества Иванова. Под ним мы понимаем такую сюжетно-мотивную систему, которая включает в себя восходящий к орфизму миф о растерзании Диониса титанами и выполняет в творчестве Иванова интегрально-конструктивную и парадигматическую функции, моделируя разнообразные смысловые структуры (художественное пространство и время, систему образов, структуру сюжета, систему персонажей и т.д.). Подробно мы описали его в специальных работах [Каяниди, 2024а; 2024б]. Здесь же дадим его краткую характеристику.

Впервые целостно и систематически мистериально-дионисийский сюжет предстает в поэме Иванова «Сон Мелампа» (1907). Окончательный вид этот сюжет обретает в трагедии «Прометей» (1919).

Мистериально-дионисийский сюжет – мифологический нарратив, все элементы которого связаны диалектически. Этот сюжет может быть представлен в виде совокупности взаимосвязанных триад, объединенных в две девятерицы.

Сначала задается метафизическая первотриада «Зевс, Персефона, Дионис-Загрей», соответствующая диалектической триаде «одно, иное, сущее». Затем возникает новая триада, в которой Дионис-Загрей выступает на месте Зевса, Персефона трансформируется в Зеркало явлений, которое, вбирая в себя дионисийский свет, порождает титанов. Вторая триада задает первообраз действительности, его идеальную структуру. Однако реализация

[10]Disiecta membra – лат. «разъятые члены». Это выражение взято Ивановым из «Сатир» Горация (I, 4, 61) [Ivanov, 1995, *213*]. Иванов употребляет это выражение в переписке в Гербертом Штейнером [Ivanov, 1995, *213*] и Е.Д. Шором [Сегал, Сегал (Рудник), 2008, *351, 399*].

этой идеальной структуры происходит только на следующем витке мифологического сюжета – жертвоприношении Диониса: Дионис жертвенно отдается на растерзание титанов, которые, причастившись ему, совмещают в себе дионийское и титаническое начала. Такова исходная девятеричная структура мистериально-дионисийского сюжета. Используя ивановские понятия нисхождения и восхождения, ее можно назвать сюжетом нисхождения, поскольку в нем речь идет о погружении божественно-дионисийского начала первоединства в стихию титанически-земной множественности. Антропологическим измерением мистериальной космогонии становится вселенское грехопадение как торжество принципа индивидуации, духовной обособленности и гордыни в микрокосме.

Таблица 1

Структура мистериально-дионисийского сюжета (сюжет нисхождения, богоборчество и грехопадение)

Метафизическая первотриада (рождение Диониса)	Первообраз действительности (отражение Диониса в Зеркале явлений)	Реализация первообраза (жертвоприношение Диониса)
Зевс (отчее начало)	Дионис (как ипостась Зевса-Отца)	Дионис (жертва)
Персефона (материнское начало)	Зеркало явлений, Душа Мира, идеальная Земля (как ипостась Персефоны), где отражается лик Диониса	Титаны (жрецы)
Дионис-Загрей (сыновнее начало)	Титаны (как отражение Диониса в Зеркале явлений)	Титаны, поглотившие Диониса и сожженные его огнем (тождество жреца и жертвы)

Вторая девятерица мистериально-дионисийского сюжета, в сущности, представляет собой видоизмененное повторение первой эннеады, с той лишь разницей, что меняется вектор движения сюжета. Теперь это восхождение титанического начала к божественному-дионисийскому. А потому содержанием сюжета восхождения становится история искупления и возрождения падшего человечества, а с ним и самого титанического начала, то есть всего творения.

Начинается сюжет восхождения с первообразной триады, которая задает динамику нового этапа мистериально-дионисийского сюжета: «Титаны (как жертва), дионисийский огонь (как жрец) и сердце Диониса». Вторая триада представляет собой «идеальную», умозрительную, как бы промежуточную реализацию первообраза искупления: «Сердце Диониса – Зевс – Зевс-Дионис». Завершается мистериально-дионисийский сюжет спасением падшего творения через свободное утверждение им в земном бытии сердца Диониса, то есть божественно-дионисийского начала, в результате чего появляется возрожденное человечество как соборный лик нового Диониса: триада «Зевс-Дионис – падшее человечество – преображенное человечество (= новый Дионис)».

Таблица 2

Структура мистериально-дионисийского сюжета (сюжет восхождения, искупление и возрождение)

Первообраз искупления и возрождения (сожжение титанов)	«Идеальная» реализация первообраза (спасение сердца Диониса)	«Материальное» осуществление первообраза (явление нового Диониса)
Титаны (жертва)	Сердце Диониса	Зевс-Дионис (такая ипостась Зевса, которая вбирает в себя сердце Диониса)
Дионисийский огонь (жрец)	Зевс	Падший человек, отягощенный первородным грехом, но жаждущий преображения
Сердце Диониса	Зевс-Дионис	Преображенный человек, вобравший сердце Диониса в себя = новый Дионис

Колонки таблицы являются смысловыми плоскостями мистериально-дионисийского сюжета, которые обозначают степени проявленности сущего. Первая плоскость выражает трансцендентное, идеальное, непроявленное начало, которое ложится, однако, в основу проявленного ряда, иначе говоря, потенциальный первообраз; вторая – трансцендентно-имманентное начало, нечто проявленное, актуальный первообраз; третья – имманентное начало, реализацию актуального первообраза. Строчки таблицы являются смысловыми уровнями мистериально-дионисийского сюжета, которые выражают категориальный статус сущего и представляют собой диалектическую триаду: первый уровень есть некое сущее, одно, первоначало, второй – иное этого сущего, видоизменяющее его начало, третий – целое, целокупное сущее, единство одного и иного. Таким образом, по вертикали действует категориальная триада «одно – иное – сущее», а по горизонтали – триада «трансцендентное – трансцендентно-имманентное – имманентное», различающая степень проявленности бытия. В результате пересечения этих двух триад мы получаем мифологическую девятерицу.

Для анализа ивановской мистической антропологии, конденсат которой представлен в статье «Ты еси», нам важны две триады, которые замыкают сюжет нисхождения и сюжет восхождения (см. табл. 1 и 2). Первую триаду будем называть мистериальной, вторую – сотериологической.

Связь статьи «Ты еси» с мистериально-дионисийским сюжетом: история создания и текстология. Круг идей статьи «Ты еси» непосредственно соприкасается с мистериально-дионисийским сюжетом. Изложенная в ней мистическая антропология, на наш взгляд, производна от мистериально-дионисийского сюжета и является его видоизменным

повторением[11]. Для нас принципиально важно, что уже Ансельмо Томмазини, первый интерпретатор ивановской статьи «Anima», которая является во многом новой редакцией «Ты еси», отметил дионисийский характер ивановской мистико-символической трактовки Психеи-Анимы. По мнению Томмазини, Иванов «s'avvicina da un punto di vista un po' diverso, più preoccupato dell'umana tragedia, direi più “dionisiaco” se si chiamasse “apollineo” quello del Bremond, ai misteriosi rapporti di Anima e Animus» [Tommasini, 1940, *92*][12].

О близости концепции «ты еси» к мистериально-дионисийскому сюжету говорит тот факт, что ивановская статья была написана осенью 1907 года, следом за поэмой «Сон Мелампа» – произведением, в котором мистериально-дионисийский сюжет впервые целостно и систематически эксплицирован. Оба текста Иванов отослал в редакцию «Золотого руна» одновременно, 22 сентября [Богомолов, 2009, *244*]. «Поэма “Сон Мелампа” предполагалась быть помещенной в том же номере, что и “Ты еси”, но из-за нехватки места была опубликована в следующем номере» [Иванов, 2018, *512*]. Вполне осознавая, что post hoc ergo propter hoc non est, мы утверждаем, что «Сон Мелампа» и «Ты еси» образуют своеобразный диптих. Анализ содержания статьи и ее сопоставление с мистериально-дионисийским сюжетом Иванова убедит нас в том, что почти одновременное создание этих текстов не является простой случайностью, но свидетельствует об их глубинном родстве.

Ольга Шор характеризует принцип «Ты еси» как мистическую антропологию, или «пневматологию», Иванова, который «разбирает интроспективно им усмотренные события внутреннего опыта в связи с экстатическими состояниями “выхода из себя”, вскрывающими антиномию личности» [Иванов, 1974, *766*]. Интерпретация Ольги Шор носит мистериально-дионисийский характер: экстатический трансценсус, в результате которого личное Я соединяется со сверхличным Я, примиряясь с Психеей-Анимой, является не чем иным, как сотериологической триадой сюжета восхождения.

О принципиальной значимости мистериально-дионисийского сюжета в структуре статьи «Ты еси» свидетельствует история ее создания и текстология. Статья была написана Ивановым осенью 1907 года. Первые свидетельства о работе над этим текстом относятся к 18 сентября: «В<ячесла>в, как дитя, счастлив. Ходит по дому и поет во все горло. Отложил немножко “Цыган” и кончает “Ты еси” и “Спорады”» [Богомолов, 2009, *243*], а финальная корректура – к 4 октября

[11] Очень близок к мистериально-дионисийскому сюжету анализ Обатнина [Обатнин, 2000, *103–104*].

[12]«… приближается к мистическим отношениям Анимы и Анимуса с иной точки зрения, скорее дионийиской, чем аполлонийской, как считает Бремон, в большей степени занимаясь трагедией человеческой души». Иванов высоко оценил интуиции Томмазини: «Он терпеливо и нежно распутал клубок и внес свет в мои потемки» [Иванов, 2008, *626*].

[Богомолов, 2009, *244*]. 21 сентября 1907 года Иванов завершает беловой автограф первого полного варианта статьи «Ты еси» [РНБ, ф. 304, ед. хр. 15, *1–12, 14–22*]. Однако окончательный вид статья принимает 4 октября, когда Иванов отсылает правленую корректуру в журнал «Золотое руно». Она отличается от белого автографа несколькими обширными вставками объемом с абзац, содержанием которых является не что иное, как мистериально-дионисийские образы и мотивы. Так, в главке IV появляется третий абзац, где вводится образ Гиппы, который связан с сотериологической триадой сюжета восхождения; главка V дополняется четвертым абзацем, где говорится о растерзании Диониса титанами (мистериальная триада сюжета нисхождения). Таким образом, на финальной стадии работы над статьей «Ты еси» Иванов посчитал необходимым эксплицировать взаимосвязь своей мистической антропологии, построенной вокруг апулеевской символики Психеи и Эроса, с мистериально-дионисийским сюжетом. Без отмеченных абзацев дионисийская проблематика в тексте присутствует (образы менад и Диониса), но остается крайне бледной и лапидарной.

Если учесть, что статья «Ты еси» была написана непосредственно вслед за поэмой «Сон Мелампа», где, напомним, мистериально-дионисийский сюжет впервые представлен во всей своей полноте, то необходимо признать, что на финальной стадии создания «Ты еси» Иванов либо осознал соответствие своей мистической антропологии мистериально-дионисийскому сюжету, либо счел нужным эксплицировать эту связь, которая была ясна для него и ранее. Внедрение мистериально-дионисийского сюжета в густую мистико-символическую ткань «Ты еси» очевидным образом делает эту ткань сверхплотной. Символическая многослойность становится еще более комплексной, понимание мистической символики – еще более трудным. Но это Иванова не смущает. По всей видимости, соотнесение принципа «ты еси» с кругом не только христианских и оккультных, но и дионисийских идей было для него принципиально важным.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

НЛО – Новое литературное обозрение.
РАИ – Римский архив Вячеслава Иванова.
РНБ – Отдел рукописей Российской национальной библиотеки.

ЛИТЕРАТУРА

Аверинцев С.С. Предварительные замечания // Иванов Вяч. Человек: Приложение: Статьи и материалы. М.: Прогресс-Плеяда, 2006. С. 51–72.

Бибихин В.В. Ты еси // Вячеслав Иванов. Архивные материалы и исследования. М.: Русские словари, 1999. С. 286–302.

Богомолов Н.А. Вячеслав Иванов в 1903–1907 годах: Документальные хроники. М.: Изд-во Кулагиной – Intrada, 2009. 284 с.

Венцлова Т. Собеседники на пиру: Литературоведческие работы. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 624 с.

Волошин М.А. Собрание сочинений. Т. 9: Письма 1903–1912. М.: Эллис Лак, 2010. 784 с.

Грабар М. Отклики теории Вячеслава Иванова «Ты еси» у Эммануэля Левинаса и Жака Дерриды // Загадка модернизма: Вячеслав Иванов: материалы XI Международной Ивановской конференции «Viacheslav Ivanov: the Enigma of Modernism» (The Hebrew University of Jerusalem, May 5–7, 2019). М.: Водолей, 2021. С. 225–233.

Иванов В.И. Религия Диониса. Главы IV–V // Вопросы жизни. 1905. № 7. С. 122–148.

Иванов В.И. Собрание сочинений. Т. I. Брюссель: Foyer Oriental Chrétien, 1971. 872 с.

Иванов В.И. Собрание сочинений. Т. II. Брюссель: Foyer Oriental Chrétien, 1974. 852 с.

Иванов В.И. Собрание сочинений. Т. III. Брюссель: Foyer Oriental Chrétien, 1979. 896 с.

Иванов В.И. О многобожии // НЛО. 1994. № 10. С. 33–39.

Иванов В.И. Избранная переписка с сыном Димитрием и дочерью Лидией // Символ. 2008. № 53–54. С. 460–627.

Иванов Вячеслав, Зиновьева-Аннибал Лидия. Переписка: 1894–1903. М.: Новое литературное обозрение, 2009. Т. 1. 752 с.; Т. 2. 568 с.

Иванов В.И. По звездам: Опыты философские, эстетические и критические: Статьи и афоризмы. Кн. 2. Примечания. СПб.: Пушкинский Дом, 2018. 672 с.

Капри Г. На пути к страдающему богу // НЛО. 1994. № 10. С. 27–32.

Каяниди Л.Г. «Прометей» Вяч. Иванова и «Музыка как предмет логики» А.Ф. Лосева: мифологическая символика в свете основоположений музыкального бытия // Философ и его время: К 125-летию со дня рождения А.Ф. Лосева. XVI Лосевские чтения / сост. Е.А. Тахо-Годи. М.: МАКС Пресс, 2019. С. 522–531.

Каяниди Л.Г. Генезис архетипического дионисийского сюжета у Вячеслава Иванова // Сибирский филологический журнал. 2024а. [Принята к публикации]

Каяниди Л.Г. Репрезентация мистериально-дионисийского сюжета в книге лирики Вячеслава Иванова «Кормчие звезды» // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2024б. [Принята к публикации]

Лосев А.Ф. Музыка как предмет логики // Лосев А.Ф. Самое само. М.: ЭКСМО-Пресс, 1999. С. 635–822.

Обатнин Г.В. Иванов-мистик (Оккультные мотивы в поэзии и прозе Вячеслава Иванова (1907–1919)). М.: НЛО, 2000. 240 с.

Сегал Д., Сегал (Рудник) Н. «Ну, а по существу я ваш неоплатный должник». Фрагменты переписки В.И. Иванова с Е.Д. Шором // Символ. 2008. № 53–54. С. 338–403.

Титаренко С.Д. К разгадке эссе Вячеслава Иванова «Анима» // Иванов В.И. Анима. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009. С. 89–120.

Титаренко С.Д. «Фауст нашего века»: Мифопоэтика Вячеслава Иванова. СПб.: ИД «Петрополис», 2012. 654 с.

Федотова С.В. Выступление Вяч. Иванова в Петербургском религиозно-философском обществе по докладу Н.А. Бердяева о книге В.И. Несмелова // Вячеслав Иванов. Исследования и материалы. Вып. 2. СПб.: РХГА, 2016. С. 143–161

Ivanov Vjačeslav. Dichtung und Briefwechsel aus dem deutchsprachigen Nachlass / ed. Michael Wachtel. Mainz: Liber Verlag, 1995. 319 S.

Tommasini Fra Anselmo M. Animus e Anima // Rivista di filosofia neo-scolastica. XVIII. 1. 1940. P. 86–100.

West J. «Ty esi» // Cultura e memoria: atti del terzo simposio internazionale dedicato a Vjačeslav Ivanov, Firenze 1988, 1, 231–238.

L.G. Kaianidi
PhD in Philology, Associate Professor,
Chair of Literature and Journalism,
Smolensk State University
Smolensk, Russia

Vyacheslav Ivanov's Dionysian-mysterial Plot and his Mystical Anthropology (the Concept of «Thou art»). The First Article

The article «Thou art» is the quintessence of Ivanov's mystical anthropology. The understanding of this text as a palimpsest in which Christian theology, Sophiology, Gnosticism and Anthroposophy coexist established in the research literature. But it remains unclear what is the beginning which integrates such diverse semantic layers. Our purpose is to show that such a common denominator is the Dionysian-mysterial plot – a dialectically constructed narrative that goes back to the orphic myth of Dionysus' tearing. The research material was Ivanov's poetic, philosophical, scientific and epistolary texts. We used comparative, hermeneutic, structural and semantic methods. In this study, we consider the meaning of the principle «thou art» in Ivanov's works, its genesis and the history of interpretation of Ivanov's mystical anthropology, we define the Dionysian-mysterial plot, describe its structure and analyze the handwritten history of the article «Thou art», which turns out to be directly related to the Dionysian-mysterial plot. The article «Thou art» has a rich history of interpretation, which, however, suffers from two disadvantages: anti-dialectical static nature and discreteness. To understand the principle of «thou art» we compare it with Ivanov' Dionysian-mysterial plot. While analyzing the handwritten history of «Thou art», we show how, at the final stage of work on the text of the article, Ivanov adds several paragraphs in which Dionysian-mysterial motifs are concentrated, thereby emphasizing their significance for his mystical anthropology.

Key words: *Vyacheslav Ivanov; mysticism; mythopoetics; dionysianism; plot structure; «thou art».*

REFERENCES

Averintsev S.S. Preliminary remarks [Predvaritel'nye zamechaniia]. *Ivanov Viach. Chelovek: Prilozhenie: Stat'i i materialy*. Shishkin A.B. (ed.) Moscow: Progress-Pleiada Publ., 2006, pp. 51–72. (in Russian).

Bibikhin V.V. Thou art [Ty esi]. *Viacheslav Ivanov. Arkhivnye materialyi issledovaniia.* Gogotishvili L.A., Kazarian A.T. (ed). Moscow: Russkie slovari Publ., 1999, pp. 286−302. (in Russian).

Bogomolov N.A. *Vyacheslav Ivanov in 1903 – 1907: Documentary chronicles* [Viacheslav Ivanov v 1903 – 1907 godakh: Dokumental'nye khroniki]. Moscow: Izd-vo Kulaginoi – Intrada Publ., 2009 p. (in Russian).

Fedotova S.V. Speech by V. Ivanov in the St. Petersburg Religious and Philosophical Society on the report of N.A. Berdyaev on the book by V.I. Nesmelov [Vystuplenie Viach.

Ivanova v Peterburgskom religiozno-filosofskom obshchestve po dokladu N.A. Berdiaeva o knige V.I. Nesmelova]. *Viacheslav Ivanov. Issledovaniia i materialy*. no. 2. Griakalova N.Iu., Shishkin A.B. (ed). Saint Petersburg: RKhGA Publ., 2016, pp. 143–161 (in Russian).

Grabar M. Responses to the theory of Vyacheslav Ivanov "Thou art" from Emmanuel Levinas and Jacques Derrida [Otkliki teorii Vjacheslava Ivanova «Ty esi» u Jemmanjujelja Levinasa i Zhaka Derridy]. *Zagadka modernizma: Vjacheslav Ivanov: materialy XI Mezhdunarodnoj Ivanovskoj konferencii «Viacheslav Ivanov: the Enigma of Modernism»* (The Hebrew University of Jerusalem, May 5–7, 2019). M.: Vodolej, 2021, p. 225–233 (in Russian)

Ivanov V.I. About polytheism [O mnogobozhii]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 1994, no. 10, pp. 33−39. (in Russian).

Ivanov V.I. By the stars: Philosophical, aesthetic and critical experiments: Articles and aphorisms. Book 2. Notes [Po zvezdam: Opytyfilosofskie, esteticheskieikriticheskie: Stat'i-iaforizmy. Kniga 2. Primechaniia]. St-Petersburg: Pushkinskii Dom, 2018. 672 p. (in Russian).

Ivanov V.I. Collected works [Sobraniesochinenii]. Vol. I. Bruxelle: Foyer Oriental Chrétien, 1971. 872 p. (in Russian).

Ivanov V.I. Collected works [Sobraniesochinenii]. Vol. II. Bruxelle: Foyer Oriental Chrétien, 1974. 852 p. (in Russian).

Ivanov V.I. Collected works [Sobraniesochinenii]. Vol. III. Bruxelle: Foyer Oriental Chrétien, 1979. 896 p. (in Russian).

Ivanov V.I. Religion of Dionysus [ReligiiaDionisa]. *Voprosy zhizni*, 1905, no. 7, p. 122–148. (in Russian).

Ivanov V.I. Selected correspondence with son Dimitri and daughter Lydia [Izbrannaia-perepiska s synomDimitriemidocher'iuLidiei]. *Simvol*, no. 53–54, 2008, pp. 460–627. (in Russian).

Ivanov Viacheslav, Zinov'eva-AnnibalLidiia. Correspondence: 1894–1903 [Perepiska: 1894–1903]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2009. Vol. 1. 752 p.; Vol. 2. 568 p. (in Russian).

Ivanov Vjačeslav. Poetry and correspondence from the German-speaking heritage [Dichtung und Briefwechsel aus dem deutchsprachigen Nachlass]. Michael Wachtel (ed.). Mainz: Liber Verlag, 1995. 319 S. (in German).

Kaianidi L.G. «Prometheus»by V. Ivanov and «Music as a subject of Logic» by A.F. Losev: mythological Symbolism in the light of the fundamentals of musical existence [«Prometei» Viach. Ivanovai «Muzyka kak predmet logiki» A.F. Loseva: mifologicheskaia simvolika v svete osnov o polozhenii muzykal'nogo bytiia]. *Filosofi ego vremia: K 125-letiiu so dnia rozhdeniia A.F. Loseva. XVI Losevskie chteniia*. Compiled by Takho-Godi E.A. Moscow: MAKS Press Publ., 2019, pp. 522–531. (in Russian).

Kaianidi L.G. Representation of the Dionysian-mysterial plot in the book of poems by Vyacheslav Ivanov «Pilot Stars» [Reprezentatsiia misterial'no-dionisiiskogosiuzheta v knige liriki Viacheslava Ivanova «Kormchie zvezdy»]. *Issues of Tomsk State University. Philology*. 2024b. [Accepted for publication] (in Russian).

Kaianidi L.G. The genesis of the archetypal dionysian plot by Vyacheslav Ivanov [Genezis arkhetipicheskogo dionisiiskogo siuzheta u Viacheslava Ivanova]. *Sibirskii filologicheskii zhurnal*. 2024a. [Accepted for publication] (in Russian).

Kapri G. On the way to the suffering God [Na puti k stradaiushchemubogu]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 1994, no. 10, pp. 27–32. (in Russian).

Losev A.F. Music as a subject of logic [Muzyka kak predmet logiki]. Losev A.F. *Samoe samo*. Moscow: EKSMO-Press, 1999, pp. 635–822 (in Russian).

Obatnin G.V. Ivanov the Mystic (Occult motifs in the poetry and prose of Vyacheslav Ivanov (1907–1919)) [Ivanov-mistik (Okkul'tnye motivy v poezii i prozeViacheslava Ivanova (1907–1919))]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2000. 240 p. (in Russian).

Segal D., Segal (Rudnik) N. «Well, in essence I am your unpaid debtor». Fragments of correspondence between V.I. Ivanov and E.D. Shor [«Nu, a po sushchestvu ia vash neoplatnyi dolzhnik». Fragmenty perepiski V.I. Ivanova s E.D. Shorom]. *Simvol*, no. 53–54, 2008, pp. 338–403 (in Russian).

Titarenko S.D. «Faust of Our Century»: Vyacheslav Ivanov's Mythopoetics [«Faust nashego veka»: MifopoetikaViacheslava Ivanova]. Saint Petersburg: ID «Petropolis» Publ., 2012, 654 p. (in Russian).

Titarenko S.D. To unravel Vyacheslav Ivanov's essay «Anima» [K razgadke esse Viacheslava Ivanova «Anima»]. Ivanov V.I. *Anima*. St. Petersburg: Fakul'tet filologii i iskusstv SPbGU Publ., 2009, pp. 89–120 (in Russian).

Tommasini Fra Anselmo M. Animus and Anima [Animus e Anima]. *Rivista di filosofia neo-scolastica*. XVIII.1. 1940, pp. 86–100. (in Italian).

Venclova T. Interlocutors at the feast: Literary works [Sobesedniki na piru: Literaturovedcheskie raboty]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2012. 624 p. (in Russian).

Voloshin M.A. Collected works [Sobranie sochinenii]. Vol. 9: Moscow: Ellis Lak, 2010. 784 p. (in Russian).

West J. «Ty esi». *Cultura e memoria: atti del terzo simposioi nternazionale dedicato a Vjačeslav Ivanov*, Firenze 1988, 1, pp. 231–238. (in Italian).

А.В. Радионова

Смоленский государственный университет
Смоленск, Россия

УДК 82.0

DOI 10.35785/2072-9464-2023-63-3-17-29

РОЛЬ АНАТОМИЧЕСКИХ ТЕМ В ТВОРЧЕСТВЕ И ФИЛОСОФСКОЙ КОНЦЕПЦИИ Б. ПАСТЕРНАКА

Ключевые слова: *Б. Пастернак; «Доктор Живаго»; анатомические темы; философские мотивы; образы.*

Предметом изучения в статье являются анатомические темы в творчестве Б. Пастернака, которые имеют глубокое символическое значение. К сцене в анатомическом театре из романа «Доктор Живаго» идут нити от биографии, лирики, ранней прозы, публицистики. Эта подготовительная работа дала широкий контекст для понимания темы анатомии и мотива препарирования утопленниц в контексте философского осмысления искусства, жизни и человеческого бытия, их самостоятельности и единства. На формирование метода «анатомического» мироописания оказали влияние некоторые аспекты учений Аристотеля, Ницше и Кьеркегора. «Анатомический» подход предполагает, что каждая мельчайшая деталь пейзажа, каждое движение души, каждый образ искусства являют красоту целого. Но, чтобы постичь явление в целом, надо увидеть красоту детали. Это миропонимание выражается не только на тематическом уровне посредством использования анато-

мических тем, но и на образном и мотивном при описании пейзажных и душевно-эмоциональных состояний. Данную стилистическую особенность творчества Пастернака можно назвать методом поэтического сецирования явлений жизни.

Об огромной роли «медицинской» темы в творчестве Б. Пастернака свидетельствует разветвленная парадигма соответствующих мотивов и образов и названия его произведений: стихотворный цикл «Болезни земли» из книги «Сестра моя – жизнь»; семь стихотворений цикла «Болезнь» из книги «Темы и вариации. 1916–1922», среди которых «Больной следит. Шесть дней подряд...» и «Фуфайка больного»; стихотворение «Высокая болезнь» из цикла «Эпические мотивы»; стихотворение «В больнице» из цикла «Когда разгуляется. 1956–1959». Первую свою публицистическую прозу он назвал «Вассерманова реакция» (анализ крови на сифилис), а роман, главное произведение своей жизни, – «Доктор Живаго».

С медициной Б. Пастернак был связан опосредованно через отца, известного художника-импрессиониста, который, прежде чем отдать себя изобразительному искусству, в течение года был студентом Московского университета, обучаясь на медицинском факультете. В 1895 году Леонид Осипович Пастернак написал картину «Ночь накануне экзамена», на которой четверо студентов готовятся к экзамену по анатомии. У каждого студента своя тактика подготовки. Один изучает материал по конспектам, второй – по наглядности, соотнося иллюстрацию атласа и человеческий череп, который держит в руках. Третий выказывает меньшую заинтересованность в изучении предмета, о чем говорит его расслабленная поза, мечтательно устремленный в окно взгляд, он курит и не обращает внимания на раскрытую книгу, лежащую на коленях. Четвертый и вовсе не обеспокоен предстоящим испытанием, он лукаво улыбается, развалился на стуле, отвернувшись от стола и отложив в сторону конспекты.

Картина навеяна студенческими впечатлениями. Медицинский факультет Леонид Осипович бросил. О причине этого он писал следующее: «…Я не в силах был преодолеть своего отвращения к трупам, к сецированию, ко всему характеру анатомического театра и не мог ко всему этому привыкнуть. Но ту часть анатомии, которая нужна художнику, а именно остеологию и миологию, т.е. учение о костях и мышцах, я с большим интересом прошел и даже сдал на “отлично” полугодовой экзамен у строжайшего известного профессора Зернова» [Пастернак Л., 1976, *24–25*]. Дядя Пастернака Кауфман Иосиф Исидорович был знаменитым доктором города Касимова. Врачом стал и близкий гимназический друг Л.Е. Риг, с которым Борис проводил много времени в юности и вел переписку во время расставания.

По воле судьбы Борис Пастернак пережил несколько моментов, когда сильно нуждался в медицинской помощи. В первый раз в 1910 году: «В январе Пастернак заболел скарлатиной. Эта болезнь, побежденная теперь медициной, была в те времена нешуточной. В среднем умирало 15 человек

из ста заболевших. Сравнительно редкие заболевания у взрослых были особенно опасны» [Пастернак Е., 1989, *132*]. В 1913 году будущий поэт оказался в еще более опасном положении. Он упал с лошади и сломал бедро, долгое время был обездвижен, много испытал страданий в связи с этим переломом сразу, и потом в течение всей жизни. Галоп лошади, которая понесла его тогда, стал внутренним ритмом, определившим его страсть к поэзии. По его словам, ритм стал событием, а события стали ритмами [Пастернак Б., 2003, *585*][1].

Осенью 1918 года: «С наступлением зимы и холодов Пастернак простудился и заболел. Это была страшная эпидемия инфлюэнцы, как тогда называли грипп, унесшая в тот год множество жизней. Как правило, болезнь переходила в воспаление легких. Ослабленный недоеданием и перегрузками, больной находился в критическом состоянии» [Пастернак Е., 1989, *333*]. В 1920 году он пережил сильнейший фурункулез [Пастернак Б., 205с, *448*]. В 1929 году у Пастернака обнаружилась киста, которая уничтожила часть челюстной кости. Он перенес мучительную долгую операцию. Пастернак описал свои страдания (9.VII.29): «...Я за нею терял сознанье, потому что местная анестезия не удалась... а общую побоялись делать, чтобы не перерезать центрального лицевого нерва…» [Пастернак Б., 2005а, *340*]. Имея очень чувствительную психику, Пастернак физически заболевал в стрессовых ситуациях. В 1930 году было опубликовано постановление Секретариата ФОСП о создании бригад писателей для посылки их в колхозы и совхозы. З.А. Масленникова записала рассказ Пастернака о такой поездке. «То, что я там увидел, – говорил он, – нельзя выразить никакими словами. Это было такое нечеловеческое, невообразимое горе, такое страшное бедствие, что оно становилось уже как бы абстрактным, не укладывалось в границы сознания. Я заболел» (З.А. Масленикова. Борис Пастернак. Встречи. М., 2001. С. 53. Цит. по: [Пастернак Б., 2004с, *605*]).

Все эти биографические факты могут в определенной степени объяснить, почему так велика роль медицинских вообще и анатомических в частности мотивов и образов в формировании философского аспекта поэтики Пастернака.

К описанию мира Пастернак применял в некотором смысле анатомический подход. Уже замечено, что большое значение в лирике Б. Пастернака имеют соматизмы – слова, обозначающие части тела. Исследование этой лексики выполнено Н. Фатеевой[2] (она же заметила большое количество мо-

[1] О значении этого события в судьбе и творчестве Пастернака см.: [Раевская-Хьюз, 1989; Флейшман, 1977, *103–107*; Быков, 2006, *26*].

[2] «…Человек часто обозначен у Пастернака метонимически, через перечисление отдельных органов, представляющих и замещающих его целиком (ср.: Душа не береглась, И память – в пятнах икр и щек, И рук, и губ, и глаз; Когда бы, человек, – я был пустым собраньем Висков и губ и глаз, ладоней, плеч и щек!). Одновременно и весь мир персонифицируется путем присвоения ему частей человеческого тела, которые выступают как олицетворяющие детали (Плитняк

тивов болезненного состояния лирического субъекта и исследовала семантическое поле «болезни» в его творческой системе [Фатеева, 2018, *256*], см. также: [Фатеева, 2003]). Как пример, показывающий способ описания мира с помощью соматизмов, приведем фрагмент лирической характеристики мельниц: *Как губы, – шепчут; как руки, – вяжут; / Как вздох, – невнятны, как кисти, – дряхлы, / И кто узнает, и кто расскажет. / Чем тут когда-то дело пахло?* («Мельницы» [Пастернак Б., 2003, *104*]). Мельницы становятся образом творческого человека. Но человек этот предстает не целостно, а совокупностью частей тела.

Такой прием замещения человека перечислением отдельных органов является частью пастернаковского метода мироописания, который использован и в лирике, и в прозе, а также поддержан публицистикой.

Писатель рано начал формирование этого метода. Уже в 1911 году в письме Штиху он использовал термин «вивисецирование» не в прямом значении операции на живом организме для изучения его функций, а в образном: разделение действующего здания училища, в котором жила семья Пастернаков, для его реконструкции. Борис в то время – студент философского отделения историко-филологического факультета Московского университета и участник семинара профессора Г.И. Челпанова по экспериментальной психологии. Челпанов огромное значение придавал экспериментальным исследованиям природы мышления. Вместе со студентами он проводил психологические эксперименты в специально созданной для этого лаборатории. Это определило отношение Пастернака к психологии как к материи более высокого уровня организации, отражающей клеточность бытия[3]. Отсюда интерес к психологии, обнаруживаемый и в указанном письме, ее связь с исследованием искусства[4]. В данном контексте присутствует метатекстуальная тема кройки, относящаяся к парадигме «тканых» и «тканевых»

раскалялся, и улицы лоб Был смугл, и на небо глядел исподлобья Булыжник; Холодная рука ландшафта Вела домой, вела со сборища и др.)» [Фатеева, 2020, *42–43*].

[3] «Вот какой особенностью отличаются преступления у Гофмана. Эдгар По обращается с ними как с психологическими категориями. Для Гофмана они порождения онтологической Θαυμαστ'и, бороздящие бытие там, где оно – клеточно по своему строению, где оно – во множестве монад, жизней, личных эпопей. Философское изумление напрягает бытие до сути. Новелла достигает того же подстановкою преступления в быль» [Пастернак, 2005, *144*].

[4] «…Я говорил, что терпеть не могу, когда ассоциативная психология, которую надлежит кроить, напускает на себя вид портного. В воздухе висели слова: прочное положение, из которого можно выводить ad infinitum... математика... понятие единства и множества, предела и непрерывности... и иррационального. Математика, логика... <…> Представь себе, через несколько дней я узнаю от одного человека: “Что с вами сделалось, вы отрицаете все, что не подлежит осязательной проверке (ощупыванию)... признаете только эмпирическое данное и отрицаете искусство...”. Все это было очень забавно. Так я на углу Арбата и Поварской оказался... сенсуалистом и... утилитаристом. <…> Много очень близких людей очень странно реагировали бы, если бы я заменил слово “крылья” или что-нибудь в птичьем духе словом “метод” или слово “стиль” – словом “разложение”» [Пастернак, 2005, *83–84*].

тем, связанных в творческой системе Пастернака с философией бытия[5]. Аналогом понятия «стиль» для Пастернака является понятие «разложение», синонимичное сецированию.

Второй раз Пастернак использовал термин «вивисецирование», рассуждая о поэзии Сергея Боброва в письме Константину Локсу 1917 года[6]. И тут снова повторяется связка этого мотива с «тканевой» парадигмой. Но уже с мерцанием значений ткани как текстиля и ткани как материи организма. Поэтический дар – это Божий дар обнаружить нужное «волокно».

Осмысление философских категорий с привлечением медицинских реалий было в духе времени, когда властителем умов был Ницше. Философ сравнивал болезнь с гениальностью, а обретение истины отождествлял с исцелением[7].

В «Истории одной контроктавы» есть описание процесса исполнения органистом кантилены, отождествленное с любовным соитием автора и его музыки, которая зреет подобно женскому телу [Пастернак Б., 2004а, *351*]. Здесь имеет значение омография слов орг*а*н и *о*рган. Не только музыка уподобляется телу, но и сам орган: «орган отказал двум клавишам в повиновении и из грандиозного бастиона труб и клапанов рванулся какой-то нечеловеческий крик, нечеловеческий оттого, что он казался принадлежащим человеку» [Там же]. А ребенок музыканта погибает «во внутреннем аппарате органа» [Пастернак Б., 2004а, *358*]. И сразу после этого именования инструмента, в котором мерцают оба значения омографов, Пастернак перешел к описанию переживания главным героем материальности своей души: «Он ощущал ее и чувствовал, где она, потому что она у него болела. В ней творилось что-то, что напоминало ревматическое перерождение сосудов (при склерозе); как мышечная мякоть, душа ожесточалась у него и медленно нарывала. Тугая, вплоть прилегая изнутри к каждой полости его тела, она бредила, как бредит всякий болезнетворный орган» [Там же]. В романе эта тема также всплывет в контексте философского учения Живаго, в котором

---

[5] См.: К.А. Нагина о мифопоэтическом контексте «“тканых” мотивов, включающих в себя представление о мироздании / жизни / судьбе как спряденной, сотканной нити» [Нагина, 2011, *39*]; также о значении «кройки и шитья» в «Докторе Живаго» в монографии И.П. Смирнова «Роман тайн “Доктор Живаго”» [Смирнов, 1996, *62–67*].

[6] «Бог дал ему способность разыскать это волокно во всем плетеве всех прочих; автор силою положения не мог видеть это волокно непоэтически; Богу угодно сделать его поэтом так, а не как-нибудь еще. Что же, говорю я, делает автор? Ведь он знает, где и как пробегает это волокно. Вот и можно, значит, теребить и колоть его, дергать в стороны и вивисецировать» [Пастернак, 2005, *333*].

[7] «Я все еще жду, что когда-нибудь появится философский *врач* в исключительном смысле слова – способный проследить проблему общего здоровья народа, эпохи, расы, человечества, – врач, обладающий мужеством обострить до крайности мое подозрение и рискнуть на следующее положение: во всяком философствовании дело шло доныне вовсе не об “истине”, а о чем-то другом, скажем о здоровье, будущности, росте, силе, жизни...» [Ницше, 1990, *494, 495*].

человеческая личность определена как биологическая основа организма [Пастернак, 2004b, *472*]. Корни этой теории уходят к Аристотелю, которого Пастернак анализировал в заметках <О предмете и методе психологии>: «Для Аристотеля психология есть широко построенная биология. <…> По своей методике эта психология – естественно-научная. Она вправе быть такою: душа как принцип органического и только, – вот ее интерес; и высшие познавательные функции истолковываются ею однородно с низшими, бессознательными функциями жизни, – это явления одной плоскости в этом биологическом сечении» [Пастернак Б., 2004c, *303*]. Таким образом, телесное, сознание и бессознательное представляют собой неразрывную триаду личности.

Но еще в большей степени Пастернак близок мировоззрению Кьеркегора, который утверждал, что «тело является органом души, а также органом духа» [Кьеркегор, 2010, *257*]. Физически ощущаемая боль, по Кьеркегору, является шипом или жалом в плоти, которое разрушает человека изнутри, разрывая его телесность, но созидает его бытие в вечности[8]. Философ видел необходимость в самоанализе, при котором акты сознания – своеобразная операция над собой. При этом он использовал анатомический термин «вивисекция» (вскрытие живого организма) [Кьеркегор, 2011, *604*]. В частности, ситуация любви к женщине, если реализуется в земном браке, превращается в мертвую обыденность, убивающую истинное чувство. Отстранение от объекта любви, напротив, ценой нечеловеческой боли и страданий переводит чувство в плоскость вечности.

Интересно, что Пастернак писал в том же ключе совмещения актов сознания и реакции тела по поводу «Гамлета», а именно разговора Гамлета с Офелией, когда Гамлет отказывается от своей возлюбленной (подобно этому и Кьеркегор отказался от своей Регины): «Не знаю, насколько наши переводы передают возвышающую, то есть возводящую в наивысшие разряды созданья и обезболивающую гармонию достоинства этого органного вступленья к драматической операции, к неизбежной боли. Потому что именно в красоте поэзия» [Пастернак Б., 2004c, *324*]. В этом фрагменте «Заметок о Шекспире» «орган» опять появляется рядом с темой нарушения телесной целостности – «операция». И художественное произведение писатель сравнил с организмом, который подвергается медицинским манипуляциям: «обладает способностью принимать прививку, способно к наращиванию и т.д.» [Пастернак Б., 2004c, *394*].

Человек, которого Господь отметил особыми талантами, – это, по представлению писателя, «орган Его смысла» [Пастернак Б., 2004a, *548*]. Повесть «История одной контроктавы» была написана во многом как результат переживаний по поводу разрыва с музыкой. Этот разрыв сам автор в письме

[8] «Да, шип в плоти все-таки в конечном счете все во мне разрушает, но тем легче я оказываюсь способным к прыжку в бесконечное» [Кьеркегор, 2010, *459*].

К.Г. Локсу от 28 января 1917 года назвал ампутацией: «В строю таких состояний забросил я когда-то музыку. А это была прямая ампутация; отнятие живейшей части своего существования» [Пастернак Б., 2004a, *598–599*].

В статье «Несколько положений» Пастернак дал свое определение искусства: «Современные течения вообразили, что искусство как фонтан, тогда как оно – губка. Они решили, что искусство должно бить, тогда как оно должно всасывать и насыщаться. Они сочли, что оно может быть разложено на средства изобразительности, тогда как оно складывается из органов восприятия» [Пастернак Б., 2004c, *24*]. Этот метод является буквальной реализацией метода эстетического анализа (анализ (греч. – разложение) – разделение объекта на составные части). Мы назовем его условно – метод поэтического сецирования явлений жизни. Это устаревший медицинский термин изучения анатомии путем разъятия организма на отдельные органы. И в контексте всего творчества Пастернака данный медицинский термин не случаен.

Анатомия – особенное слово в творческой системе Пастернака, которое он использовал неоднократно в разных жанрах. В ранней прозе мы видим портрет гения-музыканта Реликвимини: «Он худой, но до той границы, где начинается недозволенное порядочному человеку, пожалуй, его мог бы писать Гольбейн. По крайней мере, лицо его, когда он отходит, чтобы потянуть за шнур, свисающий с границы неодушевленного, лицо его оказывается набранным при посредстве самого несложного чистого анатомического алфавита. По-видимому, он из тех, кто идут от простого к простому со сложной походкой» [Пастернак Б., 2004a, *463–464*]. Части лица Пастернак назвал анатомическим алфавитом. В «Охранной грамоте» он дал такую характеристику Марбургской философской школе: «Однородность научной структуры была для школы таким же правилом, как анатомическое тождество исторического человека» [Пастернак Б., 2004a, *169*].

В эпистолярном жанре мы встречаем его замечания о том, что письма адресата «действуют почти анатомической близостью своего строя: написанное говорит о пишущем больше, чем он о том ведает» [Пастернак Б., 2005a, *178*]. В другом письме Пастернак жаловался на трудности перевода «Фауста» в таких выражениях: «все стороны жизни слились неотделимо и каждая сковывает и причиняет боль; и что из этих пустяковых незлокачественных опухолей главный жировик это Фауст, с удаления которого я хочу начать эти (в мечте) облегчительные операции. <…> За вычетом этой анатомии, внутренне и душевно, я, по счастию, совершенно здоров и, в работоспособности своей, очень много успеваю» [Пастернак Б., 2005b, *655*].

На такое восприятие мира и человека повлияло общение поэта с гимназическим другом студентом-медиком Л.Е. Ригом, который, видимо, водил его в анатомический театр [Пастернак Б., 2004b, *668*]. Это впечатление отразилось в философских размышлениях о том, как части составляют целое и

обеспечивают его жизнь, как в части явлены смысл и красота целого. О постижении неразложимого Пастернак писал не единожды в художественной прозе [Пастернак Б., 2004a, *514–515*], в публицистической прозе [Пастернак Б., 2004c, *24, 57, 177, 307, 310, 409*], в письмах [Пастернак Б., 2005, *84, 246, 400, 433*; Пастернак Б., 2004a, *166, 237, 273*].

В ранней редакции «Детства Люверс» [Пастернак, 2004a, *514*] он написал, что литераторы должны учиться у анатомов: «Врачи облегчили романистам их задачу». И далее он пояснил, что врач дал романисту: «Романист должен знать, что тот, кто умеет ампутировать, привык отожествлять кусок с образцом». То есть, занимаясь частью, врач не упускает из внимания целое, мыслит в контексте нужд всего тела: «Он – материалист только в том смысле, в каком материалист – торговец красным товаром, привыкший по отрезу судить о материи в цельной штуке». Но затем Пастернак резюмировал: производитель «не воспитан на лоскутках». Расчленение само по себе не может служить жизни. И далее он продолжил развивать образ: «Мы сомневаемся в том, чтобы животное развивалось по законам разложения животного на части, а тем более по законам разлагающегося животного». Этот образ проиллюстрировал проблему изображения взаимоотношений между полами, которые некоторые литераторы ставят в центр проблематики произведения, что подобно расчленению целостной жизни, выхватыванию и препарированию одного ее куска. «Надо заходить к человеку в те часы, когда он целен», – написал Пастернак. То есть изображать подробность отдельных сторон человеческого бытия необходимо, но исходя из ценности целого.

То, что поэт в представлении Пастернака близок по природе своей деятельности к врачу, подтверждает его предисловие к переводу «Марии Стюарт» Шиллера, в котором он отметил медицинское образование последнего и службу в должности полкового врача, а затем бегство со службы [Пастернак Б., 2004c, *90*]. И своего главного героя он делает врачом. В «Докторе Живаго» через него Пастернак высказал свой взгляд на искусство как на неразложимое на элементы «утверждение о жизни» [Пастернак Б., 2004b, *281*]. Если крупицы этого искусства попадают в произведение, то все его целиком они превращают в искусство.

В контексте этой философии и появляется в «Докторе Живаго» эпизод в анатомическом театре Московского университета:

«Будучи четыре года тому назад на первом курсе, он целый семестр занимался в университетском подземелье анатомией на трупах. Он по загибающейся лестнице спускался в подвал. В глубине анатомического театра группами и порознь толпились взлохмаченные студенты. Одни зубрили, обложившись костями и перелистывая трепаные, истлевшие учебники, другие молча анатомировали по углам, третьи балагурили, отпускали шутки и гонялись за крысами, в большом количестве бегавшими по каменному полу мертвецкой. В ее полутьме светились, как фосфор, бросающиеся в глаза голизною

трупы неизвестных, молодые самоубийцы с неустановленной личностью, хорошо сохранившиеся и еще не тронувшиеся утопленницы. Впрыснутые в них соли глинозема молодили их, придавая им обманчивую округлость. Мертвецов вскрывали, разнимали и препарировали, и красота человеческого тела оставалась верной себе при любом, сколь угодно мелком делении, так что удивление перед какой-нибудь целиком грубо брошенной на оцинкованный стол русалкою не проходило, когда переносилось с нее к ее отнятой руке или отсеченной кисти. В подвале пахло формалином и карболкой, и присутствие тайны чувствовалось во всем, начиная с неизвестной судьбы всех этих простертых тел и кончая самой тайной жизни и смерти, располагавшейся здесь в подвале как у себя дома или как на своей штаб-квартире.

Голос этой тайны, заглушая все остальное, преследовал Юру, мешая ему при анатомировании. Но точно так же мешало ему многое в жизни. Он к этому привык, и отвлекающая помеха не беспокоила его» [Пастернак Б., 2004b, 66].

Располагалась мертвецкая Московского университета в Анатомическом корпусе архитектора Никифорова (Москва, Моховая ул., дом 11, строение 8). Внешнее описание сцены изучения анатомии повторяет подход Леонида Осиповича в картине, когда видно студентов добросовестных и нерадивых. Основатель анатомического театра Московского университета в 1819 году, знаменитый анатом Христиан Иванович Лодер учил студентов «в мертвом видеть живое тело» [Куприянов, 1981]. Пастернак учил тому же. Он исповедовал принцип сохранения красоты целого в каждой его части.

В эпизоде студенты изучают анатомию, препарируя утопленниц. Образ утопленниц в начале XX века был актуален в массовом сознании благодаря таким фактам визуальной культуры, как знаменитая картина Василия Перова «Утопленница» (1867 год) и широко распространенная открытка с изображением картины немецкого художника Габриэля фон Макса (1840–1915) «Анатом» (начало XX века).

В лирике Пастернака образ утопленницы появляется рано. Стихотворение «Душа» 1915 года: *О, – в камне стиха, даже если ты канула. / Утопленница, даже если – в пыли. / Ты бьешься, как билась княжна Тараканова, / Когда февралем залило равелин* [Пастернак Б., 2003, *84*]. Здесь утопленница – душа. Когда Пастернак давал характеристику Маяковскому, он сравнил его с врачом, хорошо знающим анатомию, что необходимо, когда надо нечто мертвое превратить в живое: «Маяковский начинает понимать поэзию столь же живо, как когда-то по одному мановению очей схватывал мысли улицы и неба над нею. Он подходит к поэзии все проще и все уверенней, как врач к утопленнице, заставляя одним уже появлением своим расступиться толпу на берегу. По его движениям я вижу, он живо, как хирург, знает, где у ней сердце, где легкие; знает, что надо сделать с ней, чтобы заставить ее дышать. Простота таких движений восхищает. Не верить в них

нельзя» [Пастернак Б., 2004с, 23]. Здесь утопленница – это поэзия, словесный материал, изначальная неживая материя, которую поэтический гений должен оживить.

Наконец, те же утопленницы появляются в стихотворении «Мертвецкая мгла» (1931) [Пастернак Б., 2004, *69–70*]:

Мертвецкая мгла,
И с тумбами вровень
В канавах – тела
Утопленниц-кровель.

Оконницы служб
И охра покоев –
В покойницкой луж,
И лужи – рекою.

И в них извозцы,
И дрожек разводы,
И взят под уздцы
Битюг небосвода.

И капли в кустах,
И улица в тучах,
И щебеты птах,
И почки на сучьях.

И все они, все
Выходят со мною
Пустынным шоссе
На поле Ямское,

Где спят фонари
И даль, как чужая:
Ее снегири
Зарей оглушают.

Опять на гроши
Грунтами несмело
Творится в тиши
Великое дело.

Мир весенней природы накануне пробуждения изображен как мертвецкая, в которой лежат утопленницы. В тиши мертвецкой творится великое дело воскресения, нового рождения. И эта мертвецкая с утопленницами появилась в лирике за два десятилетия до «Доктора Живаго».

Эпизод с анатомированием из «Доктора Живаго» имеет глубокое символическое значение. Анатомическое препарирование утопленниц образно передает проникновение в элементарный состав внешнего бытия, души человеческой, искусства. Три эти субстанции едины по природе, и понимать каждое отдельно нужно исходя из их единства. И на еще более элементарном уровне каждая мельчайшая деталь пейзажа, каждое движение души, каждый образ искусства являют красоту целого. Чтобы постичь явление в целом, надо увидеть красоту детали, но и в ней уметь видеть целое. В этом и состоит суть пастернаковского метода поэтического сецирования явлений жизни.

ЛИТЕРАТУРА

Быков Д. Борис Пастернак. М.: Молодая гвардия, 2006. 892 с.

Куприянов В.В., Татевосянц Г.О. Отечественная анатомия на этапах истории. М.: Медицина, 1981. 380 с. URL: http://www.anfiz.ru/books/item/f00/s00/z0000005/st058.shtml

Кьеркегор С. Или – или. Фрагмент из жизни. В 2 ч. СПб.: Изд-во Русской Христианской Гуманитарной Академии: Амфора. ТИД Амфора, 2011. 823 с.

Кьеркегор С. Страх и трепет. М.: Культурная революция, 2010. 488 с.

Нагина К.А. Траектории «метельного» текста (толстовское присутствие в творчестве Б. Пастернака) // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2011. № 1. С. 31–40.

Ницше Ф. Сочинения в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1990. 829 с.

Пастернак Б.Л. Полное собрание сочинений: В 11 т. Т. 1: Стихотворения и поэмы 1912–1931. М.: Слово / Slovo, 2003. 576 с.

Пастернак Б.Л. Полное собрание сочинений: В 11 т. Т. 2: Спекторский. Стихотворения 1930–1959. М.: Слово / Slovo, 2004. 528 с.

Пастернак Б.Л. Полное собрание сочинений. В 11 т. Т. 3: Проза. М.: Слово / Slovo, 2004a. 632 с.

Пастернак Б.Л. Полное собрание сочинений. В 11 т. Т. 4: Доктор Живаго. М.: Слово / Slovo, 2004b. 760 с.

Пастернак Б.Л. Полное собрание сочинений. В 11 т. Т. 5: Статьи, рецензии, предисловия. Драматические произведения. Литературные и биографические анкеты. Неоконченные наброски. Стенограммы выступлений. М.: Слово / Slovo, 2004c. 752 с.

Пастернак Б.Л. Полное собрание сочинений. В 11 т. Т. 7: Письма 1905–1926. М.: Слово / Slovo, 2005. 824 с.

Пастернак Б.Л. Полное собрание сочинений. В 11 т. Т. 8: Письма 1927–1934. М.: Слово / Slovo, 2005a. 768 с.

Пастернак Б.Л. Полное собрание сочинений. В 11 т. Т. 9: Письма 1935–1953. М.: Слово / Slovo, 2005b. 784 с.

Пастернак Б.Л. Полное собрание сочинений. В 11 т. Т. 10: Письма 1954–1960. М.: Слово / Slovo, 2005c. 680 с.

Пастернак Б.Л. Полное собрание сочинений. В 11 т. Т. 11: Борис Пастернак в воспоминаниях современников. М.: Слово / Slovo, 2005d. 824 с.

Пастернак Е.Б. Борис Пастернак. Материалы для биографии. М.: Советский писатель, 1989. С. 132.

Пастернак Л.О. Записи разных лет. М., 1975. С. 24–25.

Раевская-Хьюз О. О самоубийстве Маяковского в «Охранной грамоте» Пастернака // Boris Pasternak and His Times. Berekley Slavic Specialties, 1989. С. 141–152.

Смирнов И.П. Роман тайн «Доктор Живаго». М.: Новое литературное обозрение, 1996. 208 с.

Фатеева Н.А. Поэт и проза: Книга о Пастернаке. М.: Новое литературное обозрение, 2003. 400 с.

Фатеева Н.А. Соматизмы в поэзии Бориса Пастернака // Пастернак: проблемы биографии и творчества. К 60-летию Нобелевской премии: тезисы докладов. Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2018. 35–37 с.

Фатеева Н.А. Функции соматизмов в поэзии Б. Пастернака // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. 2020. № 4. С. 34–44.

Флейшман Л. Автобиографическое и «Август» Пастернака // Флейшман Л. Статьи о Пастернаке. Бремен: K-Presse, 1977. С. 102–112.

A.V. Radionova
PhD in Philology, Doctor, Professor,
Chair of Arts,
Smolensk State University
Smolensk, Russia

Anatomical Themes and their Role in B. Pasternak' Works and his Philosophical Conception

The subject of the study in the article are anatomical themes in the works of B. Pasternak, which have a deep symbolic meaning. The scene in the anatomical theater from the novel «Doctor Zhivago» has its roots in his biography, lyrics, early prose, journalism. This preparatory work provided a broad context for understanding the topic of anatomy and the motive for dissecting drowned women in the context

of a philosophical understanding of art, life and human existence, their independence and unity. The formation of the method of «anatomical» world description was influenced by the teachings of Aristotle, Nietzsche and Kierkegaard. The «anatomical» approach assumes that every minute detail of the landscape, every movement of the soul, every image of art show the beauty of the whole. But to comprehend the phenomenon as a whole, you need to see the beauty of the detail. This worldview is expressed not only on the thematic level through the use of anatomical themes, but also on the figurative and motivational when describing landscape and mental-emotional states. This stylistic feature of Pasternak's work can be called a method of poetic anatomization of the phenomena of life.

Key words: *B. Pasternak; «Doctor Zhivago»; anatomical themes; philosophical motives; images.*

REFERENCES

Bykov D. Boris Pasternak [Boris Pasternak]. Moscow: Molodaya gvardiya, 2006. 892 p. (in Russian).

Kupriyanov V.V. Domestic anatomy at the stages of history [Otechestvennaia anatomiia na etapakh istorii]. V.V. Kupriyanov, G.O. Tatevosyants. Moscow: Medicine, 1981. 380 p. Available at: http://www.anfiz.ru/books/item/f00/s00/z0000005/st058.shtml (accessed on May 14, 2023) (in Russian).

Kierkegaard S. Either–or. A fragment from life [Ili – ili. Fragment iz zhizni]. At 2 p.m. Saint Petersburg: Publishing House of the Russian Christian Humanitarian Academy: Amphora. TID Amphora, 2011. 823 p. (in Russian).

Kierkegaard S. Fear and awe [Strakh i trepet]. Moscow: Cultural Revolution, 2010. 488 p. (in Russian).

Nagina K.A. Trajectories of the «blizzard» text (Tolstoy's presence in the works of B. Pasternak) [Traektorii «metel'nogo» teksta (tolstovskoe prisutstvie v tvorchestve B. Pasternaka)]. *Bulletin of the Leningrad State University named after A.S. Pushkin.* 2011, no. 1. pp. 31–40. (in Russian).

Nietzsche F. Essays in II vols. Vol. I [Sochineniia v 2 t. T. 1]. Moscow: Mysl, 1990. 829 p. (in Russian).

Pasternak B.L. Complete works: In XI vols. Vol. I: Poems and poems 1912-1931 [Polnoe sobranie sochinenii: V 11 t. T. 1: Stikhotvoreniia i poemy 1912–1931]. Moscow: Word / Slovo, 2003. 576 p. (in Russian).

Pasternak B.L. Complete works: In XI vols. Vol. II: Spectorsky. Poems 1930-1959 [Polnoe sobranie sochinenii: V 11 t. T. 2: Spektorskii. Stikhotvoreniia 1930–1959]. Moscow: Word / Slovo, 2004. 528 p. (in Russian).

Pasternak B.L. Complete works. In XI vols. Vol. III: Prose [Polnoe sobranie sochinenii. V 11 t. T. 3: Proza]. Moscow: Word / Slovo, 2004a. 632 p. (in Russian).

Pasternak B.L. Complete works. In XI vols. Vol. IV: Doctor Zhivago [Polnoe sobranie sochinenii. V 11 t. T. 4: Doktor Zhivago]. Moscow: Word / Slovo, 2004b. 760 p. (in Russian).

Pasternak B.L. Complete works. In XI vol. Vol. V: Articles, reviews, prefaces. Dramatic works. Literary and biographical questionnaires. Unfinished sketches. Transcripts of speeches [Polnoe sobranie sochinenii. V 11 t. T. 5: Stat'i, retsenzii, predisloviia. Dramaticheskie proizvedeniia. Literaturnye i biograficheskie ankety. Neokonchennye nabroski. Stenogrammy vystuplenii]. Moscow: Word / Slovo, 2004 p. 752 p. (in Russian).

Pasternak B.L. Complete works: in XI vols. Vol. VII. Letters 1905-1926 [Polnoe sobranie sochinenii: v 11 t. T. 7. Pis'ma 1905–1926]. Moscow: Word / Slovo, 2005. 824 p. (in Russian).

Pasternak B.L. Complete works: in XI vols. Vol. VIII. Letters 1927-1934 [Polnoe sobranie sochinenii: v 11 t. T. 8. Pis'ma 1927–1934]. Moscow: Word / Slovo, 2005a. 768 p. (in Russian).

Pasternak B.L. Complete works. In XI vol. Vol .IX: Letters 1935-1953 [Polnoe sobranie sochinenii. V 11 t. T. 9: Pis'ma 1935–1953]. Moscow: Word / Slovo, 2005b. 784 p. (in Russian).

Pasternak B.L. Complete works. In XI vol. Vol. X: Letters 1954–1960 [Polnoe sobranie sochinenii. V 11 t. T. 10: Pis'ma 1954–1960]. Moscow: Word / Slovo, 2005c. 680 p. (in Russian).

Pasternak B.L. Complete works. In XI vol. Vol. XI: Boris Pasternak in the memoirs of contemporaries [Polnoe sobranie sochinenii. V 11 t. T. 11: Boris Pasternak v vospominaniiakh sovremennikov]. Moscow: Word / Slovo, 2005d. 824 p. (in Russian).

Pasternak E.B. Boris Pasternak. Materials for biography [Boris Pasternak. Materialy dlia biografii]. Moscow: Soviet writer, 1989. P. 132. (in Russian).

Pasternak L.O. Records of different years [Zapisi raznykh let]. Moscow, 1975. pp. 24-25 (in Russian).

Rayevskaya-Hughes O. About Mayakovsky's suicide in Pasternak's "Safe Conduct" [O samoubiistve Maiakovskogo v «Okhrannoi gramote» Pasternaka]. Boris Pasternak and His Times. Berekley Slavic Specialties, 1989, pp. 141−152 (in Russian).

Smirnov I.P. Novel of secrets «Doctor Zhivago» [Roman tain «Doktor Zhivago»]. Moscow: New Literary Review, 1996. 208 p. (in Russian).

Fateeva N.A. Poet and prose: A book about Pasternak [Somatizmy v poezii Borisa Pasternaka]. Moscow: New Literary Review, 2003. 400 p. (in Russian).

Fateeva N.A. Somatisms in Boris Pasternak's poetry [Somatizmy v poezii Borisa Pasternaka]. *Pasternak: problems of biography and creativity. To the 60th anniversary of the Nobel Prize: abstracts.* Smolensk: SmolGU Publishing House, 2018, pp. 35−37 (in Russian).

Fateeva N.A. Functions of somatisms in B. Pasternak's poetry [Funktsii somatizmov v poezii B. Pasternaka]. *Bulletin of the Baltic Federal University named after I. Kant.* Series: Philology, Pedagogy, Psychology. 2020, no. 4. pp. 34−44 (in Russian).

Fleishman L. Autobiographical and «August» Pasternak [Avtobiograficheskoe i «Avgust» Pasternaka]. Fleishman L. Articles about Pasternak. Bremen: K-Presse,, 1977, pp. 102-112 (in Russian).

А.В. Кочкина

Воронежский государственный университет
Воронеж, Россия

УДК 821.161.1

DOI 10.35785/2072-9464-2023-63-3-29-38

ОБРАЗ ПОВСЕДНЕВНОСТИ В РАССКАЗЕ С. МИШНЕВА «ЧЕРТОРОЙ»

Ключевые слова: *Станислав Мишнев; рассказ «Черторой»; современная проза о деревне; художественное осмысление повседневности; конфликт индивидуальной и коллективной повседневности.*

В статье рассматривается репрезентация повседневности в рассказе вологодского писателя Станислава Мишнева «Черторой», опубликованном в 2008 году в книге «Вот так и живем». Актуальность исследования заключается в том, что категория «посведневность», истоки изучения которой

имеют изначально внелитературоведческие корни, до сих пор лишена в филологической науке общепринятой дефиниции, чем и представляет интерес для современных литературоведов.

Выявлено, что в «Черторое» частная рутинная жизнь вологодских крестьян художественно осмысляется Мишневым сквозь призму социально-исторических катаклизмов и трансформаций, как недавних, так и значительно отстоящих от сегодняшнего дня. В этой связи образ повседневности в художественном мире рассказа ограничен локально, но не темпорально. Писатель изображает модификацию деревенского уклада жизни меевцев на протяжении трех столетий. Это позволило Мишневу сделать зримыми истоки кризисного состояния деревни рубежа XX–XXI веков. Также обнаружены основные оппозиции при репродукции повседневности в «Черторое»: коллективное – индивидуальное, адаптивное – преобразовательное, охранительное – разрушительное.

Сделаны выводы о том, что изображение динамически подвижной повседневности в рассказе Мишнева выступает средством сюжетной организации произведения, способом характеристики персонажей и инструментом трансляции ценностных установок автора.

Новизна исследования состоит в том, что в нем впервые предпринимается попытка анализа творческого наследия современного вологодского писателя в ракурсе феномена повседневности.

Обыденная, рутинная жизнь человека, вписанная в исторический и социальный контекст, стала объектом литературной рефлексии и предметом филологического анализа с утверждением реалистического метода письма. Прежде «какое-либо описание быта допускалось в “низких”, комических и вовсе исключалось в “высоких” жанрах» [Пушкарева, 1984, *5*]. Изучение повседневности как сложного феномена имеет изначально внелитературоведческие корни, ассоциированные с такими областями европейской гуманитаристики, как философия, психология, историография, социология.

Значительный вклад в разработку теории повседневности внесли представители исторической школы «Анналов», основателями которой являются Л. Февр и М. Блок. По мнению ученых, категория повседневности включает материальную и нематериальную структуры. В рамках последней утверждаются «культурные, исторические, демографические, психологические, эмоциональные, эстетические, этические и другие сюжеты» [Бродель, 1986, 1, *19*], что делает ее, в представлении Ф. Броделя, наиболее значимой в контексте изучения обыденной жизни человека. Кроме того, в логике школы «Анналов» понимание исторических процессов неизбежно сопряжено с анализом продиктованных субъективным мировосприятием мотивов поведения членов социума. При этом индивидуальные реакции людей на окружающую действительность, их духовно-нравственные установки, с од-

ной стороны, формируются под влиянием культурных ориентиров и предпочтений в искусстве, а с другой – определяются привычным для конкретного человека ритмом жизни, его бытом, стереотипами мышления.

А. Шюц, чьи труды легли в основу социологии обыденной жизни, назвал повседневность «верховной реальностью», так как именно в ней, в отличие от прочих реальностей, реализуется практически-деятельная сторона человеческого Я, являет себя напряженно-бодрствующее состояние сознания индивида [Шюц, 2003].

М. де Серто в книге «Изобретение повседневности» рассуждает о сущности стратегий и тактик как взаимообусловленных форм активности власти и индивида соответственно. В природе частного человека, априори находящегося в слабой позиции относительно сильного государства, заложено стремление истолковать законы, идеологию, нормы поведения, установленные властными структурами, так, чтобы обрести в своей обыденной жизни часть отнятых свобод и прав [Серто, 2013].

Для У. Эко повседневность – знаковая система. Размыкаясь в бытийное, она, с точки зрения семиолога, неизменно содержит культурный код семьи, народа, страны [Эко, 1998].

С решением проблемы повседневности, не потерявшей своей актуальности в мировом гуманитарном знании начала XXI века, связаны такие имена современных зарубежных и отечественных ученых, как социолог М. Гардинер, культуролог Б. Хаймор, философы И.Т. Касавин и С.П. Щавелев, Т.Б. Мойсеева, лингвист Л.Н. Чулкина, историк О.Л. Лейбович и др.

Можно утверждать, что теория повседневности носит междисциплинарный характер. Литературоведение также не избежало изучения освещаемого в данной статье феномена, так как в центре любого художественного произведения – человек и повседневность выступает одной из форм реализации его активного начала. Подчеркнем, что специфика репрезентации и эстетизации обыденности в литературе продиктована сущностью самого человека, чья телесная оболочка неотделима от укореняющей его в жизнь души, связанной при этом с духом, то есть с Божественным началом.

Ф.В. Кувшинов отмечает, что многомерность, «недостаточная определенность категории “повседневность”» [Кувшинов, 2019, *8*] обуславливает апелляцию ученых-филологов к трудам социологов, историков, философов. В подтверждение Ф.В. Кувшинов ссылается на научные работы Т.Г. Струковой, Т.С. Шевченко, О.В. Пустовойтовой, М.Ю. Рябовой [Кувшинов, 2019]. Т.Г. Струкова, в свою очередь, убеждена, что «в нынешней литературоведческой науке только намечается поворот к анализу повседневности как неоднозначному феномену» [Струкова, 2010, *18*].

Так, в исследованиях второй половины XX века понятия «быт» и «повседневность» нередко отождествлялись. Например, С.Л. Пушкарева во

вводной части диссертации рассуждает: «Повседневность занимает большое место в произведениях Стендаля и Бальзака, <…> но ни в одной из европейских литератур изображение быта не было так глубоко и органично связано с важнейшими проблемами действительности, как в русском реализме» [Пушкарева, 1984, *6*]. В отечественных научных работах последних лет утверждается мысль о том, что феномен повседневности обладает, говоря словами современного исследователя К.А. Воротынцевой, «как онтологической, так и аксиологической стороной» [Воротынцева, 2011, *59*]. «Вечное не может быть изолировано от повседневности»; «повседневность – незаметный процесс “течения” жизни, наблюдение за которым “со стороны” позволяет <…> вывести из него жизнеобъяснительные выводы», – таковы итоги диссертации Е.А. Новоселовой, посвященной прозе Ю.В. Трифонова [Новоселова, 2017, *20–21*]. О.В. Кучеренко, проанализировав рассказы Т. Гарди, резюмирует: «<…> художественное осмысление повседневности оказывается связанным с постановкой важных вопросов современной жизни и вообще – человеческого бытия» [Кучеренко, 2013, *13*].

Отметим, что проблема повседневности является центральной на конференциях, которые проводятся в Воронеже с 2010 года. Руководитель проекта Т.Г. Струкова считает, что повседневность как многоаспектное явление – это «во-первых, эпизоды публичной жизни человека, способы и варианты его приспособления к внешнему миру; во-вторых, частная, домашняя, приватная жизнь персонажа, в которую включены бытийность и быт во всех его ипостасях; в-третьих, многообразные эмоциональные проявления, которые спровоцированы обыденными обстоятельствами» [Струкова, 2010, *18*].

Опираясь на данное определение, проанализируем образ повседневности в произведении современного вологодского писателя С. Мишнева «Черторой».

Действие рассказа разворачивается на рубеже 80–90-х годов XX века в северной деревне Меевка, пребывающей в кризисном состоянии, обострившемся с началом перестройки, инициированной президентом СССР М.С. Горбачевым. В центре авторского изображения – конфликт двух повседневностей: личной, ассоциированной с Дорошенком, и коллективной, утверждаемой в художественном мире рассказа посредством образа народа, живущего в состоянии духовной разобщенности, но объединившегося в борьбе с «тормозом перестройки» и «душителем демократии» [Мишнев, 2008, *180*] – Чертороем. Как отмечает Л.Г. Яцкевич, «лишенные собственности на землю и свободного труда на ней, колхозники постепенно <…> стали отчуждаться от родной земли. В послеперестроечную эпоху это отчуждение катастрофически нарастает» [Яцкевич, 2018] и генерирует запуск «разрыва единого духовного пространства», неминуемо влекущего за собой утрату «консенсуса по поводу базовых ценностей», которые становятся «предметом полемики» [Кара-Мурза, Панарин, Пантин, 1996, *155–165*].

Это, собственно, и можно наблюдать в рассказе вологодского писателя. Михаил Другов, сделавший свободный выбор в пользу борьбы с людским равнодушием и разрухой, вынужден в одиночку «воевать» с народом («<…> слышит он проклятия в свой адрес» [Мишнев, 2008, *186*]).

С точки зрения анализа повседневности, определяемой в логике С. Мишнева социально-исторической обстановкой, данное столкновение обусловлено противоположными по своей направленности жизненными практиками героев. Деятельность Михаила Другова, носителя «традиционной крестьянской мудрости» [Яцкевич, 2019], имеет преобразующий характер. Герой, несмотря на «вопиющую бесхозяйственность» [Мишнев, 2008, *182*] и отсутствие дисциплины в колхозе, готов внедрять на ферме механизацию, чинить неисправные доильные аппараты. Более того, он вынашивает план «ветровую меленку завернуть» [Там же, *185*]. Рядовой колхозник же в ожидании, когда колхоз «откинет копыта» [Там же], пошел по пути адаптации к реальности. Люди «прячутся по темным углам и оттуда молчаливо наблюдают неприкрытую наготу жизни» [Там же].

Местом, где являет себя коллективная повседневность, выступает прежде всего топос колхоза. Его «вывороченное нутро» [Там же, *181*] таково: «оглушительная бездна женских ругательств» [Там же], «завальни всякого хламу» [Там же, *182*], «безответственность, наплевательство, злоба» [Там же], «нет <…> хозяина, и работников нет» [Там же, *185*]. Описание локусов кочегарки и фермы также несет отрицательную семантику. Это замкнутое пространство, где на окнах «загаженные мухами занавески» [Там же, *183*], где сыплется «брань, да брань ершистая» [Там же, *186*], а люди «один другому глаза бы выцарапал» [Там же, *179*], служит местом возникновения сюжетных конфликтов. В противовес социальному пространству-времени в хронотопе рассказа С. Мишнева изображено природное, в рамках которого визуализируется личная повседневность Другова в форме рефлексии героя о себе и мире: «любил выехать с навозом в поле, <…> усядется и сидит, размышляет» [Там же, *186*], «порвется семейная нить!» [Там же], «дед <…> ломил – в кулаки угодил. Внук за колхоз грудью стоял <…> – тоже враг» [Там же], «жил, как совесть велела!» [Там же, *187*], «тяжело жить, если ты не можешь судить мир» [Там же]. Кроме того, в сценах уединения Черторoя реализуется авторская интенция подвергнуть критике существующий социальный строй. Об этом свидетельствуют несобственно-прямая речь, звучащая в момент раздумий Другова («Так что же такое колхоз <…>? – живи как все! Стадом, в нищете, вперед не забегай и сзади не отставай» [Там же]), и автобиографические черты, которыми Мишнев наделяет Михаила Дорофеевича (вехи биографии героя и писателя во многом схожи, доказательством чего выступает интервью, которое взял у прозаика Г. Сазонов [Сазонов, 2012]).

Однако оппозиция разрушающей личностное начало колхозной стандартизации и охранительных свойств, которыми обладает природное пространство-время, нивелируется с развитием действия рассказа. В финале великий строй природного бытия содержит отпечаток грубого человеческого вмешательства: «Слабая полоса тени пересекла поле вдоль. Земля под снегом вдоль этой полосы есть осыпавшаяся траншея – мелиораторы осушали болото, не жалели пахотной земли» [Мишнев, 2008, *187*]. В пейзажных зарисовках нет гармонии, они унылы и печальны и не способны возродить к жизни «заколевшую» душу заглавного героя: «поле – будто шкура плохо вылинявшей лисы» [Там же], «слезы текут от бессилья» [Там же]. В конфликте коллективной и индивидуальной повседневности личность оказывается неспособной отстоять в одиночку свои убеждения и принципы. Как результат – маргинализация человеческой природы, которую начал испытывать заглавный герой: «Черторой стал тенью прежнего Черторoя» [Там же, *186*], «к домашней работе охладел, <…> выпивать начал» [Там же].

В представлении автора биографическое время главного героя, имея линейный характер (детство – юность – зрелость), вписано в социально-исторический контекст и, следовательно, определено им: «ближе к 40-му ремешки на поясах затянули» [Там же, *175*] – «в войну на всю волость бабы голосили» [Там же] – «после войны страну из руин поднимали» [Там же] – «Черторой родился под счастливой колхозной звездой в ночь на Покров» [Там же]. Подобная авторская стратегия предопределила наличие в художественном мире рассказа ретроспекции и «оповседневнивания» (М. Вебер) таких предельных событий, как Революция, Гражданская война и ВОВ. Это, в свою очередь, позволило Мишневу на примере образа деревенской повседневности, в которую непосредственно включен и сам автор («У нас на Меевке» [Там же]), и перипетий судьбы членов семьи Черторoя сделать зримыми истоки раскрестьянивания мужика и утраты народом коренных ценностных оснований, вне которых «бездонная пустота» [Там же, *181*]. Остановимся на этом тезисе подробнее.

Мишнев уверен, что современное кризисное состояние деревни выступает следствием начатой после Гражданской войны политики Сталина: «<…> еще крепки были устои православия. Потому-то первый удар был нанесен именно по быку, на котором стояла Русь. <…> Для окончательного уничтожения русского духа <…>» [Юрова 2000, *4*]. В «присказке» [Мишнев, 2008, *180*] к основному действию, которое, напомним, хронотопически соотносится с концом XX века и началом перестройки, мы видим следующее: «от царя Петра или раньше <…> наши деревни засватали небесных обитателей в свои защитники» [Там же, *175*] – «после 20-го года в защите святых начали сомневаться, кресты на кладбищах комсомольцы посшибали» [Там же] – «после 30-го года запели хвалу новой жизни» [Там же]. Результаты подобных властных инициатив высвечиваются в рассказе на уровне трансформации общего жизненного

уклада меевцев, определяющей антитезу «деревенская обыденность до и после социально-политических катаклизмов первой трети XX века». Читаем в «Черторое»: «в каждой волости от поколения к поколению прибыль шла» [Там же], «самый важный праздник был Покров» [Там же], «со всей волости гости валили, песни, веселье» [Там же], «махались знатно, мирились да прощения друг у дружки просили» [Там же], «избы помочью на совесть рубили» [Там же]; и в противоположность – «народику <…> плодилось – не с нынешние пригорошни» [Там же], «косо люди друг на дружку поглядывают» [Там же, *179*], «около праздников зашелестит <…> мимолетный ветер дружбы» [Там же], «стали обзаводиться железными кроватями да машинками швейными, начали одни семьи другим завидовать» [Там же], «полнейшая разобщенность» [Там же]. Колхозники, испытывающие отчуждение от родной земли, насильно оторванные от культурно-исторического наследия предков, оттого утратившие ценностные опоры, привязывающие человека к жизни и наполняющие его существование подлинным смыслом, «уничтожают» на ферме водку, «будто врага ненавистного, иначе не разговориться» [Там же, *183*].

Как уже отмечалось ранее, после 1917 года все связи с прошлым, несоветским, а значит враждебным, последовательно и целенаправленно разрушались. В этой связи началось наступление на «последний эксплуататорский класс». Кулаком, врагом пролетария, был объявлен дед заглавного героя, крепкий хозяин, «цвет деревни» [Юрова, 2000, *4*] – мастер мельничного промысла Черторой. В рассказе Мишнева изображение частной жизни Друговых выступает инструментом авторской оценки уничтожения патриархального уклада жизни русского крестьянства, а изменения в быте семьи являются маркерами социально-исторических перемен. Сравним: «дед у Мишки свою мельницу имел» [Мишнев, 2008, *176*], «в лаптях спал, ел походя» [Там же, *186*], «дом был двухэтажный, окна светлые» [Там же, *176*] и «мать тянулась на клеверных лепешках пополам с гороховой мучкой» [Там же, *175*], «мать от свету до темна на работе» [Там же, *176*], «в избе нищета беспросветная» [Там же], «картошку сажали – картошинку к картошинке рядышком. <…> Чтоб <…> налогом не обложили агенты» [Там же, *177*]. На смену сытой жизни в нелегком, но осмысленном труде на собственном земельном наделе пришла нищета, усугубившаяся в военные и послевоенные годы. Человек перестал ощущать себя хозяином на земле, он лишился права на индивидуальный труд. Автор, вписанный в деревенскую повседневность, подытоживает: «<…> улетел бы к лешему <…> крестьянин, да крылья окорнаны» [Там же, *175*].

В эту нелегкую пору «жизненно фундирующий» [Струкова, 2010, *19*] статус обретает семейный быт. Атмосфера родительской избы, основанная на чувстве плеча, пропитанная уважением к предкам, в представлении автора и Черторoя была способна излечить израненную человеческую душу: «дожидаются детки мать с работы, та приплетется усталая, <…> заплачет. Мишка с сестренками <…> тоже заплачут. Горькие слезы <…> у родных

коленей <…> сладкими станут. Со стены <…> смотрят бородатый дед Черторой да убитый на войне отец, и легче становится от их приветливых взглядов, и злость утишивалась» [Мишнев, 2008, *177*].

Но «присказка», базирующаяся на приеме ретроспекции, сменяется, по саркастическому замечанию автора, «сказкой» о деревне рубежа веков, где локус дома обретает «антиидиллическую коннотацию» [Тетерина, 2019, *199*]. На смену укорененности в род и взаимоподдержке пришло разобщение и непонимание между членами семьи Михаила Другова («Жена иначе не называет, как “наш дурак”» [Мишнев, 2008, *180*], «поедом ест жена» [Там же, *181*], «дичился семьи» [Там же, *186*]).

Можно заключить, что в рассказе С. Мишнева «Черторой» повседневность выступает и способом характеристики героев (в том числе их психологического состояния), и звеном художественного мира, влияющим на развитие сюжета произведения (например, локусы фермы и кочерги как места развертывания конфликтов индивидуальной и коллективной обыденности). Также налицо сопряжение процессов социально-исторического уровня и проблем частной жизни персонажей, что, обеспечивая динамическую подвижность повседневности, свидетельствует не столько о стремлении автора придерживаться жизнеподобия и фактологической точности при ее репрезентации, сколько об установке дать оценку действительности, художественное осмысление которой в конечном счете обретает у Мишнева форму раздумий о человеке.

ЛИТЕРАТУРА

Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. В 3 т. Т. 1: Структуры повседневности: возможное и невозможное / пер. с фр. Л.Е. Куббеля. М.: Прогресс, 1986. 622 с.

Воротынцева К.А. Проблема повседневности // Новый филологический вестник. 2011. № 3(18). С. 58–71.

Кара-Мурза А.А., Панарин А.С., Пантин И.К. Духовный кризис в России: есть ли выход? // Октябрь. 1996. № 5. С. 155–165.

Кувшинов Ф.В. Репрезентация повседневности в русской прозе 1920–1930-х гг.: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2019. 32 с.

Кучеренко О.В. Проблемы повседневности в малой прозе Т. Гарди: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2013. 16 с.

Мишнев С.М. Вот так и живем. Вологда: ИНП «ФЕСТ», 2008. 208 с.

Новоселова Е.А. Поэтика повседневности в художественной прозе Ю.В. Трифонова: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2017. 22 с.

Пушкарева Л.С. Проблема изображения быта в русской реалистической прозе 1910-х годов: дис. ... канд. филол. наук. Л., 1984. 213 с.

Сазонов Г. Радость черпал в труде… // Мишнев С. Ангелы всегда босые: рассказы и повести. Вологда: Интелеинформ, 2012. 397 с.

Серто М. де. Изобретение повседневности / пер. с фр. Д. Калугина, Н. Мовниной. СПб.: Изд-во Европейского университета, 2013. 332 с.

Струкова Т.Г. Повседневность и литература // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2010. № 4. С. 8–20.

Тетерина Е.Н. Функция антипасторальной топики в романе Р. Сенчина «Елтышевы» // Вестник славянских культур. 2019. Т. 51. С. 196–207.

Шюц А. Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии / пер. с англ. А.Я. Алхасов. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2003. 336 с.

Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию / ред. М.Г. Ермакова. СПб.: Петрополис, 1998. 432 с.

Юрова Н. Человек – существо думающее: интервью со С. Мишневым // Кокшеньга. 2000. 11 июля. С. 4.

Яцкевич Л.Г. Мудрость и безумие крестьянской жизни в рассказах Станислава Мишнева // Вологодский литератор. 10.09.2019. URL: https://literator35.ru/2019/09/writers-word/mudrost-i-bezumie-krestyanskoj-zhizni-v-rasskazah-stanislava-mishneva (дата обращения: 05.09.2021).

A.V. Kochkina
Postgraduate Student,
Chair of the Russian Literature
of the 20th and 21st Centuries,
Theory of Literature and the Humanities,
Voronezh State University
Voronezh, Russia

The Image of Everyday Life in S. Mishnev's Story «Chertoroy»

The article considers the representation of everyday life described in the story «Chertoroy» by Vologda writer Stanislav Mishnev; the story was published in the book «That is how we live» in 2008. The relevance of the research lies in the fact that the category «everyday life» initially was studied in non-literary fields of science, and it still does not have a generally accepted definition in philological science, which is of interest to modern specialists studying literature.

It is revealed that Mishnev comprehends the private everyday life of Vologda peasants through the prism of social and historical cataclysms and transformations, both recent and significantly distant from today in the story «Chertoroy». In this regard, the image of everyday life in the world of the story is limited locally, but not temporally. In this respect the image of everyday life in the story is limited locally, but not temporally. The writer depicts the modification of the country way of life of the meevites for three centuries. This allowed Mishnev to visualize the origins of the village crisis state at the turn of the XX–XXI centuries. It was also found, that the main oppositions in the reproduction of everyday life in the «Chertoroy» are collective – individual, adaptive – transformative, protective – destructive.

It was concluded that the image of dynamically mobile everyday life in Mishnev's story acts as a means of plot organization of the story, as a way of character's description and a tool for conveying the author's values.

The novelty of the research lies in the fact that it is the first attempt to analyze the creative heritage of a modern Vologda writer from the perspective of the phenomenon of everyday life.

Key words*: Stanislav Mishnev; story «Chertoroy»; modern country prose; everyday life conceptualization in literature; conflict between individual and collective everyday life.*

REFERENCES

Braudel F. Material civilization, economy and capitalism, 15th – 18th Centuries: in 3 Vols. Vol. 1: Structures of everyday life: possible and impossible [Material'naia tsivilizatsiia, ekonomika i kapitalizm, XV–XVIII vv.: v 3 t. T.1: Struktury povsednevnosti: vozmozhnoe i nevozmozhnoe]. Moscow: Progress, 1986. 622 p. (in Russian).

Vorotyntseva K.A. The problem of everyday life [Problema povsednevnosti]. *Novyi filologicheskii vestnik*, 2011, no. 3(18), pp. 58–71 (in Russian).

Kara-Murza A.A., Panarin A.S., Pantin I.K. Spiritual crisis in Russia: is there a way out? [Dukhovnyi krizis v Rossii: est' li vykhod?]. *Oktiabr'*, 1996, no. 5, pp. 155–165 (in Russian).

Kuvshinov F.V. Representation of everyday life in Russian prose of the 1920s–1930s [Reprezentatsiia povsednevnosti v russkoi proze 1920–1930-kh gg.]. Abstract of dissertation … doctor of Philological Sciences. Saint Petersburg. 2019. 32 p. (in Russian).

Kucherenko O.V. Problems of Everyday Life in T. Hardy 's Short Prose [Problemy povsednevnosti v maloi proze T. Gardi]. Abstract of dissertation … candidate of Philolological Sciences. Voronezh. 2013. 16 p. (in Russian).

Mishnev S.M. That's how we live [Vot tak i zhivem]. Vologda: Informational non-profit partnership «FEST», 2008. 208 p. (in Russian).

Novoselova E.A. The Poetics of Everyday Life in Yu.V. Trifonov's Fiction [Poetika povsednevnosti v khudozhestvennoi proze Iu.V. Trifonova]. Abstract of dissertation … candidate of Philological Sciences. Ekaterinburg. 2017. 22 p. (in Russian).

Pushkareva L.S. The problem of the image of everyday life in Russian realistic prose of the 1910s [Problema izobrazheniia byta v russkoi realisticheskoi proze 1910-kh godov]. Dissrtation … of candidate of Philological Sciences. Leningrad. 1984. 213 p. (in Russian).

Sazonov G. He drew joy from work [Radost' cherpal v trude]. Mishnev S. Angels are always barefoot: short stories and novellas [Angely vsegda bosye: rasskazy i povesti]. Vologda: Inteleinform, 2012. 397 p. (in Russian).

Serto M. de. The invention of everyday life [Izobretenie povsednevnosti]. Saint Peterburg: European University Press, 2013. 332 p. (in Russian).

Strukova T.G. Everyday life and literature [Povsednevnost' i literatura]. *Issues of South Federal University. Philological scciences*, 2010, no. 4, pp. 8–20 (in Russian).

Teterina E.N. The function of anti-pastoral topics in R. Senchin's novel «The Eltyshevs» [Funktsiia antipastoral'noi topiki v romane R. Senchina «Eltyshevy»]. *Issues of slavic cultures*, 2019, Vol. 51, pp. 196–207 (in Russian).

Schutz A. The semantic structure of the everyday world: essays on phenomenological sociology [Smyslovaia struktura povsednevnogo mira: ocherki po fenomenologicheskoi sotsiologii]. Moscow: Institute of the Foundation «Obshchestvennoe mnenie», 2003. 336 p. (in Russian).

Eco U. Missing structure. Introduction to Semiology [Otsutstvuiushchaia struktura. Vvedenie v semiologiiu]. Edied by ErmakovM.G. Saint Peterburg: Petropolis, 1998. 432 p. (in Russian).

Iurova N. Man is a thinking being: an interview with S. Mishnev [Chelovek – sushchestvo dumaiushchee: interv'iu so S. Mishnevym]. *Kokshen'ga*, 2000, July 11, P. 4 (in Russian).

Yatskevich L.G. The Wisdom and madness of Peasant Life in the stories of Stanislav Mishnev [Mudrost' i bezumie krest'ianskoi zhizni v rasskazakh Stanislava Mishneva]. Available at:https://literator35.ru/2019/09/writers-word/mudrost-i-bezumie-krestyanskoj-zhizni-v-rasskazah-stanislava-mishneva (accessed on September 5, 2021) (in Russian).

Л.М. Нюбина

Смоленский государственный университет
Смоленск, Россия

УДК 811.161.1'42

DOI 10.35785/2072-9464-2023-63-3-39-51

ЗАГАДКА В КРОССВОРДЕ КАК ВИД ТЕКСТА

Ключевые слова: *загадка; кроссворд; вопросно-ответная система; массмедиа; фразеологизмы; краткость; нерифмованность; диалоговая форма; многозначность; языковая игра; когезия; когерентность; интертекстуальность.*

В статье речи идет о кроссвордных загадках, которые берут свое начало в обычных загадках. В последнее время загадки получили большое распространение и вариативность. В журналах и газетах их печатается огромное множество. Как вид текста загадки имеют свои особенности, а именно: вопросно-ответную систему, краткость, нерифмованность, диалоговую форму, многозначность, языковую игру и др. Загадка в кроссворде относится к игровым текстам.

Загадка – это такая словесная форма, которая существует уже многие столетия, а ее содержание и функции до сих пор мало изучены. В литературоведении загадка определяется так: «Form der literarischen bzw. außerliterarischen (Spruch)dichtung: bildhaft konkrete Umschreibung eines Gegenstandes, einer Person, eines Vorganges, eines Abstraktums u. a., die erraten werden sollen. Die Art der Verschlüsselung, mittels Entpersönlichung oder Personifikation, mythische Überhöhung, Metaphern, durch gemeinsame semantische Merkmale, mehrdeutige Aussagen oder irreführende Bezugspunkte, steht in mehr oder weniger durchschaubarer Beziehung zur Lösung» [Metzler- Lexikon, 1984, *251 u. ff.*].

В литературной энциклопедии загадка толкуется следующим образом: «иносказательное воспроизведение какого-либо предмета или явления, испытывающего сообразительность отгадывающего, жанр фольклора... основанный на метафорическом сближении далеких областей предметно-вещественного мира ("Висит сито, не руками свито" (паутина)» [Лингвистический энциклопедический словарь, *109*].

Туда, сюда, обратно – тебе и мне приятно (качели) (пример взят из работы В.З. Санникова).

Помимо приведенных в начале статьи определений загадки, имеются определения и в народной поэзии, при этом больше внимания уделяется процессу отгадывания загадки: «Aufgabe ist die Enträtselung eines bekannten Dinges jedes Vorganges, die durch zugleich verhüllende und enthüllende Umschreibung,

durch gleichzeitiges Weglocken und Hinführen, was Ausspalten zwischen gefülsmäßiger Anschauung und Verstandesarbeit erschwert, Jedes echte Rätsel ist erratbar» [Metzler Lexikon, 1984, *111*].

В этих определениях отсутствует учет игрового характера текстов загадок. Они составляются и решаются в действии, которое можно рассматривать метафорически как отношение к миру. Что касается пропозиции текста загадки, то она может быть определена как латентное, нереализованное, неосознанное, но имеющееся знание, которое спрашивающий хочет пробудить у спрашиваемого. Это знание основано на общем опыте и может происходить из всех его сфер: жизнь и смерть, строение и членение мира, космология мира, секс, любовь, страх перед явлениями мира, нечто непознаваемое и непонятное, разнообразные банальности и т.д.

При исследовании феномена загадки возникают две трудности. Они, с одной стороны, типологически не совсем легко определяемы, а с другой – плохо соотносятся с научной обработкой этого вида текста. Речь идет в первую очередь о языковой игре, об игре духа. Загадки кроссворда связаны с некоторым видом текста, в котором, как уже говорилось, имеется определенное неосознанное, нереализованное знание. Оно опирается на имеющийся опыт разгадывающего, поэтому тезаурус разгадывающего кроссворд имеет большое значение. Так как каждый текст имеет какую-то пропозицию, вид текста «загадка» в кроссворде становится местом пересечения различных дисциплин: лингвистики, семантики, стилистики, лингвокультурологии и др. наук. Это позволяет обратить внимание на взаимодействие пропозициональных, локутивных и иллокутивных задач в данном виде текста.

Загадка – это такой вид текста, который шагает сквозь время, он представлен сегодня широко в средствах массовой информации, а число и виды загадок постоянно расширяются. Покажем, какие виды кроссвордов существуют в настоящее время.

1. **Классические кроссворды** – те, в которых рисунок имеет, как правило, двух- или четырехстороннюю симметрию. Желательны два пересечения, в идеале одиночные черные блоки¸ соприкасающиеся по диагонали. Бывают открытые кроссворды, то есть черные блоки имеются и снаружи, или закрытые – снаружи кроссворда только буквы.

2. **Скандинавские кроссворды** (сканворды или кроссворды) – один из самых популярных видов загадок. Определения слов дают в квадратных скобках прямо внутри сетки, а ответы вписываются по направлениям, указанным стрелками. В сетке идеального сканворда не должно быть пустых клеток. Чем плотнее сетка кроссворда, тем сложнее его составлять и легче решать. Определения могут носить ассоциативный характер (например, верным ответом на определение «Царь» может быть: горох, Салтан, государь; Гоголь – писатель, утка, моголь и т.д.). Именно этот тип кроссворда является основой нашего анализа.

3. **Японские кроссворды** – особый вид головоломки, в котором нужно, базируясь на кодовых числах-подсказках, разгадать зашифрованную картинку. Существуют два вида такого рода кроссвордов: черно-белые и цветные. Числа показывают, сколько слитных клеток данного цвета находится в соответствующей колонке или строке. Группы клеток обязательно должны разделяться как минимум одной пустой (белой) клеткой. Задача разгадывающего сводится к тому, чтобы узнать, сколько именно пустых клеток разделяет группы.

4. **Филворды** представляют собой поле, заполненное буквами. В этом скоплении букв необходимо отыскать слова, которые приведены рядом как список. Филворды бывают двух видов: венгерские и немецкие. Венгерские предполагают расположение слов в любом направлении, в том числе и по ломаной линии. Немецкий тип предполагает расположение слов по прямой линии в любом направлении, при этом одна буква может использоваться несколько раз.

5. **Линейные кроссворды** – кроссворды, в которых сеткой служат линейные клеточки, вычерченные в любой геометрической форме. Цепочка слов строится методом стыкования, где последняя буква первого слова является первой буквой второго и т.д. Этот стык и нумеруется. Основной вид линейного кроссворда – чайнворд. В чайнворде вводятся только имена существительные в ед. ч. Таким образом, слова в чайнворде не пересекаются, а только стыкуются друг с другом. Иногда цепочку слов изгибают для придания сетке причудливой формы. В линейных кроссвордах слова могут перекрываться не только одной, но и двумя или тремя буквами, поэтому их длина указывается скобкой, в которой дается определение слова. «Гибрид» чайнворда и кроссворда называется кроссчайнвордом. Основное его отличие от чайнворда состоит в том, что допускается возможность самопересечения чайнвордной цепочки.

6. **Кейворды (ключворды)** – буквы здесь заменены цифрами; одинаковым буквам соответствуют одинаковые числа, разным буквам – разные. Необходимо определить это соответствие и получить сетку с согласовывающимися между собой словами. В качестве подсказки может быть открыто какое-либо слово или буква.

Существуют и другие разновидности кроссвордов: диворды (дуали), американские (крисс-кроссы), эстонские кроссворды, координатные, русские, скользящие, словарные, фигурные, объемные кроссворды [Волкова, 2011, *37–39*].

В кроссвордных загадках мы наблюдаем языковую игру. По определению БСЭ, игра – вид непродуктивной деятельности, где мотив лежит не в результате, а в самом процессе.

Н. Изенберг называет загадку «ludophiler Text» [Isenberg, 1984, *266*], относит ее к игровым текстам, к которым он причисляет также игру разговора (Konversationsspiel), игру оракулов, языковую игру и др.

Иллокуция данного вида текстов состоит в вопросе, который требует ответа. При этом формулирование вопроса неотвратимо. Ответ он содержит в самом себе. Шутливый характер вопроса требует и шутливого, специфического ответа, особенность которого состоит в том, что он вытаскивает скрытое знание у спрашиваемого и формулирует ответ, установленный и запрограммированный вопросом. Ответ связан с чувством желания игры. Он показывает, чему способствует скрытое знание человека. Привести кого-то к знанию – значит активировать это скрытое знание в реципиенте, подвигнуть его к желанию разгадать загадку. Разгадывающий ставит себя на одну доску с загадывающим и показывает ему свою «равность». Таким образом, разгадывание превращается в социально значимую процедуру (задавать загадку / разгадывать ее). Человек, не имеющий этого латентного знания, оказывается исключенным из социальной игры. Вопросы и ответы служат реальной цели. Они активируют мысль, служат развлечению общества, создают напряжение и снимают его.

Загадка как вид текста имеет некоторые особенности:

1) диалоговая форма;
2) краткость;
3) нерифмованность;
4) многозначность в формулировке;
5) языковая игра.

Сегодня загадка выходит за границы учебников и детских книжек и представляет собой культурно-исторический феномен. Исчезают границы между кодами. Представим себе такие виды загадок, как ребус и шарада, что, например, практиковал П. Брейгель в своих картинах, где влияние картинки в тексте нельзя переоценить. Сегодня мы видим, как загадка появляется в виде картинки, шарады, цифровой записи, ребуса и т.д.

В.З. Санников рассматривает разнообразные случаи языковой игры. Он исследует игру как средство юмора, выраженного разнообразными средствами языка: фонетическими, словообразовательными, морфологическими, синтаксическими, стилистическими, прагматическими, семантическими и др. (см.: [Санников, 2002, *49 и след.*]). В нашем случае загадка в кроссворде в основном использует семантику слова, то есть семантическую игру слова.

Главным типом речевого акта в кроссворде является вопросно-ответное единство или их соответствие [Санников, 2002, *435*]. Исследователи отмечают, что ответ индуцируется не только вопросом, но и речевыми актами других типов, например побуждением. Нам кажется, что структура ответа настолько зависима от структуры предшествующего речевого акта, что это препятствует выделению его (ответа) в качестве особого «автономного»

типа речевого акта. Ответ настолько «спаян» с предшествующим речевым актом, что правильнее, может быть, говорить о том же [Санников, 2002, *4:37*]. Ответ на заданный вопрос обязателен. Молчание хуже, чем самый грубый ответ [Там же]. От ответа зависит решение загадки в соседних клеточках. Участники хорошо осознают функционально разные типы вопросов и обыгрывают их [Там же]. В кроссвордах можно отметить общие, альтернативные и специальные вопросы. Во всех видах вопросов «незнание» является прототипическим элементом [Рябцева, 1991, *76*].

Объем данных в наборе вопросов в кроссвордах, обращенных к реципиенту, требует от него знаний из разных областей. Приведем примеры.

Майка Бекхэма («55 кроссвордных хитов», 2021, № 6, с. 10); ...Пфайфер («55 кроссвордных хитов», 2021, № 6, с. 3); ...Дега («55 кроссвордных хитов», 2021, № 6, с. 7); карточная леди («55 кроссвордных хитов», 2021, № 6, с. 5); запах пепелища («55 кроссвордных хитов», 2021, № 6, с. 3); местный обычай арабов («Лиза», 2022, № 9, с. 5); птичий ужас на огороде («55 кроссвордных хитов», 2021, № 6, с. 3); хозяин пирамиды-гиганта («55 кроссвордных хитов», 2021, № 6, с. 13); воин в феске и шароварах («55 кроссвордных хитов», 2021, № 6, с. 2); ткань от гусеницы («55 кроссвордных хитов», 2021, № 6, с. 5); международный запрет («55 кроссвордных хитов», 2021, № 6, с. 15); советский маршал («55 кроссвордных хитов», 2021, № 6, с. 15); деталь коммутатора («55 кроссвордных хитов», 2021, № 6, с. 17); музыка Шуфутинского («55 кроссвордных хитов», 2021, № 6, с. 19); пернатый житель болота («55 кроссвордных хитов», 2021, № 6, с. 22); бог огня в ведизме («55 кроссвордных хитов», 2021, № 6, с. 19); горечь против малярии («Лиза», 2022, № 9, с. 5); Меншиков в Березове (художник) («55 кроссвордных хитов», 2021, № 6, с. 23); предтеча КГБ («Лиза», 2022, № 9, с. 38); двойник кальяна («Лиза, 2022, № 9, с. 38); боевое судно римлян («Лиза», 2022, № 9, с. 38); певец «Шарманки» («Лиза», 2022, № 9, с. 39); созвездие с Бетельгейзе («Лиза», 2022, № 9, с. 37); краснокожий («Лиза», 2022, № 9, с. 38); палата конгресса США («Лиза», 2022, № 9, с. 38); сосед Кубы и Ямайки («Лиза», 2022, № 9, с. 38, с. 5); шустрая съемка («55 кроссвордных хитов» 2021, № 6, с. 37) и др.

Многие вопросы основаны на знаниях из области лингвистики, главным образом синонимии:

Богач-скороспелка, деревянная бочка, чурбан, пушок плюша, голосистая толпа, мораторий от шамана, коренной мексиканец и др.

Некоторые вопросы требуют знания так называемых поэтизмов:

Глаза – очи, глаз – око, взгляд – взор, щека – ланита, рука – длань, палец – перст, бриллиант – диамант, скорбь – траур, маленькая пещера – грот, целование – лобзание, рубин – яхонт и др.

Многие из загадок обращаются к историзмам и неологизмам:

Дно – тло, вор – тать, беспорядок – кипеж, палач – кат, переводчик – толмач, взятка – мзда, старание – тщета и др.

В ряде случаев загадки подразумевают знание иностранных слов, часто более длинных по сравнению с русскоязычными синонимами, например:

Мост не над водой (эстакада), денежный знак (банкнота), коллекционер денег (нумизмат) спортивные брюки (джоггеры), натаска песика (дрессура) и др.

Некоторые вопросы требуют подбора синонимов в русском языке, часто нескольких, которые согласовываются по буквам с другими, например:

Крайняя степень бедности – нужда, нищета, постель больного – одр, ложе, дворовая собака – Жучка, Бобик, Барбос, агрегат – устройство, аппарат, кара – отплата, месть и др.

Некоторые загадки актуализируют знания реципиента из области литературы, кино, прозы и поэзии, религии, например:

Горит ... зарею новой («Лиза», 2022, № 9, с. 36); унылая ..., очей очарованье («Лиза», 2022, № 9, с. 37); и не друг, и не брат, а ... («Лиза», 2022, с. 33); Издалека долго течет река ... («Лиза», 2022, № 9, с. 38); сыр выпал, с ним была ... такова («Лиза», 2022, № 9, с. 31); особая выправка России («Лиза», 2022, № 9, с. 32); мыла ... белые ноги («Лиза», 2022, № 9, с. 35); вместила троих и собаку («Лиза», 2022, № 9, с. 31); хозяин кафтана из басни («Лиза», 2022, № 9, с. 29); слово о полку ... («Лиза», 2022, № 9, с. 19); златая ... на дубе том («Лиза», № 9, 2022, с. 5); красная роза – эмблема любви («Лиза», 2022, № 9, с. 5); там лес и ... видений полны («Лиза», 2022, № 9, с. 7); и ель сквозь ... зеленеет («Лиза», 2022, № 9, с. 5); в 140 солнц ... пылал («Лиза», 2022, № 9, с. 5); ... в поле не воин («Лиза», 2022, № 9, с. 7); овсянка на завтрак, ... («Лиза», 2022, № 9, с. 9); ... еси на небеси («Лиза», 2022, № 9, с. 5); ... Мария («Лиза», 2022, № 9, с. 9) и др.

Знание истории и культуры русского народа проверяется в следующих загадках:

Тоже мне, бином Ньютона («Лиза», 2022, № 9, с. 5); в траве сидел ... («Лиза», 2022, № 9, с. 5); оседлал печь в сказке («Лиза», 2022, № 9, с. 16); самоварная столица России («Лиза», 2022, № 9, с. 21); огородные жители («Лиза», 2022, № 9, с. 29); медь, зовущая в бой («Лиза», 2022, № 9, с. 8); закон в руках воротилы («55 кроссвордных хитов», 2021, № 6, с. 39); с гулькин нос («55 кроссвордных хитов», 2021, № 6, с. 39); гонял телят в Тьмутаракань («Лиза», 2022, № 9, с. 38); говорун в Думе («Лиза», 2022, № 9, с. 6); состоящий при женихе («Лиза», 2022, № 9, с. 45); не доросло до ресторана («Лиза», 2022, № 9, с. 5); за ней злыдень держит камень («Лиза», 2022, № 9, с. 61); куй его, пока горячо («Лиза», 2022, № 9, с. 37), укромный ... («Лиза», 2022, № 9, с. 63); Сивка – ..., вещая каурка («Буква к букве», 2022, № 5, с. 28); та, что веников не вяжет («Тетя Соня», 2021, № 1, с. 25); им отмстил вещий ... («Лиза», 2022, № 9, с. 5).

Во всех этих примерах отражается категория информативности, так как многие вопросы требуют ответов и знаний из самых разнообразных областей.

Другие загадки требуют от реципиента знаний из области пословиц и поговорок, идиом. Значительную роль в производстве загадок в кроссвордах играют фразеологизмы. В.В. Виноградов различал по степени семантической связности три вида фразеологизмов: фразеологические сращения (сидеть на бобах), фразеологические единства (держать камень за пазухой), фразеологические сочетания (беспросыпное пьянство) [Виноградов, 1977, *233*]. В загадках обычно обыгрывается природа фразеологизма, его вторичный, производный характер. Его значение, как известно, невыводимо из значения его составных единиц, однако его первичное значение слабо «мерцает» во фразеологизме и может использоваться говорящим для создания загадки [Санников, 2002, *297*]. В.Н. Телия, известная исследовательница фразеологии в русском языке, считает, что «к базовым классам фразеологизмов в русском языке... можно отнести все сочетания слов, для которых характерны три основных параметра: принадлежность к номинативному инвентарю языка, признак полной или частичной идиоматичности, а также свойство устойчивости, в той или иной степени ее вариабельности, проявляющееся в абсолютной или относительной воспроизводимости сочетания слов в готовом виде. В отличие от В.В. Виноградова, В.Н. Телия вычленяет шесть классов фразеологизмов [Телия, 1996, *56*]:

1) идиомы – ядро фразеологического состава языка;

2) фразеологические сочетания, которые непосредственно взаимодействуют по своей структуре с единицами лексико-семантической структуры языка,

3) пословицы и поговорки;

4) речевые штампы,

5) различного рода клише;

6) крылатые выражения.

Все эти единицы объединяются по двум признакам: раздельнооформленность и воспроизводимость [Телия, 1996, *56*].

В.Н. Телия считает, что фразеологизмы входят в номинативный состав языка, под которым понимается вся совокупность языковых единиц, обладающих номинативной функцией, то есть служащих для названия вычлененных языковым сознанием из внеязыкового континуума отдельных его фрагментов, соответствующих «видению мира» данной лингвокультурной общности. Номинативные единицы – инвентарь языка, который служит средством построения высказываний, под которым В.Н. Телия понимает «всю совокупность языковых единиц» [Там же].

Мы не ставим в работе задачу строгого различения классов фразеологических единиц, выделяя в целом группу загадок с использованием фразеологизмов.

Заводь тихая, но с чертями («Лиза», 2022, № 9, с. 5); убил любимую собаку («Тетя Соня», 2021, № 1, с. 33); минута ... бережет («55 кроссвордных хитов», 2021, № 6, с. 27); голод не ... («55 кроссвордных хитов», 2021, № 6, с. 37); венец всему делу … («Лиза», 2022, № 9, с. 4); речи, что землю ... («Лиза», 2022, № 9, с. 16); всякому ... свой срок («Лиза», 2022, № 9, с. 5); губа не … («Лиза», 2022, № 9, с. 31); на них уставился баран («Лиза», 2022, № 9, с. 33); иногда на нем свет ... сходится («Лиза», 2022, № 9, с. 62); до него язык доведет («Лиза», 2022, № 9 с. 71); житель тихого омута («Лиза», 2020, № 20, с. 35); планета, где жизнь ищут («Лиза», 2020, № 9, с. 5); хоккей не для него («Лиза», 2022, № 9, с. 15); … в поле не воин («Лиза», 2022, № 9, с. 17).

Впрочем, этот фразеологизм может иметь отсутствующим и последнее слово:

Один в поле не … («Лиза», 2020, № 20, 09, с. 15), одного поля ... («Лиза», 2022, № 9, с. 35); вот тебе и весь … («Буква к букве», 2022, № 5, с. 3); тертый ... («Лиза», 2020, № 9, с. 29); шаляй ... («Буква к букве», 2022, № 5, с. 3); а воз и ... там («Буква к букве», 2022, № 5, с. 14); показать, где раки ... («Буква к букве», 2022, № 5, с. 21); дерево первенства ... («Буква к букве», 2022, № 5, с. 23).

В нашем случае загадка в кроссворде в основном использует семантическую игру слова, например:

... – Ясный сокол («Лиза», 2022, № 18, с. 3); *Жил отважный ... («Лиза», 2022, № 18, с. 11); планета ... Милосская («Лиза», 2022, № 18, с. 10); гонщик из романса («Лиза», 2022, № 18, с. 23); его хватают, перебрав («Лиза», 2022, № 18, с.19); вот тебе и весь … («Лиза», 2022, № 18, с. 23). время, чтобы щи дошли («Лиза», 2022, № 18, с. 33.); О, … ты мир («Лиза», 2022, № 18, с. 35); она – лучший подарок («Лиза», 2022, № 18, с. 7); Федорина печаль ... («Лиза», 2022, № 18, с. 41).*

Судовой роддом («Лиза», 2020, № 20, с. 27); обоз из вагонов («55 кроссвордных хитов», 2022, № 22, с.12); не соловьиная еда («Лиза», 2022, № 18, с. 7) (чтобы дать ответ на эту загадку, следует вспомнить пословицу «Соловья баснями не кормят»); *свод законов («Дача и дачники», 2022, № 5, с. 4); ... мурава («Дача и дачники», 2022, № 5, с. 7); нет его без добра («Дача и дачники» 2022, № 5, с. 7); сани для оленя («55 кроссвордных хитов», 2022, № 22, с. 19); горный свистун («Дача и дачники», 2022, № 5, с. 3); брат краткости («Дача и дачники», 2022, № 5, с. 5); дислокация семи пядей («Реши для души», 2022, № 24, с. 26).*

К категориям текстуальности относятся, по мнению Р.А. де Богранда и В. Дресслера, следующие: когезия, когерентность, интенциональность, информативность, интертекстуальность и др. [Beaugrande, Dressler, 1981, *3*]. Когезия – это тематическая связь между элементами текста. Когерентность –

грамматико-синтаксическая связность текста. Важную роль здесь играет повтор: звуковой, словарный, фразовый, синтаксический. Смыслы, актуализируемые повторяющимися единицами, формируют объемное видение. Повторяемость является по отношению к тексту осмысленной и принципиально значимой [Щирова, Гончарова, 2007, *58*].

Весьма актуальной для текста кроссворда представляется категория интертекстуальности. В ее основе лежит теория диалогичности М.М. Бахтина. «Текст живет только соприкасаясь с другим текстом (контекстом). Только в точке этого контакта текстов вспыхивает свет, освещающий и назад и вперед, приобщающий этот текст к диалогу» [Бахтин, 1986, *384*]. Прошлые, рожденные в диалоге прошедших веков тексты никогда не могут быть стабильными, раз и навсегда завершенными, они всегда будут обновляться в процессе будущего развития диалога. Опираясь на труды М.М. Бахтина, французские семиологи Р. Барт и Ю. Кристева внесли свой вклад в развитие теории диалогичности. Так, например, Ю. Кристева, впервые употребившая термин «интертекстуальность», показала, что текст, литературное произведение – это не результат творчества одного писателя, а трансформация созданных ранее когда-то и кем-то текстов, которые могут служить явным или чаще скрытыми, завуалированными источниками [Кристева, 1980, *35*].

Кроссворд можно приравнять к интертексту или гипертексту по Р. Барту. Как таковой он имеет следующие особенности:

1) отсутствие смыслового центра и упорядоченности;
2) текст – это ацентрическая множественность;
3) иерархичность, неструктурированность;
4) неоднородность, многомерность и многоголосость;
5) плюралистичность и поливалентность;
6) фрагментарность, негомогенность; отсутствие какой-либо грамматики и синтаксиса;
7) нелинейность (мгновенные переходы из одной смысловой точки в другую, что делает возможным сопряжение множества смысловых инстанций);
8) взаимообратимость времен – настоящего, прошедшего и будущего;
9) калейдоскопичность;
10) незавершенность и незавершимость, принципиальная возможность к безграничному расширению [Пьеге-Гро, 2008, *27–28*].

Р. Барт, провозгласив «смерть» автора», полагает, что тексты и литературные произведения обязаны своим появлением феномену интертекстуальности, а не отдельному автору. Он дает следующую дефиницию категории интертекстуальности: каждый текст представляет собой новую ткань, сотканную из разных цитат. Обрывки культурных кодов, формул, ритмических структур,

фрагменты социальных идиом и т.д. – все они поглощены текстом и перемешаны в нем, Интертекстуальность не может быть сведена к проблеме источников и влияний; она представляет собой общее поле анонимных формул, происхождение которых редко можно обнаружить [Барт, 1994, *418*].

Интертекстуальность сигнализируется, по мнению И.В. Арнольд, разными способами: цитатами из чужих текстов, иронией, пародией, аллюзией, реминисценциями, многоязычием, мозаикой, калейдоскопом, головоломкой, письмом, напоминающими сборку деталей или бриколаж, и т.п. [Арнольд, 1999, *364*]. Н. Пьеге-Гро считает, что данные образы (мозаика, калейдоскоп, головоломка, письмо) напрашиваются сами собой, когда мы хотим изобразить работу интертекста [Пьеге-Гро, 2008, *151*].

Приведем примеры:

Свинья везде ее найдет («Реши для души», 2023, № 03, с. 3); уточка Серая ... («Реши для души», 2023, № 03, с. 8); сеть пушкинского старика («Реши для души», 2023, № 3, с. 10); как зайцу стоп-... («Реши для души», 2023, № 03, с. 15); поздно пить ... («Реши для души», 2023, № 03, с. 21); рева-... («Сваты» 2022, № 6, с. 5); подтачиватель носа ... («Сваты» 2022, № 6, с. 6); Москва не сразу ... («Сваты» 2022, № 6, с. 11); нехороший ... («Крепость», 2022, № 5, с. 14); им покрыта тайна ... («Сваты», 2022, № 6, с. 17); свидание на Эльбе ... («Сваты», 2022, № 6, с. 36); он свой у каждого мгновения («Сваты», 2022, № 6, с. 21); время разбрасывать ... («Доступные сканворды», 2023, № 1, с. 1); вот на пути ... большое ... («Доступные сканводрды», 2023, № 1, с. 19); ... платежом красен («По карману», 2022, № 10, с. 7); старый ... , что лучше двух («По карману», 2023, № 1, с. 3); в тихом ... черти водятся («По карману», 2023, № 1, с. 3); враги сожгли ... ее родную («По карману», 2023, № 1, с. 5); шумел камыш, деревья ... («По карману», 2023, № 1, с. 5).

Иногда кроссворд подразумевает отгадку имени, например:

Написал «Алые паруса» («Сваты», 2022, № 6, с. 5); ... Пригожин («Сваты», № 6, 2022, с. 4); ... Демчуг («Сваты», 2022, № 6, с. 8); ... Саркози («Сваты», 2022, № 6, с. 15); ... Каневский («Сваты», 2022, № 6, с. 4); солдат у Твардовского («Сваты», 2022, № 6, с. 23); Федерико ... («Сваты», 2022, № 6, с. 29); ... Поппинс («Сваты», 2022, № 6, с. 39); ... потрошитель («Сваты», 2022, № 6, с. 7); шаг вперед и два ... («Доступные сканворды», 2023, № 1, с. 15); Стенька-бунтовщик («По карману», 2023, № 1, с. 9).

Некоторые ответы требуют сообразительности и чувства юмора, например:

Ковровый язык ... («Сваты», 2022, № 6, с. 27); зима через полгода ... («Сваты», 2022, № 6, с. 26); драже жизни («Сваты», 2022, № 6, с. 47). ... - баты, шли солдаты («Доступные сканворды», 2023, № 1, с. 26); упал, очнулся ... («По карману», 2022, № 10, с. 7); к нему своя рубашка ближе («По карману», 2023, № 1, с. 15); эпидемия для пира («По карману», 2023, № 1, с. 15); и опасна, и трудна («По карману», 2023, № 1, с. 19); ее ищут в вине

(«Сваты», 2022, № 6, с. 18); оно корове не идет («Сваты», 2022, № 6, с. 18); ему щука дремать не дает («Доступные сканворды», 2023, № 1, с. 7).

Таким образом, загадка в кроссворде представляет собой некий текст, понимаемый как целостность. Семантика и структура данного текста определяются актом вопроса и ответом, то есть серией загадок / отгадок, которые связывают денотативную сферу с надъязыковой. В то же время это не текст единой структуры. Загадки следует рассматривать как специфический класс текстов, в которых адекватно воспроизводится картина мира. Тексты кроссвордов и отгадок к ним обладают такими важными характеристиками, как связность, когерентность, тематическая адресованность, интертекстуальность и др.

ЛИТЕРАТУРА

Арнольд И.В. О понимании термина «текст» в стилистике декодирования // Стилистика. Интертекстуальность: сборник статей. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1999. С. 148–157.

Барт Р. От произведения к тексту // Избранные работы. Семиотика: Поэтика. М.: Прогресс, 1994. С. 413–423.

Бахтин М.М. К методологии гуманитарных наук // Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. С. 381–393.

Виноградов В.В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. М.: Наука, 1977. 312 с.

Кристева Ю. Силы ужаса: эссе об отвращении. France: Aux Editions du Seuils, 1980. 219 p.

Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. 682 с.

Пьеге-Гро Н. Введение в теорию интертекстуальности. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. 280 с.

Рябцева Н.К. «Вопрос»: прототипическое значение концепта // Логический анализ языка: культурные концепты. М.: Наука, 1991. С. 70–88.

Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры. 2-е изд., испр. и доп. М.: Языки славянской культуры, 2002. 522 с.

Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурный аспект. М., 1996. 285 с.

Широва И.А., Гончарова Е.А. Многомерность текста: понимание и интерпретация: учебное пособие. СПб.: Книжный дом, 2007. 472 с.

Isenberg H. Texttypen als Interaktionstypen // Zeitschrift für Germanistik. 3/1984. S. 261–270.

Bergman Jörg, Luckmann Thomas. Formen der kommunikativen Konstruktion von Moral. Entwurf eines Forschungsvorhabens // Arbeitspapiere des Projekts «Formen der Kommunikation von Moral: Gattungsfamilien der moralischen Kommunikation in informellen, institutionellen und massenmedialen Kontexten». 1993. Nr. 1. Universität Konstanz. 207 S.

Beaugrande R.A. de, Dressler W.U. Einführung in die Textlinguistik. Tübingen, Niemeyer, 1981. 290 S.

Fix U. Das Rätsel. Bestand und Wandel einer Textsorte. Oder: Warum sich die Textlinguistik als Querschnittsdisziplin verstehen kann // Sprachgeschichte und Textsortengeschichte. Frankfurt am Main – Berlin – Bern, 1996. S 184–202.

Lerchner G. Der Diskurs im sprachgeschichtlichen Prozess. Zur Rolle des Subjekts im trivialliterarischen Diskurs des 18. Jahrhunderts // Zeitschrift für germanistische Linguistik 17.3. 1990. S. 261–272.

Schlittek Cl. Die Sprach- und Erkenntnisformen der Rätsel. M. und P. Verlag für Wissenschaft und Forschung, 1991. 203 S.

Metzler Lexikon. Literatur und Kulturtheorie. Stuttgart, 2004.

LM. Njubina
PhD in Philology, Doctor, Professor,
Chair of German,
Smolensk State University
Smolensk, Russia

Crossword Puzzle as a Type of Text

The present article deals with the crossword puzzles which have originated from ordinary riddless. Recently various puzzles have considerably grown in number and variety. Plenty of them are constantly published in magazines and newspapers. As a text, puzzles have a number of peculiarities such as: a question-answer system, brevity, absence of rhyme, a dialogue-based form, plurality of meanings, pun an so on. A puzzle in a crossword belongs to ludic texts and has become increasingly widespread.

Key words: *puzzle; crossword puzzle; question-answer system; mass media; phraseological units; brevity; absence of rhyme; dialogue form; plurality of meanings; pun; cohesion; coherence; intertextuality.*

REFERENCES

Arnold I.V. On the understanding of the term «text» in the style of decoding [O ponimanii termina «tekst» v stilistike dekodirovaniya]. *Stylistics. Intertextuality: Collection of articles.* Saint Petersburg: the Publishing House of Saint Petersburg State University, 1999, pp. 148−157 (in Russian).

Bakhtin M.M. To the methodology of the humanities // Aesthetics of verbal creativity [Kmetodologii gumanitarnykh nauk // Estetika slovesnogo tvorchestva]. Moscow: Art, 1986a, pp. 381−393 (in Russian).

Bart R. From work to text // Selected Works.Semiotics: Poetics [Ot proizvedeniya k tekstu // Izbrannyye raboty. Semiotika: Poetika]. Moscow: Progress, 1994, pp. 413–423 (in Russian).

Vinogradov V.V. Selected works. Lexicology and lexicography. [Izbrannyye trudy. Leksikologiya i leksikografiya]. Moscow: Nauka, 1977, 312 p. (in Russian).

Sannikov V.Z. Russian language in the mirror of the language game [Russkij yazyk v zerkale yazykovoj igry]. 2nd ed., rev.and additional. Moscow: Languages of Slavic culture, 2002. 522 p. (in Russian).

Ryabtseva N.K. "Question" is the prototypical meaning of the concept [«Volpros»: prototipicheskoe znachenie koncepta]. Logical analysis of language: cultural concepts. Moscow: Nauka, 1991. pp. 70-88 (in Russian).

Kristeva Yu. Forces of horror: an essay on disgust [Sily uzhasa: esse ob otvrashchenii]. France. Aux Editions du Seuils, 1980. 219 p. (in Russian).

Linguistic Encyclopedic Dictionary [Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar']. Edited by Yartsev V.N. Moscow: Soviet Encyclopedia, 1990. 682 p. (in Russian).

Piegue-Gros N. Introduction to the theory of intertextuality [Vvedeniye v teoriyu intertekstual'nosti]. Moscow: LKI, 2008. 280 p. (in Russian).

Telia V.N. Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguocultural aspect [Russkaya frazeologiya. Semanticheskiy, pragmaticheskiy i lingvokul'turnyy aspekt]. Moscow: 1996. 285 p. (in Russian).

Shirova I.A., Goncharova E.A. Multidimensionality of the text: understanding and interpretation: a textbook [Mnogomernost' teksta: ponimaniye i iyeterpretatsiya: uchebnoye posobiye.]. Saint Petersburg: Knizhnyy dom, 2007. 472 p. (in Russian).

Isenberg H. Texttypen als Interaktionstypen. In: Zeitschrift für Germanistik 3/1984, S. 261−270. (in German).

Bergman Jörg, Luckmann Thomas. Formen der kommunikativen Konstruktion von Moral. Entwurf eines Forschungsvorhabens. In: Arbeitspapiere des Projekts «Formen der Kommunikation von Moral: Gattungsfamilien der moralischen Kommunikation in informellen, institutionellen und massenmedialen Kontexten». Nr. 1, 1993, Universität Konstanz. 207 S. (in German).

Beaugrande R.A. de, Dressler W.U. Einführung in die Textlinguistik. Tübingen, Niemeyer, 1981. 290 S. (in German).

Fix U. Das Rätsel. Bestand und Wandel einer Textsorte. Oder: Warum sich die Textlinguistik als Querschnittsdisziplin verstehen kann. In: Sprachgeschichte und Textsortengeschichte. Frankfurt am Main . Berlin. Bern. 1996. S. 184–202. (in German).

Lerchner G. Der Diskurs im sprachgeschichtlichen Prozess. Zur Rolle des Subjekts im trivialliterarischen Diskurs des 18. Jahrhunderts. In: Zeitschrift für germanistische Linguistik 17.3. 1990. S. 261–272. (in German).

Schlittek, Cl. Die Sprach - und Erkenntnisformen der Rätsel. In: M. und P. Verlag für Wissenschaft und Forschung, 1991. 203 S. (in German).

Metzler Lexikon. Literatur und Kulturtheorie. Stuttgart, 2004. (in German).

Суй Ин

Российский университет дружбы народов
им. Патриса Лумумбы
Москва, Россия

УДК 81.33

DOI 10.35785/2072-9464-2023-63-3-51-63

ОТРАЖЕНИЕ КИТАЙСКИХ КУЛЬТУРНЫХ РЕАЛИЙ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ В ПАРАДИГМЕ ПРЕДМЕТНЫХ И СМЫСЛОВЫХ СООТВЕТСТВИЙ

Ключевые слова: *китайские культурные реалии; лингвокультура; перевод лингвокультурных реалий.*

В статье говорится о важности взаимодействия языка и культуры, о лингвокультурологических характеристиках особенностей языков различных языковых макрогрупп (русского языка как части индоевропейской, китайского языка как части китайско-тибетской). Особо отмечается важность перевода во взаимодействии лингвокультур; указываются трудности, с которыми можно столкнуться при интерпретации реалий другой культуры, что обусловлено как характеристиками лексического и грамматического строя исходного и переводящего языков, так и особенностями, связанными с традиционной культурой языкового сообщества.

Компонент значения слов-реалий русского и китайского языков с различной семантической структурой входит в состав денотативного макрокомпонента лексического значения слова. Национально-культурный компонент слов с разной степенью дифференцированности понятий в русском и китайском языках входит в сигнификативный макрокомпонент их лексического значения, а его содержание составляют дифференциальные семы сигнификативного макрокомпонента. Национально-культурный компонент лексического значения слов корреспондирующих языков с несовпадающей внутренней формой составляют семы денотативного макрокомпонента. Именно поэтому при передаче и интерпретации китайских реалий в русском языке необходимо учитывать специфику русского языка, русской лингвокультуры и в случаях, когда реалии совершенно чужды русским национально-культурным представлениям, давать необходимые исторические и иные комментарии. Отметим при этом, что в последнее время в связи с интенсификацией национально-культурных и экономических контактов в русский язык проникает довольно большое количество слов (в том числе и национально-специфических реалий) из китайского языка, что требует отдельных лингвистических исследований.

Ф. де Соссюр отмечает: «История языка и история общества переплетаются и влияют друг на друга: обычаи народа отражаются на его языке, язык в значительной мере формирует народ, нацию» [Соссюр, 1977]. Говоря о взаимосвязи языка и культуры, нельзя обходить лингвокультурологию, которая как «молодое и дискуссионное, но весьма перспективное направление в науке, оформилась в 90-е годы XX века в результате попыток интегрировать культурологию и лингвистику. Появление лингвокультурологии обусловлено интересом ко взаимодействию культуры и языка» [Шаклеин, 2012, 5]. В последнее время исследования по лингвокультурологии все больше захватывают внимание ученых, поскольку ускоряется процесс развития межкультурной коммуникации.

Китай и Россия являются ближайшими соседями. Культурный обмен между двумя странами имеет глубокую основу. В условиях многополярного мира, углубленного развития экономической глобализации и культурной диверсификации китайско-российские отношения стали показателем успешных и продуктивных двусторонних отношений в мире. Многолетними неустанными усилиями обеих сторон Китай и Россия создали отношения всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, которые полностью отвечают интересам обеих стран и приносят ощутимые выгоды обоим народам. И Китай, и Россия имеют долгую историю и богатую культуру. Культурный обмен играет незаменимую роль в укреплении дружбы двух народов.

Поэтому следует отметить важность перевода во взаимодействии лингвокультур. Однако, осуществляя перевод, можно столкнуться со многими трудностями, обусловленными как характеристиками лексического и

грамматического строя исходного и переводящего языков, так и особенностями, связанными с традиционной культурой языкового сообщества. Наиболее интересны для языковых исследований трудности интерпретации лингвокультурологических реалий.

В языковом пространстве носителей реалии являются общеупотребительными словами. Такие языковые единицы иноязычного текста не имеют точных соответствий (эквивалентов). Каждый раз, сталкиваясь с реалией в исходном тексте, переводчик «вынужден искать способ перенесения национального и исторического колорита исходного текста на другой язык» [Войку, Шевчук, 2014, *173–174*].

С одной стороны, характеристики реалий определили их непереводимость в словарном порядке, с другой – способы передачи смысла реалий в текстах находятся.

Так, по мнению С.И. Влахова и С.П. Флорина, существуют две основные трудности передачи реалий при переводе: «1) отсутствие в ПЯ соответствия (эквивалента, аналога) из-за отсутствия у носителей данного языка обозначаемого реалией объекта (референта) и 2) необходимость, наряду с предметным значением (семантикой) реалии, передать и колорит (коннотацию) – ее национальную и историческую окраску» [Влахов, Флорин, 2012, *82*]. Проблемами перевода слов-реалий занимаются А.В. Федоров, Г.Д. Томахин, В. Россельс, С.И. Влахов, С.П. Флорин, Н.Н. Кузнецова, И.А. Кашкин и др.

Большая разница структуры русского и китайского языка тем не менее увеличивает трудность перевода китайских реалий на русский язык. Русский язык флективный, а китайский – аналитический. В русском языке буквенно-фонетическая письменность, в китайском – иероглифическая. Передача реалий – часть большой и важной проблемы передачи национального и исторического своеобразия.

Л.Н. Соболев в 1952 году употребляет термин «реалия» в современном понимании, приводя его дефиницию [Соболев, 1955, *290*]. О реалиях также пишет Г.В. Чернов, который, однако, преимущественно пользуется названием «безэквивалентная лексика» [Чернов, 1958, *223*]. А.Е. Супрун рассматривает реалии как «экзотическую» лексику [Супрун, 1958, *231*], а В. Россельс намечает некоторые из основных черт реалий как переводческой категории. А.В. Федоров писал: «Нет такого слова, которое не могло бы быть переведено на другой язык, хотя бы описательно, т.е. распространенным сочетанием слов данного языка» [Федоров, 1968, *182*].

При анализе и интерпретации реалий в переводных текстах необходимо уделить особое внимание месту, подаче и осмыслению незнакомой реалии в подлиннике. Незнакомой чаще всего является чужая реалия. Автор вводит ее в текст при описании новой для носителя данного языка действительности. Например, в романе известного китайского писателя Мо Яня «Большая грудь, широкий зад» пишут: «在司马库家打谷场上召开的反缠足

大会上，我被上官吕氏看中了…» [Мо Янь, 2004, *40*]. («На току семьи Сыма Ку, где проходил сход против *бинтования ног*, Шангуань Люй на неё глаз и положила...» [Мо Янь, 2013, *33*]). Слово 缠足 (Чаньцзу) обозначает бинтование ног (женщинам). По традиции одним из элементов женской красоты в старом Китае считалась маленькая ножка – «лотос». С этой целью девочкам бинтовали ноги для прекращения роста ступни.

Такие незнакомые русскому читателю подлинника слова требуют подачи, которая позволила бы воспринять описываемое, ощутив вместе с тем тот специфический «аромат чуждости», характерный китайский национальный исторический колорит, ради которого и употреблены в тексте эти инородные элементы.

Следовательно, наиболее удачным нужно считать такое введение в текст незнакомой китайской реалии, которое обеспечило бы ее вполне естественное, непринужденное восприятие читателем без применения со стороны автора особых средств ее осмысления. Не требуют по большей части объяснений и те реалии, которые знакомы читателям. Однако в сомнительных ситуациях следует тщательно проверить, существует ли рассматриваемое слово в языке перевода, соответствует ли оно по значению переводимому в исходном языке и каков его фонетический и графический облик в языке перевода.

Г.Д. Томахин выделяет пять способов передачи иноязычных реалий: 1) транслитерация (передача на уровне графем) и транскрипция (передача на уровне фонем: 普通话 – Путунхуа, 四合院 – Сыхэюань, 光棍节 – Гуангуньцзе); 2) калькирование (一带一路 – Один пояс, один путь, 一国两制 – Одна страна – две системы); 3) описание или разъяснительный перевод (双十一 – День холостяков, 兵马俑 – Терракотовая армия); 4) приближенный (приблизительный) перевод (при помощи «аналога»: 白酒 – водка, 宁静致远 – Тише едешь, дальше будешь.); 5) трансформационный (контекстуальный) перевод [Томахин, 1988, *31*].

По мнению А.А. Реформатского, приемы передачи реалий можно, обобщая, свести в основном к двум: транскрипции и переводу. Эти два понятия могут быть друг другу противопоставлены: перевод стремится «чужое» максимально сделать «своим», а транскрипция – сохранить «чужое» через средства «своего». Таким образом, «в плане практическом перевод и транскрипция должны рассматриваться как антиподы» [Реформатский, 1999, *312*].

Собственно транскрипция реалии предполагает механическое перенесение ее из исходного языка в язык перевода графическими средствами последнего с максимальным приближением к оригинальной фонетической форме.

Перевод реалии как прием передачи ее на язык перевода применяют обычно в тех случаях, когда транскрипция по тем или иным причинам невозможна или нежелательна. Речь может идти о введении неологизма, приблизительном переводе реалий или о «контекстуальном переводе». Например, из книги «Большая грудь, широкий зад»: «怀孕之后，母亲跑到谭家窝棚的娘娘庙里，烧香、磕头、许愿…» [Мо Янь, 2004, *559*]. (Забеременев, Шангуань Лу сбегала к *алтарю матушки-чадоподательницы*, что стоял в домишке семьи Тань, воскурила благовония, отбила поклоны...» [Мо Янь, 2013, *441*]). 娘娘庙 – Чудотворный образ Божией Матери Тихвинская-Чадоподательница, здесь переводится как «алтарь матушки-чадоподательницы», для того чтобы читатель мог за короткое время понять смысл слова.

Выбор пути передачи реалии зависит от нескольких предпосылок: от характера текста, от значимости реалии в контексте, от характера самой реалии, от языков и от читателя перевода (по сравнению с читателем подлинника).

Особую сложность вызывает, как правило, перевод исторических реалий. Следует помнить о том, что об исторических реалиях (к примеру, 空城计 – маневр пустого города) говорят обычно не как о специфической группе лексики, а, скорее, с учетом исторической отнесенности реалий к той или иной эпохе, не теряя из виду их предметного содержания, которое связывает их с соответствующими рубриками предметной классификации.

А.В. Федоров очень четко определил цель перевода подлинно архаического произведения: «ознакомить современного читателя с литературным памятником, который в момент своего создания, то есть для читателя своей эпохи, тоже был современным», – цель, которая «предполагает использование в основном современного языка в переводе, хотя бы и с отбором словарных и грамматических элементов, которые в известных случаях позволяли бы соблюсти нужную историческую перспективу» [Федоров, 1968, *559*].

Итак, сохранение (транскрипция) слишком многих исторических реалий при переводе архаического произведения было бы преднамеренным, несозвучным с общим тоном повествования и не отвечало бы намерениям старого мастера, описывающего свою действительность. В архаизованном произведении автор, напротив, преднамеренно вводит в текст исторические реалии, и замена их более нейтральными соответствиями шла бы уже вразрез с его намерениями.

При передаче исторических реалий можно включить в свой арсенал много различных видов «лингвистического оружия», начиная с транскрипции и заканчивая устаревшими словами.

Различия в системах китайского и русского языков и особенностях создания текстов на этих двух языках в разной степени могут ограничивать

возможность полного сохранения в переводе содержания оригинала. Основной задачей при этом является извлечение содержащейся в оригинальном тексте информации, для чего необходимо обладать фоновыми знаниями, которыми располагают «носители» исходного языка. Поэтому успешная интерпретация китайского текста на русском языке априори предполагает всестороннее знакомство с историей, культурой, литературой, обычаями, современной жизнью и прочими реалиями народа.

Ярким примером может послужить слово-реалия 豆腐 ‘тофу’. От первоначального общеязыкового слова оно прошло довольно длинный путь и получило новые переносные значения, зато вошло в разряд реалий; причем для русского это просто название продукта («продукт, пищевой продукт из бобов сои, напоминающий творог»), а в китайской культуре 豆腐 ‘тофу’ обозначает: 1) продукт, пищевой продукт из бобов сои, напоминающий творог; 2) в переносном значении поговорка «кушать чье-то тофу» означает оскорблять кого-нибудь или приставать к девушке; 3) в переносном значении выражение «тофу Си Ши» (‘тофу красавица’) описывает красивую внешность женщины (девушка по имени Си Ши, красавица из княжества Юэ, в эпоху Чуньцю), однако включает в себя оскорбительное значение; 4) в переносном значении словосочетание 豆腐渣工程 «низкокачественное построение» относится к проектам, которые небезопасны из-за недобросовестного выполнения работы или несоответствующей экономии на материале.

В практике художественного перевода и в литературоведении принято выделять следующие типы реалий: географические, этнографические, фольклорные, мифологические, бытовые, общественно-политические, исторические [Томахин, 1988, *37*].

По мнению С.И. Влахова и С.П. Флорина, реалии можно классифицировать по их коннотативным значениям, то есть в зависимости от местного (национального, регионального) и временного (исторического) колорита. Например, «I. предметное деление, II. местное деление (в зависимости от национальной и языковой принадлежности), III. временное деление (синхронический и диахронический подход), IV. переводческое деление» [Влахов, Флорин, 2012, *55*].

Для систематизации китайских культурных реалий следует опираться, видимо, на тематические ассоциации, так как основным критерием их выделения является фактор семантический, выявляемый в сопоставлении с лексико-семантической системой русского языка.

Прежде чем исследовать семантические парадигмы отражения китайских реалий в современном русском языке, следует провести классификацию реалий на основе типов лексических соответствий слов русского и китайского языков.

Исследования показывают, что существуют факторы лингвистического характера, которые влияют на семантизацию китайских реалий:

– особенности семантической структуры, а также структуры лексического значения слов-реалий данной группы;

– тип лексического значения слов-реалий;

– характер лексических соответствий, выявленных при сопоставлении лексических единиц русского языка.

В нашем исследовании рассматриваются различия в семантических структурах, которые обусловлены внеязыковой действительностью.

Для определения типа лексического значения слова представляется необходимым «учитывать преобладание в содержании слова тех или иных компонентов лексического значения» [Слесарева, 1980, *20*], а также степень их выраженности [Слесарева, 1980, *43*], что, на наш взгляд, определяется местом макрокомпонентов в иерархической структуре лексического значения слова. Если принять во внимание тот факт, что структуре лексического значения слова «свойственна централизация – наличие ведущей части системы – ядра (центра), а также околоядерной сферы и периферии» [Киселева, 1979, *82*], выделяются две группы лексики:

1) с информативным типом [Там же] лексического значения, где преобладающим фактором являются семы сигнификативного макрокомпонента, а степень его выраженности наибольшая, так как он находится в центре структуры лексического значения слова;

2) с прагматическим типом [Киселева, 1979, *83*] лексического значения слова, в данном случае преобладающим фактором являются семы прагматического макрокомпонента, который также находится в центре структуры лексического значения слова.

Как отмечает Л.А. Киселева, наряду с информативным ядром лексического значения (или с прагматическим) возможно наличие периферийного прагматического (информативного) компонента, что проявляется в существовании информативно-прагматических типов лексических значений [Киселева, 1978, *90*]. Поскольку выбор способа семантизации зависит от преобладающих факторов структуры лексического значения слова, мы не учитываем периферийные компоненты значения при определении типов лексических значений.

Примерами китайских слов-реалий с информативным типом лексического значения являются следующие: 功夫 кунг-фу (здесь: кит. китайская система самозащиты без оружия (спорт.); спортивная борьба; система оздоровительной гимнастики [Егорова, 2014, *363*]); 茧绸 чесуча (здесь: чесучи, [кит. шелк-сырец] – желтоватая шелковая ткань особого сорта (устар.)), чесуча (из пров. Шаньдун 柞丝绸 чесуча, чесучовая ткань, туссор-ткань [Егорова, 2014, *751*]); 太平天国 Тайпинское Небесное Царство (здесь: государство тайпинов, 1850–1865 годы, участник крестьянской войны в Китае (1850–1864), основатель Хун Сюцюань [Егорова, 2014, *645*]); 红卫兵

Хунвэйбин (здесь: член китайского молодежного отряда, которые создавались в 1966 году, в начале так называемой «культурной революции», и принимали в ней деятельное участие [Егорова, 2014, *740*]); 元 Юань (здесь: денежная единица в Китае [Егорова, 2014, *796*]); 巧巧狗 Чау-Чау (здесь: порода декоративных длинношерстных собак. Выгуливать щенка чау-чау [Егорова, 2014, *751*]).

Данная группа слов-реалий содержит информацию о китайских предметах, качествах, явлениях действительности и не имеет эмоционально-оценочных, эмоциональных, экспрессивных и других семантических компонентов, выражающих отношение говорящего к действительности [Киселева, 1978, *89*]. Наличие национально-культурного компонента в структуре лексического значения данной группы лексики налагает определенный отпечаток на характер передаваемой информации, а именно обязательное присутствие сведений, связанных с особенностями национальной культуры.

Группу лексики с прагматическим типом лексических значений представляют слова, отражающие эмоциональную оценку тех или иных явлений действительности, содержащие информацию «о целесообразности и совершенстве объекта... об экспрессивных качествах самого языка... информацию о воле субъекта, апеллирующую к воле адресата» [Киселева, 1978, *77*]. Например, 不成器 бездарный (здесь: о человеке, в значении «никчемный, никудышный» (大БКРС)); 不孝 непочтительный (здесь: о человеке, в значении «непочтительный к родителям» (大БКРС)); 狐狸精 лиса-оборотень (здесь: о человеке, в значении «обольстительница, искусительница, соблазнительница» (大БКРС)); 才子 талант (здесь: о человеке, в значении «талантливый, сильный» (大БКРС)); 好汉 молодец (здесь: «добрый молодец»; «славный (хороший) мужчина» (大БКРС)).

Национально-культурный компонент, имеющийся в структуре лексического значения данных слов-реалий, также накладывает на содержание прагматического компонента определенный отпечаток: в этих словах содержится информация, передающая своеобразное национальное эмоциональное, образное и т.д. восприятие мира.

Следует отметить, что, кроме национально-культурного компонента, в структуру лексического значения нами включается также лексический фон слова. Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров понимают под лексическим фоном слова совокупность всех экстралингвистических знаний, сопряженных с лексическим понятием [Верещагин, Костомаров, 1980, *25*]. Поэтому, по мнению исследователей, фоновые знания могут быть как как общечеловеческие, региональные, так и национальные [Верещагин, Костомаров, 1980, *67–77*].

Лексический фон слова-реалии определяет правило свободной лексической сочетаемости слов-реалий, обеспечивает точное и правильное понимание слова в контексте. Например, лексическим фоном слова *чай* будет *свежий*, *ароматный* и *вкусный* и т.д.

Можем разделить лексические единицы по характеру сем, составляющих лексический фон слов-реалий, на две группы: 1) лексические единицы с преобладанием фоновых сем информативного характера; 2) лексические единицы с преобладанием фоновых сем прагматического характера.

Примером рассмотрения лексики, обладающей лексическим фоном, содержащим семы информативного характера, может послужить слово *чай* (здесь: «ароматный напиток, настоянный на листьях чая» [Ожегов, 1961, *862*]).

ЧАЙ:

1) соответствующие ассоциативно-тематические ряды лексического фона слов-реалий русского и китайского языков: китайский чай, русский чай, стакан чая, чай с угощением и т.п.;

2) национально-культурные ассоциативно-тематические ряды лексического фона китайского слова: 碧螺春 «Билочунь», «Изумрудные спирали весны» (сорт зеленого чая), 铁观音 «Те Гуаньинь», «Железная Бодхисатва Гуаньинь» (разновидность китайского улунского чая), 普洱茶 чай пуэр, 乌龙茶 чай улун (полуферментированный сорт китайского чая) и т.п.;

3) национально-культурные ассоциативно-тематические ряды лексического фона русского слова: грузинский чай, краснодарский чай, липовый чай, морковный чай и т.п.

Несоответствующие информативные семы лексических фонов слов могут быть причиной разного эмоционального восприятия одного и того же явления или предмета носителями китайского и русского языков, что можно проиллюстрировать примерами из художественной литературы. В первом случае дается характеристика чая носителем китайского языка. Китайская культура чая имеет долгую историю. Она не только включает материальные и культурные аспекты, но и затрагивает глубокие уровни духовной цивилизации. Начиная с династии Тан (после выхода на свет «Чайного канона») «дух чая» глубоко проник в китайскую поэзию, живопись, каллиграфию, религию и медицину.

Подобное несоответствие между ожидаемой и полученной эмоциональной реакцией при чтении вызвано именно несовпадением информативных лексических фонов слов сравниваемых языков, что доказывает необходимость знания национально-культурных сем лексического фона реалий для правильного эмоционального восприятия художественной литературы.

Вторую рассматриваемую нами группу слов-реалий составляют лексические единицы, содержащие фоновую информацию прагматического характера. Нам представляется более целесообразным разделять слова с прагматическим содержанием на две группы: слова с прагматическим

компонентом в ядре лексического значения слова и слова с прагматическим компонентом в лексическом фоне слова.

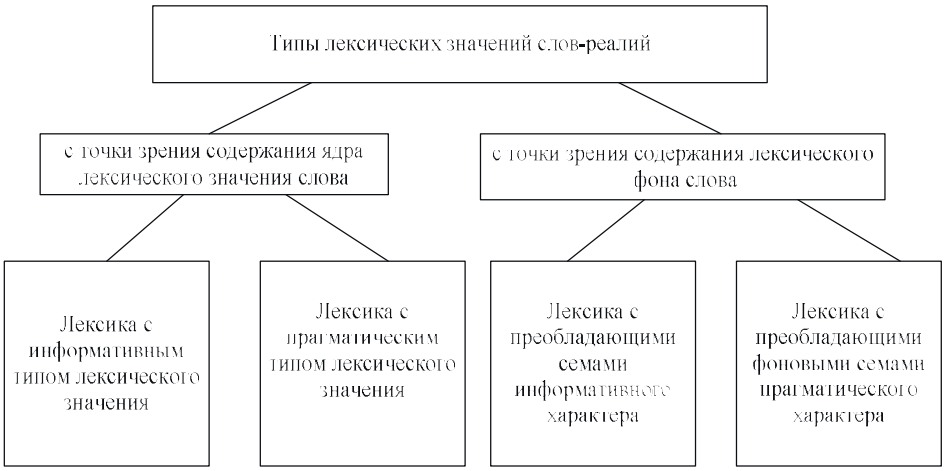
Примером для рассмотрения типа лексики, содержащей прагматический компонент в лексическом фоне, может послужить слово КУНФУ:

1) соответствующие ассоциативно-тематические ряды лексического фона слов китайского и русского языков: Кунфу Панда, Брюс Ли, Китай, храм Шаолинь и др.;

2) национально-культурные ассоциативно-тематические ряды лексического фона китайского слова: уся (рыцарь), угун (ушу), цигун, Хо Юаньцзиа, ЧэньЧжэн и др.

Кроме того, необходимо отметить, что в лексический фон слова входят ассоциации прагматического характера, вызванные часто информативными семами.

Таким образом, первоначальная классификация слов-реалий с учетом структуры лексического значения слова, а также степени выраженности компонентов данной структуры может быть представлена в виде следующей схемы.



В свою очередь, группы слов, выделенные на основе типов лексических значений (лексика с информативным типом лексического значения, лексика с прагматическим типом лексического значения, лексика, содержащая фоновые семы информативного характера, и лексика, содержащая фоновые семы прагматического характера), подлежат дальнейшей классификации. В основу этой классификации положены типы лексических соответствий слов-реалий. При определении типов лексических соответствий слов были выявлены расхождения как в семантической структуре слова, так и в структуре лексического значения, обусловленные особенностями национальной культуры.

Подводя итоги, следует указать, что лексико-грамматические парадигмы отражения китайских культурных реалий в современном русском

языке отличаются разнообразием. Структуре лексического значения слова «свойственна централизация – наличие ведущей части системы – ядра (центра), а также околоядерной сферы и периферии» [Киселева, 1979, *82*]. При этом следует выделить группы лексики:

1) с информативным типом лексического значения, где преобладающим фактором являются семы сигнификативного макрокомпонента, а степень его выраженности является наибольшей, так как он находится в центре структуры лексического значения слова;

2) с прагматическим типом [Киселева, 1979, *83*] лексического значения слова, в данном случае преобладающим фактором являются семы прагматического макрокомпонента, который также находится в центре структуры лексического значения слова.

Компонент значения слов-реалий сравниваемых языков с различной семантической структурой входит в состав денотативного макрокомпонента лексического значения слова. Национально-культурный компонент слов с разной степенью дифференцированности понятий в русском и китайском языках входит в сигнификативный макрокомпонент их лексического значения, а его содержание составляют дифференциальные семы сигнификативного макрокомпонента. Национально-культурный компонент лексического значения слов корреспондирующих языков с несовпадающей внутренней формой составляют семы денотативного макрокомпонента. Именно поэтому при передаче и интерпретации китайских реалий в русском языке необходимо учитывать специфику русского языка, русской лингвокультуры и в случаях, когда реалии совершенно чужды русским национально-культурным представлениям, давать необходимые исторические комментарии. Отметим, что в последнее время в связи с интенсификацией национально-культурных и экономических контактов в русский язык проникает довольно большое количество слов (в том числе и национально-специфических реалий) из китайского языка, что требует отдельных лингвистических исследований.

ЛИТЕРАТУРА

Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Лингвострановедческая теория слова. М.: Русский язык. 1980. 20 с.

Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. М.: Международные отношения, 1986. 416 с.

Войку О.К., Шевчук О.Д. Перевод испанских и русских реалий // Сборники конференций НИЦ Социосфера. Прага, 2014. Вып. 36. С. 172–177.

Киселева Л.А. Вопросы теории речевого воздействия. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1978. 160 с.

Киселева Л.А. Проблемы исследования русского языка как средства воздействия: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Л., 1979. 46 с.

Мо Янь. Большая грудь, широкий зад / пер. Е.А. Егоров. СПб.: Амфора, 2013. 518 с.

Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1961. 900 с.

Реформатский А.А. Введение в языковедение / предисл. В.А. Виноградова. 5-е изд., уточн. М.: Аспект-пресс, 1996. 536 с.

Слесарева И.П. Проблемы описания и преподавания русской лексики. М.: Русский язык, 1980. 174 с.

Словарь иностранных слов русского языка: [100 000 слов и выражений] / сост. Т.В. Егорова. М.: Аделант, 2014. 799 с.

Соболев Л.Н. О переводе образа образом. М.: Изд. лит. на иностр. яз., 1955. 290 с.

Соссюр Ф. Труды по языкознанию / пер. с фр. яз. под ред. А.А. Холодовича; вступит. ст. А.А. Холодовича [и др.]. М.: Прогресс, 1977. 695 с.

Супрун А.Е. «Экзотическая» лексика // Филологические науки. 1958. № 2. С. 52–54.

Томахин Г.Д. Реалии-американизмы. М.: Высшая школа, 1988. 238 с.

Федоров А.В. Основы общей теории перевода М.: Высшая школа, 1968. 396 с.

Чернов Г.В. Вопросы перевода русской безэквивалентной лексики на английский язык: автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 1958. 14 с.

Шаклеин В.М. Историческая лингвокультурология текста: монография. М.: РУДН, 2012. 632 с

莫言. 丰乳肥臀, 北京：当代世界出版社, 2004, 604页. (Мо Янь. Большая грудь, широкий зад. Пекин: Современный мир, 2004. 604 с.).

Sui Ying
Postgraduate Student,
Peoples' Friendship University of Russia
Moscow, Russia

Reflection of Chinese Cultural Realities in the Modern Russian Language in the Paradigm of Subject and Semantic Correspondences

The article deals with the importance of language and culture interaction, the linguistic and cultural characteristics as features of the languages belonging to various linguistic macrogroups (Russian as part of Indo-European, Chinese as part of Sino-Tibetan). The paper highlights the importance of translation in the interaction of linguistic cultures; the difficulties that can be encountered in interpreting the realities of another culture are indicated, which is due to both the peculiarities of the lexical and grammatical structure of the source and translating languages, and the peculiarities associated with the traditional culture of the language community.

The component of the meaning of the real words of the Russian and Chinese languages with different semantic structures is part of the denotative macro component of the lexical meaning of the word. The national-cultural component of words with different degrees of differentiation of concepts in the Russian and Chinese languages is included in the significative macro component of their lexical meaning, and its content consists of differential semes of the significative macro component. The national-cultural component of the lexical meaning of words of corresponding languages with a mismatched internal form is the semes of the denotative macro component. Russian linguoculture should take into account the specifics of the Russian language, and in cases where the realities are completely alien to Russian national

and cultural ideas, the necessary historical and other comments are tobe given. It should be noted that recently, due to the intensification of national-cultural and economic contacts, a great number of words (including national-specific realities) from the Chinese language have been penetrating into the Russian language, which requires separate linguistic research.

Key words: *Chinese cultural realities; linguoculture; translation of linguocultural realities.*

REFERENCES

Vereshchagin E.M., Kostomarov V.G. Linguistic and cultural theory of the word [Lingvostranovedcheskaya teoriya slova]. Moscow: Russian language. 1980. 320 p. (in Russian).

Vlakhov S., Florin S. Untranslatable in translation [Neperevodimoe v perevode]. Moscow: International Relations, 1986. 416 p. (in Russian).

Voiku O. K., Shevchuk O. D. Translation of Spanish and Russian realities [Perevod ispanskih i russkih realij]. *Collections of conferences of SIC Sociosphere*. Prague. 2014, no. 36, pp. 172–177 (in Russian).

Kiseleva L.A. Questions of the theory of speech influence [Voprosy teori i rechevogo vozdejstviya]. Leningrad: Publishing house of Leningrad State University, 1978. 160 p. (in Russian).

Kiseleva L.A. Problems of Russian language research as a means of influence [Problemy issledovaniya russkogo yazyka kak sredstva vozdejstviya]. Abstract of dissertation ... doctor of Philological Sciences, Leningrad, 1979. 46 p. (in Russian).

Mo Yan. Big breasts, wide ass [Bol'shayagrud', shirokijzad]. Translated by Egorov E.A. Saint Petersburg: Publishing house "Amphora", 2013. 518 p. (in Russian).

Ozhegov S.I. Dictionary of the Russian language [Slovar' russkogo yazyka]. Moscow: State Publishing House of Foreign and National Dictionaries. 900 p. (in Russian).

Reformatsky A.A. Introduction to linguistics [Vvedenie v yazykovedenie]. Preface by Vinogradov V.A. 5th revised edition. Moscow: Aspect-press, 1996. 536 p. (in Russian).

Slesareva I.P. Problems of description and teaching of Russian vocabulary [Problemy opisaniya i prepodavaniya russkoj leksiki]. Moscow: Russian language, 1980. 174 p. (in Russian).

Dictionary of foreign words of the Russian language: [100,000 words and expressions] [Slovar' inostrannyhslovrusskogoyazyka: [100 000 slovivyrazhenij:]]. Compiled by Egorova T. V. Moscow: Adelant, 2014. 799 p. (in Russian).

Sobolev L.N. On the translation of the image in the image [O perevode obraza obrazom]. Moscow: Publishing literature in foreign languages, 1955. 290 p. (in Russian).

Saussure F. Works on Linguistics [Trudy po yazykoznaniyu]. Translated from French by Kholodovich A.A. Introductions by Kholodovich A.A. and others. Moscow: Progress, 1977. 695 p. (in Russian).

Suprun A.E. «Exotic» vocabulary [«Ekzoticheskaya» leksika]. *Philological sciences*, no. 2. 1958, pp. 52–54. (in Russian).

Tomakhin G.D. Realities-Americanisms [Realii-amerikanizmy]. Moscow: Higher School, 1988. 238 p. (in Russian).

Fedorov A.V. 1968 Fundamentals of the general theory of translation [Osnovy obshchej teorii perevoda]. Moscow: Higher School, 1968. 396 p. (in Russian).

Chernov G.V. Questions of translation of Russian non-equivalent vocabulary into English [Voprosy perevoda russkoj bezekvivalentnoj leksiki na anglijskij yazyk]. Abstract of dissertation ... candidate of Philology. Moscow, 1958. 14 p. (in Russian).

Shaklein V.M. Historical linguoculturology of the text: monograph [Istoricheskaya lingvokul'turologiya teksta: monografiya]. Moscow: RUDN, 2012. 632 p. (in Russian).

莫言. 丰乳肥臀, 北京：当代世界出版社, 2004, 604页. Mo Yan. Big breasts, wide ass. Beijing, Publishing House of the "Modern World", 2004. 604 p. (in Chinese).

Л.И. Гришаева

Воронежский государственный университет
Воронеж, Россия

УДК 811.1'42

DOI 10.35785/2072-9464-2023-63-3-64-75

«ДЕТСКИЕ» АНЕКДОТЫ КАК СРЕДСТВО И СПОСОБ ПОДДЕРЖАНИЯ КОЛЛЕКТИВНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ НОСИТЕЛЕЙ ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ[1] (Часть 2)

Ключевые слова: *субъект познания и коммуникации; личностная и коллективная идентичность субъекта; «детские» анекдоты как тип текста; способы и средства поддержания и воспроизводства культурной идентичности.*

Статья посвящена описанию функционального потенциала одного из способов социализации носителей языка и культуры – «детских» анекдотов в немецкой языковой культуре. Эти типы текста характеризуются очевидной культурной спецификой, объективируемой не столько через среду функционирования и реализацию соответствующих функций разнообразными средствами и способами, сколько через главных персонажей. В фокусе анализа – Фрицхен (Fritzchen), который в силу явной культурной специфики интерпретируется как культурный герой (в духе Гирта Хофстеде). Поэтому ситуации, в которых повествуется о действиях Фрицхена в официальном и неофициальном общении и о его реакциях на окружение и его действия, анализируются как способ сообщения коллективному субъекту социальных норм, как способ воспроизведения в культуре социальных эталонов «от противного», как средство поддержания культурной континуальности и культурной идентичности в синхронии и диахронии. По этой причине качества характера, приписываемые Фрицхену в «детских» анекдотах, осмысляются как компоненты коллективной идентичности коллективного субъекта, относящиеся к ядерной части прежде всего коллективной идентичности и единичных, и коллективных субъектов как носителей немецкой языковой культуры.

[1]Поскольку объем статьи в журнале относительно жестко регламентируется, предлагаемая статья публикуется в двух частях. Причиной является стремление редакции и автора публикации сделать ход рассуждения прозрачным для читателя, а аргументацию соответствующих положений ясной и максимально полно доступной для анализа. Следствием такого решения является повтор аннотации из первой части, наличие ссылок на цитируемую литературу в соответствии с ходом рассуждения и единство нумерации примеров в обеих частях. Примеры снабжаются нумерацией, учитывающей часть (первую или вторую) и общую нумерацию в системе доказательства.

Объяснительная сила предлагаемых аналитических процедур. Доступ к сведениям, не объективируемым, как правило, в коммуникации, является очевидным вызовом для исследователей из разных областей гуманитарного знания. Поэтому поиск способов доступа к подобным сведениям не может не быть интересным и значимым. В таком контексте макротекстовый анализ позволяет прослеживать корреляции между когнитивными, номинативными и коммуникативными стратегиями через изучение принципов текстосемантической, текстосинтаксической, интенциональной и функциональной организации текста определенного типа. Текст осмысляется при этом как способ фиксации средствами культурных кодов образцов решения конкретной коммуникативной и когнитивной задачи.

Убеждение в адекватности «детских» анекдотов, в которых речь идет о действиях культурного героя в тех или иных условиях, в качестве эмпирического материала основывается на том, что анекдоты – короткие прозаические тексты, емко повествующие о некотором событии. Их основная цель – раскрыть характер персонажа. Следовательно, имеет место активизация и соактивация сведений из различных ментальных структур. Это в первую очередь сведения о прототипах ментальных категорий, паттернах взаимодействия, содержание прямых и переносных автостереотипов сознания.

Для изучения техник организации текста обсуждаемого типа как целостности, причем целостности функциональной, интенциональной, содержательной, формально-структурной, важно отметить довольно причудливое сочетание разных техник организации текстовой ткани: нарративной, аргументативной, экспликативной, аксиологической – при очевидной доминации наррации (см. примеры (1) 4, (2) 10, (2) 11. (2) 13, (2) 14, (2) 20, (2) 21, (2) 19, (2) 20 и др.). Это не может вызывать удивления, поскольку анекдот исследователи текста признают малой эпической формой.

Распознать соответствующие техники организации текстовой ткани можно по общеизвестным в теории текста приемам: употребление временных форм и иных средств выражения темпоральности; использование лексических, словообразовательных, морфологических, синтаксических или даже формально-структурных средств выражения каузальности (как в узком, так и в широком смысле) и/или консекутивности, кондициональности либо концессивности и финальности; обращение к разноуровневым единицам аксиологической семантики и мн. др. (см. данные о разнородных и разноуровневых маркерах отдельных типов текста и форматов дискурса, например, в [Duden-Grammatik, 1998, *833–858*; Götze, Hess-Lüttich, 2002, *544–563*]). В этом смысле показательны примеры (2) 11, (2) 12, (2) 14, (2) 15, (2) 19, (2) 21, (2) 22, в которых каузальные (в широком смысле) связи между действиями субъекта и наступившими и/или наступающими последствиями

в большинстве случаев имплицируются и реципиент должен прибегать к инференции соответствующих сведений, чтобы адекватно интерпретировать содержание, сообщаемое в тексте «детского» анекдота.

В контексте упоминания наиболее значимых текстотипологических характеристик не лишним является и такой текстоорганизующий прием, как конструирование симулякров[2], поскольку на общем фоне невероятный в реальности способ взаимодействия будет восприниматься реципиентом «детского» анекдота как потенциально возможный. Причина заключается в том, что речь идет о социализации субъекта, который имеет очевидный незначительный социальный опыт и у которого культурная идентичность – как личностная, так и коллективная – только складывается (ср. примеры (1) 7, (1) 5, (1) 3, (1) 8, (1) 9, (2) 10 и др.).

Существенным обстоятельством при этом является также то, что «детские» анекдоты, как, впрочем, и анекдоты иных видов, погружены в аксиологический контекст и апеллируют напрямую и опосредованно к ценностным ориентациям, актуальным в конкретном хронотопе в конкретной языковой культуре. Важно подчеркнуть, что исследователи распределяют ценности на внешние (социально обусловленные) и внутренние (персонально обусловленные). В специальной литературе речь идет, в частности, о следующих ценностях: индивидуальных (персональных), микрогрупповых (в семье, между близкими друзьями), макрогрупповых (социальных, статусных и т.д.), этнических и общечеловеческих [Карасик, 2002; Козачинина, 2021; http://philologos.narod.ru/ling/karasik.htm]. Однако во всех случаях знания о мире погружены непосредственно и/или опосредованно в аксиологический контекст, то есть имеют тесные, нередко причинно обусловленные, разнородные связи с той или иной ценностной ориентацией (см. обоснование, например, в [Гришаева, 2022, *99–145, 293–318, особенно 305–308*]). В анализируемых текстах апелляция к ценностным ориентациям, актуальным и значимым для культуры, не может отсутствовать по определению, поскольку любое взаимодействие носителей культуры осуществляется в аксиологическом контексте, хотя степень очевидности данного обстоятельства для «наивных» коммуникантов, естественно, различна. Поэтому апелляция к той или иной ценностной ориентации может быть как непосредственной, прямой, так и опосредованной, косвенной, а также от противного (см. примеры выше и ниже).

Нередко автор показывает качества предмета и/или ситуации, высоко ценимые в культуре, «от обратного», через противоположные по отношению к обсуждаемым качества, явления или образы. Однако во всех случаях имеет место стимуляция причинно-следственных отношений между соблюдением или несоблюдением социальных норм и позитивными / негативными для субъекта последствиями. Например:

[2]Это вполне согласуется с интерпретацией симулякров в специальной литературе; ср., например, характеристику названного явления в [Griem 2001; Köster 2000; и др.].

ПРИМЕР (2) 10: *Der Lehrer schimpft: «Ich hoffe, dass ich dich nicht noch einmal beim Abschreiben erwische, Fritzchen!» Fritzchen: «Das hoffe ich auch...»*

В ряде случаев имеет место соположение двух разных способов формулирования выводов со стороны персонажа – как корректных, так и некорректных. Например:

ПРИМЕР (2) 11: *Lehrer: «Fritzchen, was ist das für ein Schmetterling?» «Ein Zitronenfalter, Herr Lehrer!» «Aber Fritzchen der hier ist grün und nicht gelb!» «Vielle ich tister noch nicht reif, Herr Lehrer!»*

Очевидный для носителей культуры комический эффект основывается на разнообразных отступлениях от общеизвестных социальных норм и тех или иных противоречиях здравому смыслу. Контраст между ожидаемым и неожиданным становится одним из основных источников смешного. Возможны и многочисленные вариации, в которых слушатель или читатель сам достраивает воспринимаемый сюжет и дополняет его элементом, позволяющим создать разнообразными приемами и средствами комический эффект и добиться адекватной реакции на порождаемый текст со стороны партнера по интеракции[3].

Это происходит потому, что содержательным стержнем порождаемого текста становится знание социальных эталонов, то есть способов взаимодействия, ориентирующихся на те или иные коммуникативные условия. При восприятии и интерпретации воспринимаемого текста носители языка и культуры опираются на стереотипы сознания[4], владение которыми помогает коммуникантам без труда осмыслить разнородные сведения, объективируемые языковыми средствами, а также соактивируемые в коммуникации. Подобный эффект возможен уже только по причине того, что стереотипы сознания являют собой образцы обработки, категоризации и концептуализации воспринимаемых субъектом сведений и относятся, вне всякого сомнения, к знанию, разделяемому всеми носителями культуры.

При этом необходимо понимать, что из-за формально-структурной диалогичности анекдотов в макросинтаксическом отношении требуется последовательно разграничивать две коммуникативные ситуации, которые фиксирует текст анекдота: ситуацию взаимодействия между персонажами анекдота и ситуацию наррации между носителями языка и культуры. В свое время А.З. Вулис предложил в данной связи различать адресанта 1 и адресата 1, с одной стороны, и адресанта 2 и адресата 2 – с другой, то есть, во-

[3]По мнению А.Н. Лука, можно выделить ряд приемов создания комического: доведение до абсурда, остроумие нелепости, ложное противопоставление, ложное усиление, смешение стилей или «совмещение планов», намек или точно наведенная цепь ассоциаций, ирония или скрытая «насмешка», метафора, сравнение, повторение, двойное истолкование – каламбур, парадокс [Лук, 1977]. (Ср. также рассуждения в [Бергсон, 1992; Вулис, 1976; Махлин, 1987; Миловская, 2019; Пушкарева, 1996; Шилихина, 2013; Шмелева, Шмелев, 2002 и мн. др.].)

[4]См. о значимости стереотипов сознания в межличностной коммуникации, например, в [Wintermantel, 1994; Гришаева, 2022, *230–261*; Козлова, 2021, *34–92*].

первых, реальных рассказчика и реципиента текста и, во-вторых, действующих в анекдоте персонажей, имеющих в текстовом пространстве коммуникативные роли «адресант» и «адресат» [Вулис, 1976, *120*].

Отмеченное обстоятельство чрезвычайно важно с макротекстовых позиций, поскольку подавляющее большинство анекдотов эксплицитно-диалогичные, а многие из оставшихся – имплицитно-диалогические (см. примеры выше и ниже). Очевидно, что за счет этого в тексте конструируются два аксиологических контекста, которые могут либо поддерживать друг друга и тем самым или потенцировать, или снижать степень выраженности аксиологического фона, либо контрастировать друг с другом, создавая многочисленные вариативные эффекты, воздействующие на адресата 1, то есть на реципиента текста[5]. Поэтому персонажи могут реагировать на складывающееся положение дел одним образом, а реальные коммуниканты – принципиально иначе.

ПРИМЕР (2) 12: *Fragt die Tante beim Kaffeetisch: «Hilfst du auch immer schön deiner Mutter?» Sagt Fritzchen: «Natürlich, ich muss immer die Silberlöffel zählen, wenn du gegangen bist!»* (сарказм).

ПРИМЕР (2) 13: *Fritzchen erklärt seiner Deutschlehrerin: «Ich weiß jetzt, warum es Muttersprache heißt, Papa kommt Janie zu Wort»* (языковая игра).

ПРИМЕР (2) 14: *Mutter: «Du bist ein richtiges Ferkel, Fritzchen...» Mutter: «Du weißt doch, was ein Ferkel ist?» Fritzchen: «Klar, das Kind von einer Sau»* (метафора или персонификация).

ПРИМЕР (2) 15: *DerLehrer kommt in die Klasse und fragt: «Wer glaubt, dass er dumm ist, steht auf.» Nach einiger Zeit steht Fritzchen, der Klassenbeste, auf. Der Lehrer ist ganz verwundert und fragt, warum er aufgestanden ist. Da antwortet Fritzchen: «Ich konnte es nicht ertragen, Sie als einzigen stehen zu sehen»* (контраст, ирония) и др.

Анализируемые анекдоты дают многочисленные образцы реализации той или иной дискурсивной / коммуникативной стратегии, например стратегии переключения внимания коммуниканта[6].

ПРИМЕР (2) 16: *Fritzchen kommt nach Hause. Die Mutter fragt: «Was habt ihr heute in der Schule gemacht?» Fritzchen antwortet: «Feuerexperimente.» «Was macht ihr morgen in der Schule?» fragt die Mutter. Fritzchen: «Welche Schule?»*

---

[5]См. подробнее анализ конструирования аксиологического контекста и соответствующие последствия для структуры текста в [Гришаева, 2001, *169–170, 171–175*].

[6]См. сопоставительный анализ различных коммуникативных стратегий коммуникантов 1, то есть реально взаимодействующих в дискурсе, и соответствующих разноуровневых языковых средств в немецких и русских бытовых анекдотах в [Гришаева, 2001, *172–174*].

В результате анализа текстов можно охарактеризовать главного персонажа анализируемых анекдотов. Любопытно, что для активизации сведений о разных чертах характера преимущественно используются различные по своим лингвистически значимым параметрам средства. Прежде всего интересно, что первичные номинативные средства появляются тогда, когда требуется так или иначе назвать интеллектуальные качества.

ПРИМЕР (2) 17: *«Was habe ich denn heute eigentlich gelernt?» fragt Fritzchen die Lehrerin. Die Lehrerin: «Das ist aber eine dumme Frage.» Fritzchen: «Ja, das finde ich auch, aber zu Hause fragen sie mich auch immer so dumm.»*

Вторичные средства используются для обозначения черт характера, которые в культуре совсем не обязательно поощряются: хитрость, невоспитанность, бестактность (см. соответствующие примеры ниже) и др. Однако есть и такие черты характера, которые могут восприниматься амбивалентно, что зависит от многих разнородных параметров интеракции: находчивость, сообразительность, наивность (см. соответствующие примеры ниже).

ПРИМЕР (2) 18: *Fritzchen fragt seinen Lehrer: «Ist es gerecht, wenn ich für etwas bestraft werde, dass ich nicht gemacht habe?» Lehrer: «Natürlich nicht!» Fritzchen: «Gut. Ich habe meine Hausaufgaben nämlich nicht gemacht!»*

ПРИМЕР (2) 19: *Fritzchen muss zur Strafe 100 Mal «Ich darf meine Lehrerin nicht dozen» schreiben. Als er die Strafarbeit abgibt, staunt die Lehrerin: «Fritzchen, warum hast du es denn gleich 200 Mal geschrieben?» Fritzchen: «Weil du es bist, Frau Lehrerin.»*

ПРИМЕР (2) 20: *Lehrer: «Wörter, die mit 'un' anfangen, bedeuten immer etwas Schlechtes. Zum Beispiel Unglück, Unfall oder unangenehm. Wer kann mir noch ein Beispiel nennen?» Fritzchen: «Unterricht.»*

ПРИМЕР (2) 21: *Fritzchen ist krank und bekommt vom Doktor eine Medizin.Er fragt: «Herr Doktor, hat diese Medizin auch Nebenwirkungen?» Der Doktor: «Ja, du kannst schon morgen wieder in die Schule gehen!»*

ПРИМЕР (2) 22: *Fritzchen hilft dem Bauer beim Kühefüttern. Doch dann sieht der Bauer, wie Fritzchen Kakaopulver ins Futter streut. Er fragt: «Warum streust du den Kühen Kakaopulver ins Futter?!» Fritzchen: «Damit sie Schokomilch geben!»*

Осмысление коммуникативной ситуации как сочетания коммуникации «адресант 1 ⇔адресат 1» (взаимодействие носителей языка и культуры в реальной действительности) и коммуникации «адресант 2 ⇔ адресат 2» (взаимодействие персонажей анекдота) позволяет охарактеризовать доминанту «детских» анекдотов как полифункциональную: это функции «развлекательная», «обличительная», «воспитательная» (см. выше, а также подробнее аргументацию ЗА и ПРОТИВ предложенной интерпретации в [Гришаева, 2001, *169–170*]).

Эффективность реализации соответствующих функций, как становится очевидным из макротекстового комплексного многоаспектного анализа при холистическом подходе к изучению текста как продукта речемыслительной деятельности, основывается на активизации сведений, разделяемых всеми носителями языка и культуры. Такие сведения входят в ядерную часть ментальной структуры коллективной идентичности коллективного субъекта. Сказанное относится также к содержанию стереотипов сознания, которое – наряду со знанием прототипов определенных ментальных категорий, паттернов интеракций и ценностной картины мира – становится основанием для адекватной интерпретации реципиентом соответствующих текстов. Это, как представляется, не подпадает под жесткое и однозначное влияние такого параметра, как тип коммуникативной стратегии, реализуемой адресантом 1. Думается, данное обстоятельство обусловлено мощностью функционального потенциала «детского» анекдота и значимостью сведений о характеристиках, приписываемых в языковой культуре тому или иному культурному герою.

* * *

Комплексный многоаспектный макротекстовый анализ типа текста «“детский” анекдот» позволяет обосновать богатство и значимость функционального потенциала последнего, реализуемого в дискурсивном континууме в немецкоязычном культурном пространстве.

Главной функциональной доминантой анализируемого типа текста является его предназначение служить первичной социализации подрастающего поколения в определенное культурное пространство, а также поддерживать и воспроизводить коллективную идентичность коллективного субъекта.

Названное свойство данного типа текста базируется, с одной стороны, на активизации разнородных сведений о мире из различных ментальных структур, прежде всего прототипов ментальных категорий, паттернов взаимодействия тех интеракций, которые наиболее востребованы в конкретных коммуникативных условиях, а также соответствующих нейтральных и оценочных стереотипов сознания. Благодаря этому активизируются сведения, разделяемые всеми носителями языка и культуры, а также чаще всего используемые в культуре средства и способы вербализации соответствующих сведений. С другой стороны, тем самым формируются, поддерживаются и активизируются связи ценностных ориентаций, актуальных и значимых в конкретном культурном пространстве, с тем или иным способом взаимодействия между интерактантами.

Этому способствует то обстоятельство, что одним из ведущих персонажей анекдотов обсуждаемого типа является культурный герой – Фрицхен, ставший персонификацией коллективного субъекта «ребенок», об инкультурации которого и повествует соответствующий тип текста, своего рода символом подрастающего поколения.

Анализ «детских» анекдотов, содержательно строящихся на повествовании о курьезных ситуациях при инкультурации и формировании культурной идентичности у культурного героя-ребенка, позволяет выявить набор качеств, которые в конкретном культурном пространстве поощряются и/или порицаются у коллективного субъекта в определенных коммуникативных условиях. Тем самым правомерно признать подобный способ получения сведений, как правило, недоступных для непосредственного наблюдения с помощью привычных лингвистических процедур, довольно продуктивным и эффективным.

Ситуации, в которых действует в официальном и неофициальном общении Фрицхен, а также его реакции на социальное окружение и его действия осмысляются как один из многочисленных способов сообщения коллективному субъекту социальных норм как таковых и содержания социальных эталонов взаимодействия носителей культуры. Такой принцип организации социокультурно значимых сообщений интерпретируется в качестве одного из эффективных и эффектных способов воспроизведения в культуре социальных эталонов «от противного». Поэтому он описывается как средство поддержания культурной континуальности и культурной идентичности в синхронии и диахронии.

Сказанное служит основанием для трактовки положительных и отрицательных качеств характера, приписываемых Фрицхену в «детских» анекдотах, как неотъемлемых компонентов коллективной идентичности коллективного субъекта. Данные части ментальной структуры «идентичность субъекта» образуют ядерную часть прежде всего коллективной идентичности и единичных, и коллективных субъектов как носителей немецкой языковой культуры.

ЛИТЕРАТУРА

Анисимова Е.Е. Религиозный дискурс: функциональный и антропологический аспекты. М.: ФГБОУ ВО МГЛУ, 2019. 122 с.

Бергсон А. Смех. М.: Искусство, 1992. 127 с.

Вулис А.З. Метаморфозы комического. М.: Искусство, 1976. 126 с.

Гришаева Л.И. Анекдот как способ фиксации социальных норм и морально-этических ценностей социума // Эссе о социальной власти языка. Воронеж: ВГУ, 2001. С. 169–179.

Гришаева Л.И. Варьирование текста в коммуникации. Воронеж: Наука-Юнипресс, 2020. 291 с.

Гришаева Л.И. Закономерное и случайное при варьировании текстов с прецедентными феноменами // Русская германистика. Ежегодник Российского союза германистов. Т. 18: Литература, идентичность и история в немецкоязычном пространстве. М.: Флинта, 2021. С. 339–366.

Гришаева Л.И. Диалоги о межкультурной коммуникации. Воронеж: Наука-Юнипресс, 2022. 677 с. accessed on January 20, 2023

Девкин В.Д. Язык и юмор: монография / под общ. ред. И.П. Амзараковой. Абакан: Хакасское книжное издательство, 2015. 208 с.

Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.

Козачина А.В. Реализация дискурсивной практики легитимации ценностей в педагогическом дискурсе (на примере стратегии апелляции к авторитету): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Красноярск, 2021. 25 с.

Козлова Л.А. Сопоставительная прагматика: речевые акты в этнокультурном ракурсе. Барнаул: АлтГПУ, 2021. 176 с.

Лук А.Н. Юмор, остроумие, творчество. М.: Искусство, 1977. 184 с.

Махлин М.Л. Карнавализация // Литературный энциклопедический словарь / под ред. В.М. Кожевникова, П.А. Николаева. 1987. URL: http://niv.ru/doc/encyclopedia/literature/index.htm (дата обращения: 23.01.2019).

Миловская Н.Д. Семантика комического. Языковой бытовой анекдот (на материале немецкого языка). Иваново: Иван. гос. ун-т, 2008. 137 с.

Миловская Н.Д. Anekdote и Witz. К проблеме трансформаций // Вестник Ивановского государственного университета. 2019. № 1. С. 35–40.

Пушкарева О.В. Пародирование как способ сюжетно-композиционной организации анекдота // Филологические науки. 1996. № 2. С. 35–42.

Тарасенкова Ю.В. Анекдот как способ отражения мира // Испания и Россия: диалог культур в свете современной цивилизационной парадигмы: международная научно-практическая интернет-конференция. Красноярск, 2011. URL: http://conf.sfu-kras.ru/spru/participant/1115.

Тарасенкова Ю.В. Современный испанский анекдот «chiste» в жанровом аспекте // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2014. № 3. С. 109–111.

Трошина Н.Н. Смешение текстовых моделей как прием в рекламном дискурсе // Русская германистика. Ежегодник российского Союза германистов. Т. 5. М.: Языки славянской культуры, 2009. С. 334–339.

Шилихина К.М. Ирония в академическом дискурсе // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2013. № 1. С. 115–118.

Шмелева Е.Я., Шмелев А.Д. Русский анекдот: Текст и речевой жанр. М.: Языки славянской культуры, 2002. 143 с.

Bierwirth S. Humor // Metzler Lexikon. Kultur der Gegenwart. Themen und Theorien, Formen und Institutionen seit 1945. Stuttgert – Weimar: Verlag J.B. Metzler, 2000. S. 210–211.

Duden. Die Grammatik der deutschen Gegenwartssprache. Mannheim – Leipzig – Wien – Zürich: Dudenverlag, 1998. 912 S.

Götze L. Hess-Lüttich, Ernest W.T. Grammatik der deutschen Spache. Sprachsystem und Sprachgebrauch. Gütersloh / München: Wissen Media Verlag, 2002. 702 S.

Griem J. Simulakrum // Metzler Lexikon. Literatur- und Kulturtheorie / Hrsg. von Ansgar Nünning. Stuttgart, Weimar: Verlag J.B. Metzler, 2001. S. 585–586.

Grischaewa L.I. Homo ludens, Fake News und Text, oder warum ändern sich die Textgestaltungsprinzipien? // Русская германистика. Ежегодник Российского союза германистов. Т. 17: Типология текстов и дискурсивные практики в немецкоязычном культурном пространстве. М.: ФЛИНТА, 2020. С. 24–47.

Grischaewa L.I. Konstruktion vom Simularkrum, ludophile Texte, soziale Kritik und Präzedenzphänomene als sekundäres nominatives Ausdrucksmittel // Русская германистика. Ежегодник Российского союза германистов. Т. 19. Нижний Новгород: Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, 2022. С. 120–144.

Hofstede G. Lokales Denken, globales Handeln. Interkulturelle Zusammenarbeit und globales Management. München: Deutscher Taschenbuch-Verlag, 2006. 555 S.

Köster W. Simulation // Metzler Lexikon Kultur der Gegenwart / Hrsg. von Ralf Schnell. Stuttgart, Weimar: J.B. Metzler, 2000. S. 471–472.

Wintermantel M. Stereotype und Vorurteile aus sozialpsychologischer Sicht // Vorurteile zwischen Deutschen und Polen / Hrsg. von Fr. Grucza in Zusammenarbeit mit T. Namowicz, W. Heinemann, G. Antos. Warschau, 1994. S. 81–91.

https://de-academic.com/dic.nsf/dewiki/1521388 (дата обращения:11.03.2022).

https://www.familie.de/schulkind/bilderstrecke/fritzchen-witze-ueber-diese-witze-lachten-schon-wir-als-kinder/ (дата обращения: 25.03.2022).

https://www.leben-und-erziehen.de/kind/spielen/fritzchen-witze-991732.html (дата обращения: 21.04.2022).

https://cyberleninka.ru/article/n/zhanrovye-osobennosti-nemetskih-anekdotov/viewer (дата обращения: 01.06.2022).

https://uofa.ru/chto-takoe-komicheskii-priem-priemy-sozdaniya-komicheskogo/ (дата обращения: 17.06.2022).

https://www.studienkreis.de/deutsch/anekdote-merkmale-beispiele/ (дата обращения: 23.06.2022).

http://philologos.narod.ru/ling/karasik.htm (дата обращения: 25.06.2022).

https://www.wissen.de/wer-ist-eigentlich-fritzchen (дата обращения: 02.07.2022).

https://moluch.ru/archive/52/6970/ (дата обращения: 03.07.2022).

https://bigenc.ru/linguistics/text/2138518 (дата обращения:03.07.2022).

L.I. Grishaeva
PdD in Philology, Doctor, Professor,
German Philology Department,
Voronezh State University
Voronezh, Russia

«Children's» Jokes as a Means and a Way to Maintain the Collective Identity of NativeLanguage Speakers within a Culture

The article is devoted to the description of the functional potential of one of the ways of socialization of native language speakers within a culture, namely «children's» jokes in the German culture. These types of text are characterized by obvious cultural specifics, objectified not so much through the environment of functioning and the implementation of the corresponding functions by various means and methods, but through their main characters. The focus of the analysis is on Fritzchen, who, due to his obvious cultural specificity, is interpreted as a cultural hero (in Geert Hofstede's terms). Therefore, the situations in which Fritzchen's actions are narrated in official and unofficial communication and his reactions to the environment and his actions are analyzed as a way of communicating social norms to a collective subject, as a way of reproducing social standards in a culture which functions «on the contrary», as a means of maintaining cultural continuity and cultural identity in synchrony and diachrony. For this reason, the character qualities attributed to Fritzchen in the "children's" jokes are interpreted as components of the collective identity of a collective subject, relating to the nuclear part of the collective identity of both individual and collective subjects who speak the German language and exist within the German culture.

Key words: *the subject of cognition and communication; personal and collective identity of the subject; «children's» jokes as a type of text; ways and means of maintaining and reproducing cultural identity*.

REFERENCES

Anisimova E.E. Religious discourse: functional and anthropological aspects [Religiosnyi diskurs: funkcionalnyii antropologičeskij aspekty]. Moscow: MGLU, 2019.122 S.](InRussian).

BergsonA. Laughter [Smekh]. Moscow: Iskusstvo, 1992. 127 p. (In Russian).

Bierwirth S. Humor // Metzler Lexikon. Kultur der Gegenwart. Themen und Theorien, Formen und Institutionen seit 1945 [Metzler lexicon. Culture of the present. Topics and theories, forms and institutions since 1945]. Stuttgert – Weimar: Verlag J.B. Metzler, 2000. S. 210–211 (In German).

Devkin V.D. Language and humour [Jazyk i jumor]/ Ed. by I.P. Amzarakova. Abakan: Hakasskoje knizhnoje isdatel'stvo, 2015. 208 s. (In Russian).

Duden. Die Grammatik der deutschen Gegenwartssprache [Duden. The grammar of contemporary German]. Mannheim – Leipzig – Wien – Zürich: Dudenverlag, 1998. 912 S. (In German).

Götze L. Hess-Lüttich, Ernest W.T. Grammatik der deutschen Sprache. Sprachsystem und Sprachgebrauch [Grammar of the German language. Language system and language use]. Gütersloh / München: Wissen Media Verlag, 2002. 702 S. (In German).

Griem J. Simulakrum [Simulacrum]. *Metzler Lexikon. Literatur- und Kulturtheorie.* Hrsg. von Ansgar Nünning. Stuttgart, Weimar: Verlag J.B. Metzler, 2001. S. 585–586 (In German).

Grishaeva L.I. Canned joke as a way of capturing social norms, moral and ethical values of society [Anekdot kak sposob fiksacii social'nyh norm I moral'no-etičeskih cennostej sociuma]. *Essays on the social power of language*. Voronezh: VGU, 2001, p. 169–179 (In Russian).

Grischaewa L.I. Homo ludens, Fake News und Text, oder warum ändern sich die Textgestaltungsprinzipien? [Homo ludens, fake news and text, or why the text design principles change] *Yearbook of the Russian Union of Scholars of Germanic Languages.* Vol. 17: Typology of texts and discursive practices in the German-speaking cultural space. Moskow: FLINTA, 2020, p. 24–47 (In Russian).

Grishaeva L.I. Text variation in communication [Varirovanije teksta v kommunikacii]. Voronezh: NAUKA-YUNIPRESS, 2020 (In Russian).

Grischaewa L.I. Natural and accidental when varying texts with precedent phenomena [[Sakonomernoje I slučainoje pri variirovanii tekstov s precedentnymi fenomenami]. *Russian Germanistics: Yearbook of the Russian Union of Scholars of Germanic Languages.* Vol. 18: Literature, identity and history in the German-speaking space. Moskow: Flinta, 2021, p. 339–366 (In Russian).

Grischaewa L.I. Konstruktion vom Simularkrum, ludophile Texte, soziale Kritik und Präzedenzphänomene als sekundäres nominatives Ausdrucksmittel [Construction of simulacrum, ludophilic texts, social criticism and precedent phenomena as a secondary nominative means of expression]. *Yearbook of the Russian Union of Scholars of Germanic Languages.* Vol. 19. Nishni Novgorod: Nishegorodskij gosudarstvennyi universitet im. N.A. Dobroljubova, 2022, p. 120–144 (In German).

Grishaeva L.I. Dialogues on intercultural communication [Dialogi o mezhkulturnoj kommunikacii]. Voronezh: NAUKA-JUNIPRESS, 2022. 677 p. (In Russian).

Hofstede G. Lokales Denken, globales Handeln. Interkulturelle Zusammenarbeit und globales Management [Think locally, act globally. Intercultural collaboration and global management]. München: Deutscher Taschenbuch-Verlag, 2006. 555 S. (In German).

KarasikV.I. Language circle: personality, concepts, discourse [Jasukovoj krug: ličnost', koncepty, diskurs]. Volgograd: Peremena, 2002. 477 p. (In Russian).

Kosačinina A.V. Implementation of the discursive practice of legitimation of values in pedagogical discourse (by the example of the strategy of appeal to authority) [Relisacija diskursovnoj praktiki legitimacii cennostej v pedagogičeskom diskurse (na primere strategii apellacii k avtoritetu)]. Dissertation abstract. Krasnojarsk, 2021. 25 p. (In Russian).

Koslova L.A. Comparative pragmatics: speech acts in an ethnocultural perspective [Sopostavitel'naja pragmatika: rečevyje akty v etnokulturnom rakurse]. Barnaul: AltGPU, 2021. 176 p. (In Russian).

Köster W. Simulation. *Metzler Lexikon Kultur der Gegenwart*. Hrsg. von Ralf Schnell. Stuttgart, Weimar: J.B. Metzler, 2000. S. 471–472.

Luk A.N. Humour, wit, creativity [Jumor, ostroumije, tvorčestvo]. Moskow: Iskusstvo, 1977. 184 p. (In Russian).

Mahlin M.L. Carnivalization [Karnavalizacija]. *Literary encyclopedic dictionary*. Ed. by V.M. Kozhevnikov, P.A. Nikolaev, 1987. Available at^ http://niv.ru/doc/encyclopedia/literature/index.htm (accessed on January 23, 2019) (In Russian).

Milovskaja N.D. Semantics of the comic. A linguistic household joke (based on the data of the German language) [Semantika komičeskogo. Jasykovoi bytovoj anekdot (na material nemeckogo jasyka). Ivanovo: Ivanpvskij gosudarstevennyj universitet, 2008. 137 p. (In Russian).

Milovskaja N.D. Canned joke and Witz.To the problem of transformations [Anekdote I Witz. K probleme transformacij]. *Bulletin of the Ivanovo State University.* Ivanovo, 2019, pp. 35–40 (In Russian).

Pushkarjova O.V. Parody as a way of organizing the plot and composition of a canned joke [Parodirovanije kak sposob sjuzhetno-koposicionnoj organisacii anekdota]. *Philological sciences*, 1996, no. 2, pp. 35–42 (In Russian).

Shmeljova E.Ja, Shmeljov A.D. Russian cabbed joke: Text and speech genre [Russkij anekdot: Tekst I rečevoj zhanr]. Moskow: Jazyki slavjanskoj kultury, 2002. 143 p. (In Russian).

Šilihina X.M. Irony in academic discourse [Ironija v akademičeskom diskurse]. *Bulletin of the Voronezh State University*. Series: Linguistics and Intercultural Communication, 2013, no. 1, pp. 115–118 (In Russian).

Tarasenkova Ju.V. Canned joke as a way of reflecting the world [Anekdot kak sposob otrazhenija mira]. *International scientific and practical Internet conference «Spain and Russia: Dialogue of cultures in the light of the modern civilizational paradigm»*, Krasnoyarsk, 2011 (In Russian).

Tarasenkova Ju.V. The modern Spanish canned joke «chiste» in the aspect of genre [Sovremennyj uspanskij anekdot «chiste» v zhanrovom aspekte]. *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia*. Series: Linguistics. Moscow, 2014, pp. 109–111 (In Russian).

Trošina N.N. Mixing of text models as a technique in advertising discourse [Smešenije tekstovyh modelei kak prijem v reklamnom diskurse]. *Russian Germanistics: Yearbook of the Russian Union of Scholars of Germanic Languages.* Vol. 5. Moscow: Jazyki slavjanskoi kultury, 2009, pp. 334–339 (InRussian).

Vulis A.Z. Metamorphoses of the comic [Metamorfosy komičeskogo]. Moskow: Iskusstvo, 1976. 126 p. (In Russian).

Wintermantel M. Stereotype und Vorurteile aus sozialpsychologischer Sicht [Stereotypes and prejudices from a social psychological perspective]. *Vorurteile zwischen Deutschen und Polen*. Hrsg. von Fr. Grucza in Zusammenarbeit mit T. Namowicz, W. Heinemann, G. Antos. Warschau, 1994. S. 81–91 (In German).

Е.А. Антюхова, Ю.А. Караулова

Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации Москва, Россия

УДК 323.23+81'42:316+808.51+811.111

DOI 10.35785/2072-9464-2023-63-3-76-88

РЕЧЕВЫЕ СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ ОТРИЦАТЕЛЬНОЙ ОЦЕНКИ, ИСПОЛЬЗУЕМЫЕ ДЛЯ СОЗДАНИЯ НЕГАТИВНОГО ИМИДЖА ДЖ. БАЙДЕНА В ОППОЗИЦИОННОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ США

Ключевые слова: *отрицательная оценка; оппозиционный политический дискурс; субъект оценки; объект оценки; отрицательный имидж; стратегии и тактики оппозиционного политического дискурса.*

Статья посвящена исследованию речевых способов выражения отрицательной оценки, используемых для создания негативного имиджа Дж. Байдена в оппозиционном политическом дискурсе США. Дается определение оценки и оценочного акта, определяется его структура. Описываются основные признаки и особенности оппозиционного политического дискурса. Анализируются оценочные структуры отрицательно-оценочного типа, применяемые ведущими оппозиционными журналистами США М. Келли и Т. Карлсоном. В ходе анализа было установлено, что отрицательная оценка в оппозиционном политическом дискурсе выражается с помощью разноуровневых языковых средств, которые либо точно эксплицируются в языке, либо обусловлены контекстуально, то есть передаются главным образом коннотативно. С помощью этих средств реализуется одна из основных стратегий оппозиционного политического дискурса – стратегия на понижение, то есть создание антиимиджа политического деятеля. К речевым тактикам, обеспечивающим успешность реализации данной стратегии, относят тактику отрицательного анализа, обвинения, обличения, дискредитации, издевки и др. К эксплицитным средствам создания отрицательной оценки можно отнести использование экспрессивно-окрашенной лексики с выраженной семой отрицательной оценки, усилительных дискурсивных элементов (экспрессивов), морфем, лексем и синтаксических структур с отрицательной семантикой, различных инвективных речевых средств. К имплицитным средствам, где отрицательная оценка генерируется под воздействием контекста, были отнесены использование экспрессивного синтаксиса (вопросительных и восклицательных предложений, кратких предложений, предложений, построенных по

принципу антитезы), использование метафор, в том числе развернутых, иронии и сарказма, лексических единиц, подвергшихся пейоратизации в определенном контексте, деперсонификация (обратное олицетворение). Совокупность этих речевых средств способствует усилению иллокутивного и перлокутивного эффектов и приводит к созданию антиимиджа того или иного политического деятеля, что является одной из главных целей оппозиционного политического дискурса.

Несмотря на то, что ряд исследователей весьма скептически относится к способности философской категории оценки предоставить материал для собственно лингвистического исследования (поскольку она не имеет анализируемых, специфических средств выражения) [Воркачев, 2022], в лингвистике оценочность принято считать одним из семантических свойств языкового явления. При этом выраженная языковыми средствами оценка представляет собой отношение субъекта оценочного акта к его объекту [Вольф, 1987, *35–37*]. Помимо субъекта и объекта, семантическая структура оценочного акта также включает в себя «характер оценки (положительной или отрицательной), ее основание (аргументацию, оценочный предикат) и определенные языковые структуры, организованные в дискурс» [Зайцева, 2006, *8*].

Отрицательная оценочность является стилеобразующим фактором оппозиционного политического дискурса (далее – ОПД), который рассматривается как «совокупность текстов аналитического жанра, содержащих информацию протестного характера, актуальную для конкретного периода» [Рябцева, 2009, *9*].

Объектом оценки в ОПД выступают, с одной стороны, политическая ситуация в целом, а с другой – непосредственные участники / каузаторы политической ситуации [Зайцева, 2006, *8*]. Принимая во внимание отличительные особенности ОПД, состоящие в его повышенной агональности, критичности и разоблачительности [Рябцева, 2008], можно уточнить, что основной целью выражения отрицательной оценки в ОПД является создание отрицательного имиджа, или антиимиджа, того или иного политического деятеля.

С точки зрения Г.Г. Почепцова, под имиджем понимается «образ политического деятеля, призванный осуществить воздействие на людей» [Почепцов, 2000, *27*], что определяет главную задачу имиджмейкинга, состоящую в формировании и внушении реципиентам имиджа субъекта политической активности с выдвижением на первый план не его реальных качеств, которые могут быть оценены объективно, а так называемых социально привлекательных качеств, отвечающих ожиданиям реципиентов [Шестопал, 2002]. Таким образом, акт негативной оценки в ОПД нацелен на создание у адресата отрицательно-оценочных коннотаций и на понижение политического имиджа того или иного политического деятеля, то есть создание его антиимиджа.

В данной статье в качестве объекта исследования были выбраны речевые способы выражения отрицательной оценки, используемые для создания негативного имиджа действующего 46-го президента США Джозефа Робинетта Байдена-младшего в оппозиционном политическом дискурсе США.

Субъектами оценки в ОПД являются оппозиционные политики и журналисты, чьи цели состоят в анализе, аргументированном опровержении точек зрения оппонентов, доказательстве и восстановлении истины с позиции адресанта [Рябцева, 2009, *9*].

Для настоящего исследования были отобраны скрипты из политических программ таких влиятельных политических обозревателей, как Мегин Келли[1] и Такер Карлсон[2]. Выбор журналистов в качестве субъектов и акторов ОПД обусловлен сближением политического и медиадискурсов, вследствие чего «сфера действия политического дискурса охватывает не только некую объективную реальность, но и формируемую с помощью СМИ медиареальность» [Хлопотунов, 2022, *25*].

Ныне независимая тележурналистка Мегин Мари Келли-Бран, «ястреб американской журналистики», задающая неудобные вопросы ведущим политикам и экономистам, включенная в сотню самых влиятельных персон Америки, взявшая три интервью у президента Российской Федерации В.В. Путина, покинувшая канал Fox News, на котором она сделала блестящую карьеру после скандала, связанного с сексуальными домогательствами, перешедшая на канал-конкурент NBC News, откуда ее уволили за высказывания о том, что она считает вполне нормальным, если чернокожий человек нанесет белый грим на Хэллоуин, а белый наденет черную маску, которые руководство канала сочло расистскими, сейчас ведет свой подкаст The Megyn Kelly Show, где она часто выступает с критикой действующего президента США – Джо Байдена.

Такер Карлсон, ведущий правый обозреватель США и главный критик Дж. Байдена, как и его коллега по цеху, тоже стал жертвой громкого увольнения за свои оппозиционные взгляды, после чего рейтинги канала Fox News, где его авторская программа Tucker Carlson Tonight набирала миллионы просмотров, рухнули.

---

[1]Мегин Мари Келли-Брант (англ. Megyn Marie Kelly-Brunt) – американская телеведущая и политический обозреватель. Работала на телеканале Fox News с 2003 по 2016 год, автор аналитической программы The Megyn Kelly Show («Шоу Мегин Келли»), с 2017 по 2018 год – на канале NBC News. С 2018 года – независимый тележурналист. В 2014 году была включена в список 100 самых влиятельных людей мира, составленный журналом Time.

[2]Такер Суонсон Макнир Карлсон (англ. Tucker Swanson McNear Carlson) – американский консервативный политический обозреватель, комментатор, телеведущий, журналист, писатель. Вел политическое ток-шоу на телеканале Fox News Tucker Carlson Tonight («Вечер с Такером Карлсоном») с 2016 по 2023 год. С апреля 2023 года – независимый тележурналист.

Анализируя оценочные структуры отрицательно-оценочного типа, применяемые М. Келли и Т. Карлсоном, мы не ставили своей задачей выявлять черты феминности и маскулинности, присущие их дискурсам, сосредоточившись главным образом на анализе речевых способов выражения отрицательной оценки, используемых для создания негативного имиджа Дж. Байдена в оппозиционном политическом и медиадискурсе США. К анализу привлечены скрипты авторских аналитических программ Мегин Келли *The Megyn Kelly Show* и Такера Карлсона *Tucker Carlson Tonight* с 2020 по 2023 год, а также их посты в социальной сети Twitter.

В ходе анализа было установлено, что отрицательная оценка в сопоставляемых дискурсах выражается с помощью разноуровневых языковых средств, которые либо точно эксплицируются в языке, либо обусловлены контекстуально, то есть передаются главным образом коннотативно. С помощью этих средств реализуется одна из основных стратегий ОПД – стратегия на понижение [Михалева, 2009], то есть создание антиимиджа политического деятеля. К речевым тактикам, обеспечивающим успешность реализации данной стратегии, относят тактику отрицательного анализа, обвинения, обличения, дискредитации, издевки и другие [Хлопотунов, 2022].

Тактика «анализ-минус» / тактика отрицательного анализа используется для создания негативной оценки деятельности или поведения политика.

М. Келли и Т. Карлсон, анализируя деятельность Дж. Байдена на посту президента США, для создания антиимиджа политика обращаются к таким, на их взгляд, его политическим решениям со знаком «минус», как неправомерные ограничения в период пандемии Ковид-19, введение обязательной вакцинации, сокрытие фактов о причинах возникновения пандемии, необоснованные расходы на финансирование вооруженного конфликта на Украине при наличии большого количества проблем внутри страны, требующих средств для незамедлительного решения, стремление Байдена к подавлению свобод граждан.

Megyn Kelly (далее – MK): *We see Joe Biden do things like the eviction moratorium, which he knew was* ***unlawful****. And the same with the mandate on the vaccines, he knew it was going to get struck down but he did it anyway*.

Иллокутивный эффект оценочного акта усиливается благодаря использованию экспрессивно-окрашенной лексики с выраженной семой отрицательной оценки (*unlawful*), а также благодаря использованию грамматико-синтаксических способов выражения отрицания – антитезы (*he knew it was going to get struck down but he did it anyway*). В результате в сознании адресата ОПД складывается образ политика, понимающего, что его действия незаконны или наносят вред стране, но он все равно их предпринимает, руководствуясь личными соображениями.

Tucker Carlson (далее – TC): *What could Americans have gotten for that if it had been spent on the home front instead? What if the government put America*

first instead of America last? The fact is, the Biden administration has spent American money, and mortgaged the American future, on an arguably kleptocratic government in Kyiv and abysmally misdirected priorities at home – not to mention arming the Taliban, the Islamic terrorist group of Afghanistan, when Biden left more than $80 billion in equipment after the disgraceful U.S. retreat from Kabul.

Т. Карслон, говоря о неправильности расстановки Дж. Байденом приоритетов, также прибегает к использованию экспрессивно-окрашенной лексики с выраженной семой отрицательной оценки (*kleptocratic government in Kyiv, misdirected priorities, disgraceful U.S. retreat*). Здесь же необходимо отметить, что, поскольку негативная реакция традиционно рассматривается в лингвистике через категорию отрицания как намного более информативную [Арнольд, 1990], данная категория довольно часто используется в процессе реализации отрицательной оценки в ОПД.

В речевом акте отрицательной оценки, приведенном выше, данная категория эксплицируется в языке на морфемном (в дискурсе Т. Такера используются отрицательные префиксы *mis-, dis-*) и на лексическом уровне (отрицательная частица *not*). Также к числу эксплицитных способов выражения отрицательной оценки относится использование усилительных дискурсивных элементов (*arguably, abysmally*). К имплицитным средствам выражения отрицательной оценки в анализируемом речевом акте можно отнести использование экспрессивного синтаксиса (два вопросительных предложения подряд), контекстных метафор (*mortgaged the American future*), антитезы (*What if the government put America first instead of America last?*).

ТС: *Russia is a very comfortable topic for Joe Biden. He enjoys talking about it much more than talking about, say, inflation, or crime, or fentanyl deaths or about how half the population of Haiti appears to be showing up in Florida in leaky boats.*

Those subjects may interest you since you live in this country, but not Joe Biden, despite appearances, Biden doesn't actually live here. In his head, Joe Biden is floating high above the Sea of Azoff, swooping in over south-eastern Ukraine like a Botox superhero just to make sure everything's OK with his little buddies, the Ukrainians. Joe Biden is a protector that way.

Данный речевой акт негативной оценки также демонстрирует оторванность президента от проблем внутри страны, огромное количество которых интенсифицируется благодаря использованию полисиндетона (трехкратного повтора союза *or*), лексико-грамматических средств выражения категории отрицания (*not, despite, doesn't live*), комплексного развернутого противопоставления, возникающего между реальной ситуацией с ее многочисленными проблемами и вымышленным миром (*in his head*), в котором ботоксный супергерой (*Botox superhero*) Байден летит над Азовским морем

и помогает своим «дружкам» (*little buddies*) из Украины в ущерб собственным гражданам. Лексему *buddies* можно отнести к лексике со сниженной стилистической пометой, подвергшейся пейоратизации в данном контексте.

ТС: *The Russians are warlike people. It's inherent. Russians are driven by bloodlust. They have tiny brains. Their breath smells like herring. They're always drunk, often on aftershave or household cleaning products. On Sunday mornings, when good people are still asleep at home with their families, your average Russian will still be lurking through the dark streets, leering through bloodshot eyes, trying to subvert somebody else's democracy or conquer a peace-loving neighbor. That's just who Russians are. It's what they do*.

В анализируемом речевом акте негативная оценка создается имплицитно, благодаря сочетанию экспрессивного синтаксиса (кратких предложений) и гиперболического нагромождения абсурдных фактов о России – главном враге Байдена и его администрации. В результате создается имидж политика, строящего свою политическую программу на основе фарса и абсурда.

ТС: *'These people seek absolute sameness, total uniformity. You're happy with your corner coffee shop? 'They want to make you drink Starbucks every day from now until forever, no matter how it tastes. That's the future.'*

Who are you talking to? This is a free people, a free country. How dare you tell us who we can spend the Fourth of July with?

В дискурсе Т. Карлсона антитеза (противопоставление) является частотным средством выражения отрицательной оценки, однако в данных примерах она носит интертекстуальный характер, то есть действия администрации президента, состоящие в ограничении свободы праздновать День независимости так, как граждане того пожелают, пить кофе в тех кофейнях, где они этого пожелают, идут вразрез с правами и свободами граждан свободной Америки, заложенными в Конституции, воспеваемыми многими общественными деятелями и правозащитниками, но попираемыми теми, кто должен в первую очередь стоять на страже этих прав и свобод. Перлокутивным эффектом такого речевого акта отрицательной оценки становится справедливое возмущение реципиента действиями лица или группы лиц, ограничивающих свободу граждан.

Обвинение. Тележурналисты Мегин Келли и Такер Карлсон выдвигают прямые обвинения в адрес президента в связи с его неспособностью прямо и честно обратиться к гражданам и объявить о своем желании баллотироваться на второй срок (МК: *The fact that this is on tape, and he didn't have the ability to stand in front of a camera live and see these comments, nevermind actual people, and make his own re-announcement*), его участием в коррупционных схемах разного рода (ТС: *The Russians are too immoral for Joe Biden. That's saying a lot coming from a former credit card lobbyist who helped run America's most corrupt state*), с его пособничеством незаконным действиям своего сына Хантера Байдена (ТС: *«It's brought attention to the lucrative jobs that Hunter Biden was able to get because he had an important father,» / «In*

America today, there's nothing illegal about paying de facto bribes by handing fake jobs to the unqualified family members of powerful people,» he said on the Jan. 13, 2020, show. «And since it is perfectly legal, naturally, Hunter Biden isn't the only one shamelessly cashing in on his family name – hardly.»)

В приведенных речевых актах способами выражения отрицательной оценки выступают лексико-грамматические средства выражения категории отрицания (*didn't have the ability, never mind actual people, nothing illegal* (двойное отрицание усиливает перлокутивный эффект), *unqualified, immoral*), лексемы с выраженной семой отрицательной оценки (*immoral, corrupt, bribes, fake, unqualified, shamelessly*), лексемы, отрицательно-оценочные значения которых контекстуально обусловлены (*powerful people, lucrative jobs an important father)*, метафоры (*cashing in on his family name*).

Обличение. Перлокутивный эффект, создаваемый субъектами ОПД в ходе применения тактики обличения, состоит в создании у адресата четкого убеждения, что политик и его окружение обманывают граждан относительно пандемии, относительно наличия главного врага в лице России, участия Байдена и его семьи в коррупционных схемах, того, что реально происходит на Украине. И если в дискурсе Мегин Келли преобладают средства прямого наименования и обличительной оценки (*These F…kers **lied** to us about COVID. They **covered up the truth** about when and how the COVID pandemic started. And this president **misleads us at every turn** – and the media **misleads us at every turn**. Maybe, we'll find out whether Joe and Hunter actually did some sort of **fraud** or other in appropriate dealings in their oversees excursions*), Такер Карлсон, наряду с прямыми средствами обличения (*No one in American politics or media will tell them the truth*), прибегает к усиливающей прагматическое воздействие развернутой метафоре (*Since the first hours after the invasion, Americans have been fed a steady diet of increasingly absurd lies about Ukraine. Google and Facebook have joined with the Biden administration to censor any factual information that contradicts the official storyline. It's dystopian*).

Оскорбление, насмешка и издевка. Тактика оскорбления отличается от тактик обвинения и обличения тем, что в процессе ее реализации экспрессивный компонент преобладает над рациональным [Хлопотунов, 2022]. Ввиду повышенной агональности ОПД данная тактика, применяемая для создания антиимиджа политика, является наиболее частотной. При этом необходимо отметить увеличение случаев использования инвективы в процессе реализации данной тактики в ОПД. Указанный факт является свидетельством расширения прагматического функционала инвективных средств, которые используются для интенсификации отрицательной оценки, создания комического эффекта, усиления иллокутивного и перлокутивного эффектов и, как следствие, являются более действенными способами создания антиимиджа политика.

К основным способам нанесения оскорблений и издевок относятся следующие.

1. Унижение интеллектуальных способностей политика.

Предполагаемый диагноз Дж. Байдена – деменция – стал объектом насмешек оппозиционных журналистов во многих странах мира.

В дискурсах М. Келли можно найти следующие примеры оскорбления умственных способностей президента.

МК: *At the end of the speech Sleepy Joe looked literally lost.*

Одной из разновидностей инвективных языковых средств является придумывание ярких прозвищ, навешивание красочных ярлыков, которые впоследствии с удовольствием перенимают зрители политических шоу. «Спящий Джо» является одним из таких удачных ярлыков.

He can't talk to anybody. I literally think he might be at the point where he cannot. It's not will any longer. He cannot and we're really approaching a crisis point here.

Второй пример показателен с точки зрения применяемых здесь стилистических приемов. Повтор модальных глаголов с отрицательным значением создает образ немощного политика, который не способен управлять государством.

Т. Карлсон также высмеивает умственные способности Дж. Байдена, прямо говорит о том, что тот теряет мыслительные навыки (*he seems to be losing his train of thought right now*), называет его слабоумным (*senile*), остолопом (*moron*), говорит о его слепой, враждебной здравому смыслу самонадеянности (*Hubris is a species of mental illness. These people are unwell. They're crazy and there's nothing more dangerous than that*). Помимо прямых оскорблений, Т. Карлсон также использует сравнительные обороты – «смотрит вдаль пустым взглядом, как пациент, прошедший лоботомию» (*staring blankly into them idle of the distance like a lobotomy patient*), высмеивает поведенческие проявления заболевания политика – нюхать чьи-то волосы (*sniffing anybody's hair*), использовать пошаговые инструкции, написанные его помощниками, для выполнения простейших действий (*These are the kind of instructions you would give to achild. The card contains a series of step-by-step instructions for Joe Biden as if he literally had no idea where he was*), быть не в состоянии концентрироваться долго на чем-то: даже на своей любимой теме, России, он может концентрироваться целую вечность, что в его случае означает четыре минуты (*Joe Biden can talk about Russia forever, meaning in his case for up to four minutes at a time, which at this stage is Joe Biden's version of a filibuster*).

Т. Карлсон часто прибегает к сарказму при реализации тактики оскорбления и издевки. Особенно удачны примеры сарказма, построенные на развернутой метафоре и интерстекстуальных аллюзиях.

But he's also, at the same time, a scholar and a teacher, not a credentialed educator like the doctor he's married to. But Biden can still lecture with the best

of them. If you signed up for his «Intro to Russia is Bad» class this semester, you will not be disappointed. Professor Biden knows that material cold. So what have we learned so far? Well, first and foremost, Russia is bad. That's the name of the course. It's the entire syllabus, actually. It may be the only fact you will come away with after months of heavy coursework. Russia is bad. Learn that and you will ace the exam.

Речевой акт, приведенный выше, можно с уверенностью назвать примером блестящего владения журналистом тактиками и приемами создания антиимиджа политика с использованием сарказма, аллюзий и развернутых метафор. Автор представляет политика профессором, ненастоящим доктором, как и его жена (жена его тоже ненастоящий доктор, она доктор педагогических наук, но, когда однажды журналист по ошибке назвал ее доктором медицины, она стала настаивать, чтобы ее продолжали так называть, что вызвало шквал критики), ведущим свой собственный университетский курс «Введение в ужасность России». Курс этот состоит из одного постулата: «Россия плоха», ответ на экзамене «Россия плоха» гарантирует отличную отметку по данному курсу. Такая развернутая саркастическая метафора ярко и доходчиво доносит до адресата весь абсурд курса Байдена.

Тактика оскорбления умственных способностей президента реализуется также посредством сопоставления Байдена с его главным соперником – президентом Российской Федерации.

Doddering old Joe Biden, who even before he was senile, was widely considered a moron in Washington, has been played by Vladimir Putin, who may be evil but definitely is not stupid.

В примере, приведенном ниже, журналист использует метафору игры и спортивных состязаний (*Joe Biden has been played by Vladimir Putin – Путин играет в Байдена, как в игру*), результатом чего также является создание антиимиджа американского лидера.

2. Высмеивание физических характеристик.

Под прицел критики оппозиционных журналистов чаще всего попадают такие недостатки Байдена, как его преклонный возраст (*Joe Biden is old. Really, really old. Possibly too old to govern a nation of 335 million people*), дряхлость (*frail / lumbering, desiccated husk – шатающаяся сыплющаяся шелуха / doddering old Joe Biden – дряхлый старый Байден*) и немощность (*We have seen him wandering aimlessly, meandering, while his handlers in a panic try to figure out where to direct him. It's embarrassing*), общая физическая неспособность управлять огромной страной, особенно на фоне нынешних угроз (*It's hard not to conclude that the American commander-in-chief's grip on reality is slipping. How does this man coordinate the free world's response to the biggest invasion since World War II?*).

МК: *Russians like Putin because he's been their strong man and he stood up for Mother Russia and he fought for the country which was meandering and*

kind of looked like Biden, aimlessly walking without much direction and then in came Putin to save it.

Пример речетворчества М. Келли, приведенный выше, интересен с той точки зрения, что шатающийся Байден сравнивается с шатающейся Россией до того, как ее взял под свое крыло сильный лидер – Владимир Путин. Напомним, что Т. Карлсон также сравнивал Байдена с игрой, в которую играет Путин, что позволяет нам сделать вывод о том, что деперсонификация (обратное олицетворение) является частотным приемом, используемым в ОПД для создания антиимиджа политика.

3. Отрицание успешности.

Отрицать успешность политика можно, прибегая либо к прямому наименованию: «Байден неуспешен», «Байдена все списали со счетов», как это делает М. Келли (*There is no strong confidence in Joe Biden overhere*), либо к метафорическим наименованиям, выполняющим пейоративную функцию, как часто поступает Т. Карлсон: «Байден – это всего лишь голограмма, которая никому не угрожает» (*'non-threatening hologram'*), «Байден – это пар» (*'a vapor'*), или же рисуя образные сравнения, построенные на исторических аллюзиях – политические поражения Байдена сопоставляются с углями стыда и власяницей, носимой после таких громких исторических поражений, как поражение гитлеровской армии под Сталинградом, военные поражения в битве за Коррехидор и при Галлиполи (*This is a man with three failed presidential campaigns on his resume, but this year has been different. We don't mean to overstate it, but you can pick your humiliating ashes and sackcloth world-historic defeat, Stalingrad, Corregidor, Gallipoli and that is pretty much where Joe Biden is right now politically*).

Можно по-разному принимать поражения – работать над ошибками, чтобы в дальнейшем победить, или же трусливо спастись бегством. По мнению Т. Карлсона, Байден с подачи своих советников выбирает второй вариант – *Biden isn't fleeing Washington because he's upset about political defeats, Biden is being dragged into isolation by advisors who are terrified he will get COVID. No, for nearly a year Joe Biden stayed home hiding in terror from infectious voters*.

4. Отсутствие самостоятельности в принятии политических решений.

***ТК**: Biden was a puppet of Left-wing politicians such as Bernie Sanders and Alexandria Ocasio-Cortez.*

The media hid Biden's faults, they attacked and censored his critics. In general, they gave no hint at all that you might be electing a senile mannequin with a lifelong history of sleazy behavior.

В данных примерах Т. Карлсон использует прием прямого наименования политика *марионеткой политиков левого толка* (*a puppet of Left-wing politicians)*, *слабоумным манекеном (senile mannequin)*, подчеркивая несамостоятельность решений, принимаемых президентом.

5. Сравнение с непопулярной персоной.

«It takes a lot of brass to brag about Afghanistan, or even mention the word,» Carlson urged, comparing Biden's botched withdrawal from the country to the Monica Lewinsky scandal for Bill Clinton. His withdrawal from that country almost a year ago was the single most humiliating moment in American foreign policy since the fall of Saigon in April 1975.

Вывод войск США из Афганистана в 2020–2021 годах Т. Карлсон считает позорным моментом в американской истории и уж точно не поводом для гордости Байдена. Для усиления негативной оценки журналист сравнивает эту ситуацию со скандальным уходом Моники Левински из Белого дома. Таким образом, сравнение осуществляется не по линии «человек – человек», а по линии «реакция на действия человека».

Проведенное исследование позволило установить, что арсенал средств выражения оценки в ОПД довольно велик и может находить или не находить языковую экспликацию. К эксплицитным средствам создания отрицательной оценки можно отнести использование экспрессивно-окрашенной лексики с выраженной семой отрицательной оценки, использование усилительных дискурсивных элементов (экспрессивов), использование морфем, лексем и синтаксических структур с отрицательной семантикой, использование различных инвективных речевых средств. К имплицитным средствам, где отрицательная оценка генерируется под воздействием контекста, были отнесены использование экспрессивного синтаксиса (вопросительных и восклицательных предложений, кратких предложений, предложений, построенных по принципу антитезы), метафор, в том числе развернутых, иронии и сарказма, лексических единиц, подвергшихся пейоратизации в определенном контексте ОПД, деперсонификация (обратное олицетворение).

Совокупность этих речевых средств способствует усилению иллокутивного и перлокутивного эффектов и приводит к созданию антиимиджа того или иного политического деятеля, что является одной из главных целей оппозиционного политического дискурса.

ЛИТЕРАТУРА

Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка (Стилистика декодирования). 3-е изд. М.: Просвещение, 1990. 300 с.

Вольф Е.М. Субъектная модальность и пропозиция // Пропозициональные предикаты в логическом и лингвистическом аспекте. М.: Наука, 1987. С. 35–37.

Воркачев С.Г. Концепт счастья в русском языковом сознании: опыт лингвокультурологического анализа. Краснодар: Техн. ун-т Кубан. гос. ун-та, 2002. 142 с.

Зайцева Е.Л. Выражение отрицательной оценки в политическом дискурсе: опыт сравнительно-сопоставительного исследования российских и французских печатных средств массовой информации: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Чебоксары, 2006. 24 с.

Михалева О.Л. Политический дискурс. Специфика манипулятивного воздействия. М.: Либроком, 2009. 256 с.

Рябцева И.Г. Общая характеристика речевых актов негативной реакции в оппозиционном политическом дискурсе // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2008. № 3. С. 135–138.

Рябцева И.Г. Оппозиционный политический дискурс в американских СМИ: коммуникативный и прагматический аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2009. 25 с.

Почепцов Г.Г. Психологические войны. М.: Рефл-бук, Киев: Ваклер, 2000. 528 с.

Хлопотунов Я.Ю. Конфронтационные коммуникативные стратегии в американском политическом дискурсе: дис. ... канд. филол. наук. М., 2022. 231 с.

Шестопал Е.Б. Политическая психология: учебник для вузов. М.: ИНФРА-М, 2002. 448 с.

E.A. Antyukhova
PhD in Political Science, Doctor, Associate Professor,
Chair of World Politics,
Moscow State Institute of International Relations (University) MFA
(MGIMO University)
Moscow, Russia

Y.A. Karaulova
PhD in Law, Associate Professor,
Chair of English No. 6,
Moscow State Institute of International Relations (University) MFA
(MGIMO University)
Moscow, Russia

Verbal Means Expressing a Negative Assessment Used to Create a Negative Image of J. Biden in the US Oppositional Political Discourse

The article is devoted to the study of verbal means expressing a negative assessment used to create a negative image of J. Biden in the US oppositional political discourse. The definition of assessment and assessment act is given, its structure is determined. The main signs and features of the oppositional political discourse are described. The evaluative structures of the negative assessment type used by the leading US opposition journalists M. Kelly and T. Carlson are analyzed. In the course of the analysis, it was found out that a negative assessment in the oppositional political discourse is expressed by multi-level linguistic means, which are either accurately explicated in the language or contextually conditioned, that is, they are rendered mainly connotatively. With the help of these means, one of the main strategies of the oppositional political discourse is implemented - the strategy of downgrading, that is, the creation of an anti-image of a political figure. The speech tactics that ensure the success of the implementation of this strategy include the tactics of negative analysis, accusations, denunciations, discrediting, mockery, and others. The explicit means creating a negative assessment include the use of expressive vocabulary with a pronounced seme of a negative assessment, the use of amplifying discursive elements (expressives), the use of morphemes, lexemes and syntactic structures with negative semantics, the use of various invective verbal means. Implicit means, where a negative assessment is generated under the influence of the context, include the use

of expressive syntax (interrogative and exclamatory sentences, short sentences, sentences built on the principle of antithesis), the use of metaphors, including extended ones, irony and sarcasm, lexical units subjected to pejoratization in a certain context, depersonification (reverse personification). The combination of these verbal means enhances the illocutionary and perlocutionary effects and leads to the creation of an anti-image of a political figure, which is one of the main goals of the oppositional political discourse.

Key words: *negative assessment; oppositional political discourse; subject of assessment; object of assessment; negative image; strategies and tactics of oppositional political discourse.*

REFERENCES

Arnold I.V. Modern English Stylistics: (Decoding Stylistics) [Stilistika sovremennogo anglijskogo jazyka: (Stilistika dekodirovanija)]. 3rd ed. Moscow: Enlightenment, 1990. 300 p. (in Russian).

Wolf E.M. Subject modality and proposition [Subjektnaja modal'nost' i propozicija]. Propositional predicates in logical and linguistic aspects. Moscow: Science, 1987, pp. 35–37 (in Russian).

Vorkachev S.G. The happiness concept in the Russian language consciousness: experience of linguistic and cultural analysis [Koncept schast'ja v russkom jazykovom soznanii: opyt lingvokul'turologicheskogo analiza]. Krasnodar: Kuban State Technological University, 2002. 142 p. (in Russian).

Zaitseva E.L. Expression of negative assessment in political discourse: experience of comparative research of Russian and French print media [Vyrazhenie otricatel'noj ocenki v politicheskom diskurse: opyt sravnitel'no-sopostavitel'nogo issledovanija rossijskih i francuzskih pechatnyh sredstv massovoj informacii]. Abstract of dissertation ... candidate of Philological Sciences. Cheboksary, 2006. 24 p. (in Russian).

Mikhaleva O.L. Political discourse. Specificity of manipulative action [Politicheskij diskurs. Specifika manipuljativnogo vozdejstvija]. Moscow: Librocom, 2009. 256 p. (in Russian).

Ryabtseva I.G. General characteristics of speech acts of negative reaction in opposition political discourse [Obshhaja harakteristika rechevyh aktov negativnoj reakcii v oppozicionnom politicheskom diskurse]. *Issues of Universities. Northern Caucasus region. Social sciences*. 2008, no. 3, pp. 135–138 (in Russian).

Ryabtseva I.G. Opposition political discourse in the American media: communicative and pragmatic aspects [Oppozicionnyj politicheskij diskurs v Amerikanskih SMI: kommunikativnyj i pragmaticheskij aspekty]. Abstract of dissertation ... candidate of Philological Sciences. Rostov-on-Don, 2009. 25 p. (in Russian).

Pocheptsov G.G. Psychological wars [Psihologicheskie vojny]. Moscow: Refl-book, Kiev: Vakler, 2000. 528 p. (in Russian).

Khlopotunov Y.Yu. Confrontational communicative strategies in American political discourse [Konfrontacionnye kommunikativnye strategii v amerikanskom politicheskom diskurse]. Dissertation ... candidate of Philological Sciences. Moscow, 2022. 231 p. (in Russian).

Shestopal E.B. Political psychology: Textbook for universities [Politicheskaja psihologija: Uchebnik dlja vuzov]. Moscow: INFRA-M, 2002. 448 p. (in Russian).

А.А. Стрельцов

Южный федеральный университет,
Ростов-на-Дону, Россия

УДК 81.111'255.2

DOI 10.35785/2072-9464-2023-63-3-89-103

АНОНИМНЫЕ ПИСЬМА-ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПЕРЕВОДОВ С АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ

Ключевые слова: *художественный перевод; вариантное соответствие; точный перевод; безымянное сообщение; переводческий анализ.*

Объектом изучения в статье является письмо, в котором не указано имя отправителя, представленное в тексте художественного произведения для развития сюжета, в том числе путем нагнетания напряжения. Указанная разновидность вставных текстов не получила какого-либо освещения в научной литературе, что определяет новизну исследования. Нами выявлены особенности анонимного письма, содержащего предупреждение, как самой часто встречающейся разновидности такого рода сообщений в русско- и англоязычной литературе. На материале восьми переводов на русский язык текста анонимного письма из романа М. Твена «Приключения Гекльберри Финна» рассматривается возможность точного перевода малоформатного текста, обладающего смысловой завершенностью, как единицы перевода. В ходе проведенного исследования удалось установить, что проанализированные переводы отличает вариативность на уровне лексем и словосочетаний и, частично, общность решений на уровне простых предложений, которая объясняется как особенностями структуры предложений и необходимостью соблюдения языковых и речевых норм, так и, отчасти, знакомством с работой предшественников.

Результаты исследования могут быть использованы в научно-исследовательской деятельности, связанной с изучением особенностей художественного перевода детективной и приключенческой литературы.

Письма, чаще всего личные, но иногда и деловые, нередко встречаются в произведениях художественной литературы. Более того, существует даже особый жанр – эпистолярный роман, или роман в письмах, особенности которого хорошо изучены литературоведами – по данному вопросу только на русском языке имеется обширная научная литература; последнее также справедливо в отношении перевода деловых писем. Значительно меньше работ посвящено особенностям личных писем, и практически отсутствуют публикации, в которых бы рассматривались анонимные письма не в историческом

[Черноглазов, 2017; Крашенинникова, 2020] или юрислингвистическом [Maureen Casey-Owens, 1984; Ширинкина, 2012; Злоказов и др., 2016] аспектах.

Само слово «анонимный» означает «безымянный», а применительно к тексту – не имеющий указания на автора, без подписи. На самом деле это не совсем верно – подпись часто присутствует, но не содержит достоверной информации: авторы анонимных обращений в органы власти, а под ними понимаются «обращения, в которых не указаны фамилия и адрес заявителя» [Ширинкина, 2012, *93*], могут использовать вымышленное или чужое имя, указывать свой социальный статус или роль и т.д., а, например, в письмах-предупреждениях называют себя «другом» или «доброжелателем».

К последним не относятся письма-напоминания (предупреждения), которые, хотя и являются информационными и содержат некоторое требование, имеют ряд отличий: 1) это разновидность деловой корреспонденции; 2) у них всегда наличествуют адресат и адресант; 3) последний напоминает первому о необходимости выполнить некие взятые на себя обязательства; 4) часто в них содержится настоятельная просьба подтвердить получение письма и/или дать на него ответ в определенный срок.

Анонимные письма часто упоминаются в художественной литературе, в том числе отечественной: романы Л.Н. Толстого «Война и мир» (письма Пьеру Безухову о неверности его жены), А.Ф. Писемского «В водовороте» (письмо князю Григорову об отношениях его жены и Маклакова), Д.Н. Мамина-Сибиряка «Хлеб» (письмо доктору Кочетову об отношениях его жены и Мышникова), Ф.М. Достоевского «Бесы» (письмо к Лембке) и «Идиот» (письма, по его собственному признанию, написанные Лебедевым), повесть А.И. Куприна «Поединок» (письма Николаеву о том, что любовником его жены является офицер Ромашов) и рассказ «Мирное житие», рассказы А.П. Чехова «Бабье царство» и «Жена». Чаще всего в них сообщается мужу о неверности жены или содержится жалоба на чье-либо бедственное положение. При этом обычно отсутствует полный текст анонимного письма, хотя среди вышеупомянутых писем имеют место исключения: письмо к Лембке (обращение «Ваше превосходительство») от «раскаявшегося вольнодумца Incognito», донос от «Здравомыслящего» на некоторых учителей в рассказе «Мирное житие» и сообщение «доброжелателя» о «прискорбных фактах» в рассказе «Жена» (обращение «Милостивый государь, Павел Андреевич!»).

Данный вид писем встречается и в детективной литературе, в частности в произведениях А. Кристи: в романе «Убийство по алфавиту» («The ABC Murder») анонимные письма, подписанные A.B.C., являются сюжетообразующим элементом повествования, тогда как в романе «Убийство викария» («The Murder at the Vicarage») короткое послание не связано напрямую с трагедией и выражает, скорее, обеспокоенность члена приходской общины семейными делами адресанта.

Следует отметить, что в обоих произведениях А. Кристи авторы анонимных писем стараются придерживаться этикета в переписке и обращаются к адресатам Dear Mr. Poirot / Mr. Hercule Poirot в первом романе и Dear vicar – во втором.

Также следует упомянуть письмо из рассказа O'Henry «The ransom of the Red Chief». Оно содержит обращение: Ebenezer Dorset, Esq., подписано «Two desperate men» и является не предупреждением, а угрозой – преступление уже совершено, и в тексте оговариваются условия получения выкупа и последствия отказа.

Таким образом, объектом нашего исследования являются анонимные письма в произведениях художественной литературы, а предметом – особенности перевода писем-предупреждений с английского языка на русский. Отсутствие научных публикаций по указанному вопросу определяет новизну настоящего исследования.

Материалом являются два послания от «неизвестного друга»: краткое предупреждение, состоящее из трех нераспространенных предложений, и анонимное письмо длиной около тысячи знаков из романа «Приключения Гекльберри Финна» американского писателя Марка Твена [Twain, 1884] и восемь вариантов их перевода на русский язык: В.Л. Ранцова [Твен, 1911], М.А. Энгельгардта [Твен, 1884], А.З. Муравьевой [Твен, 2017], Р. Брауде [Твен, 1949], Н.Л. Дарузес [Твен, 1950], С.Б. Ильина [Твен, 2011], В.Г. Тан-Богораза [Твен, 2021] и М. Тарловского [Твен, 2019], а основным методом – их сопоставительный анализ.

Цель исследования состоит в выявлении использованных переводчиками разных лет переводческих трансформаций для установления возможности точной и адекватной передачи указанных фрагментов романа с английского языка на русский.

Первое предложение в записке-предупреждении состоит из одного слова: *Beware*, которое М. Энгельгардт, Р. Брауде, Н. Дарузес и С. Ильин перевели как *Берегитесь*, а В. Ранцов, К. Чуковский и А. Муравьева как *Остерегайтесь*, – оба примера являются вариантными соответствиями. Второе предложение ближе всего к тексту оригинала, хотя и не дословно, передала А. Муравьева: *Беда скоро нагрянет.* Этот вариант лучше, чем предложенный В. Ранцовым и Р. Брауде: непонятно, к чему или кем *готовится беда*, – оба переводчика слишком буквально передали сказуемое *is brewing*. Переводы Н. Дарузес и С. Ильина близки: *Вам грозит беда* и *Вас ждет беда*, а у М. Энгельгардта появляются *злоумышленники*, которые *не дремлют*, – этот вариант является вольным переводом, как и вариант М. Тарловского: *Вам грозит ужасная опасность*, представляющий собой результат объединения и смыслового развития первых двух предложений. В заключительном предложении автор, как указывают А. Муравьева и Н. Дарузес, предупреждает: *Будьте настороже*, М. Тарловский: *Будьте*

начеку, а С. Ильин – *Будьте бдительны*; только В. Ранцов, М. Энгельгардт и Р. Брауде обратили внимание на то, что *Keep a sharp look out* является идиомой, и передали ее как *Держите ухо востро!* и *Глядите в оба!* соответственно; в первом случае переводчик использовал фразеологический аналог, а во втором – относительный эквивалент. Переводы В. Тан-Богораза и под редакцией К. Чуковского совпадают с переводом В. Ранцова, за исключением пунктуации: у последнего каждое предложение заканчивается восклицательным знаком, который отсутствует как в оригинале, так и в других переводах. В целом же ни один из проанализированных переводов записки нельзя признать лучшим или худшим. Ниже, поскольку перевод под редакцией К. Чуковского дословно совпадает с более ранним переводом В. Ранцова, мы будем упоминать только фамилию последнего.

Текст письма состоит из нескольких распространенных и сложных предложений, которые для удобства анализа будут разделены нами на простые.

1. Первую часть первого предложения *Don't betray me* все переводчики передали одинаково – *Не выдавайте меня*, а вторую *I wish to be your friend* точно передали только Р. Брауде и С. Ильин: *я хочу быть вашим другом,* тогда как А. Муравьева и Н. Дарузес прибегли к грамматической замене времени: *я ваш друг*, В. Ранцов воспользовался вариантным соответствием: *я ваш доброжелатель*, М. Энгельгардт сохранил модальность, но использовал смысловое развитие: *я хочу оказать вам услугу.* Перевод В. Тан-Богораза совпадает с переводом В. Ранцова, за исключением того, что первый применил членение предложения и заменил вариантное соответствие основным: *Я ваш друг*, а М. Тарловский переосмыслил начало письма: *Спешу сообщить*.

2. Первые три слова во фразе *There is a desperate gang of cut throats from over in the Ingean Territory* не подлежат переводу, оставшуюся часть фразы дословно передали В. Ранцов и Р. Брауде: *Отчаянная шайка головорезов с Индейской территории*, а М. Энгельгардт использовал пермутацию – *шайка отчаянных головорезов* и добавление *прибывшая.* А. Муравьева посчитала необходимым добавить слово *одна* и заменить *головорезов* на *разбойников*, а Н. Дарузес добавила слова *целая* и *самых*, возможно, чтобы компенсировать замену *головорезов* на более нейтральных *злодеев*, тогда как С. Ильин счел нужным прибегнуть к инверсии и ряду добавлений: *Сюда проникла с Индейской территории банда кровожадных головорезов.* Следует отметить, что использование им комплексной трансформации представляется вполне адекватным, но, с другой стороны, делает его вариант перевода наименее точным из всех.

Вторую часть предложения: *going to steal your runaway nigger tonight* – все перевели примерно одинаково: *собирается / намеревается выкрасть / украсть сегодня / нынче ночью вашего беглого негра*, лишь немного меняется порядок слов; только М. Энгельгардт сделал перестановку: *беглого вашего*, С. Ильин опустил слово *беглого*; А. Муравьева сочла нужным

сделать замену: *этой ночью освободить* – непонятно, зачем это нужно разбойникам (если только они не были аболиционистами или Джим – одним из них), зато именно это планировали Том и Гек. М. Тарловский прибег к перестановке и выборочному опущению: *этой ночью шайка разбойников готовится выкрасть беглого негра*. Перевод В. Тан-Богораза отличается от перевода В. Ранцова заменой слова *намеревается* на *собирается* и *сегодня ночью* на более разговорный вариант *в нынешнюю ночь* с перестановкой обстоятельства времени в конец предложения.

Данное предложение в оригинале является сложносочиненным, и все переводчики сочли необходимым осуществить членение предложения, но Н. Дарузес и С. Ильин ограничились точкой с запятой; соответственно, вместо союзной связи в переводах имеет место бессоюзная.

Также потребовалось прибегнуть к грамматической замене времени, поскольку в оригинале использовалось настоящее совершенное продолженное: *they have been trying to scare you*. В результате у В. Ранцова и С. Ильина получились близкие варианты: *Они-то и / это они старались запугать вас*, а Р. Брауде заменила глагол на *пытались*; похожий перевод у М. Энгельгардта: *Она пыталась уже вас застращать*, – помимо использования просторечного слова, потребовалось заменить местоимение, чтобы согласовать род и число со словом *шайка*, употребленным в предыдущем предложении. Перевод В.Г. Тан-Богораза отличается от перевода В. Ранцова заменой прошедшего времени настоящим: *Они стараются вас запугать*. Короче всех перевод Н. Дарузес: *они вас пугают* – опущено сказуемое и инфинитив поставлен в личную форму настоящего времени; А. Муравьева для передачи инфинитива прибегла к внутреннему членению: *чтобы вас напугать*, а первая часть фразы содержит столько замен и добавлений, что уместно говорить о ее вольном переводе: *с этой целью они придумывали всевозможные ужасы*.

Последняя часть предложения – придаточное предложение цели: *so as you will stay in the house and not bother them*. Переводы Р. Брауде, Н. Дарузес и С. Ильина в этом случае полностью совпадают: *чтобы вы сидели дома и не мешали им*, вариант В. Ранцова отличается тем, что был использовал антонимический перевод: *не выходили из дому*. Два других перевода существенно отличаются от почти дословных трех вариантов, рассмотренных нами выше, но, если М. Энгельгардт добавляет слова и словосочетания от себя в расчете на большую эмоциональность отрывка: *надеясь, что вы будете после этого сидеть дома и доставите ей возможность беспрепятственно выполнить мошенническое свое предприятие*, то А. Муравьева использует добавление и внутреннее членение, стремясь сделать мысль более понятной: *чтобы вас напугать и заставить не выходить из дома, чтобы не мешать им действовать*.

3. Начало следующего предложения *I am one of the gang* совпадает во всех трех дореволюционных переводах: *Я принадлежу к этой шайке*, а

Р. Брауде добавила наречие *тоже* – таким образом, в половине вариантов использована конкретизация и прономинализация – замена артикля на указательное местоимение; так же поступил С. Ильин: *Я сам состою в этой шайке*. В. Тан-Богораз и Н. Дарузес, наоборот, отказались от конкретизации глагола *to be* и прономинализации артикля и заменили числительное на наречие: *Я тоже из шайки*, а М. Тарловский применил замену: *Я сам из их компании.*

В придаточном предложении *but have got religion* требуется не только замена времени – передать настоящее совершенное глаголом совершенного вида, но и перевод разговорного словосочетания. Никто не использовал вариантные соответствия *приобщиться / обратиться к религии*, *стать религиозным*. Ближе всего к оригиналу были Р. Брауде и М. Тарловский: *я верующий* и *стал верующим человеком*. В варианте В. Ранцова: *я получил религиозное воспитание* добавление существительного потребовало частеречной замены – адъективации, но изменился смысл: если это не помешало автору письма вступить в шайку, что вынудило его предать товарищей? Советские переводчики Н. Дарузес и С. Ильин прибегли к смысловому развитию: *я уверовал в бога* и *недавно поверил в Бога*, тогда как М. Энгельгардт (*во мне заговорила совесть*), В. Тан-Богораз (*имею совесть*) и А. Муравьева (*совесть моя не позволяет мне совершить это позорное дело*), на первый взгляд, вольно и, можно сказать, «безбожно» подошли к передаче смысла этой фразы. Тот факт, что в двух дореволюционных переводах отсутствует какая-либо связь с верой и религией, не поддается простому объяснению: единственное, что можно допустить, хоть и безосновательно, – вслед за английским филологом С. Джонсоном они считали, что совесть – страх перед Богом.

Также следует отметить, что эти два переводчика прибегли к членению второй части предложения: *and wish to quit it and lead a honest life again, and will betray the hellish design.* Глагол *quit* можно передать одним из нескольких соответствий, но последующее местоимение *it,* заменяющее слово *gang – шайка*, позволило переводчикам воспользоваться конкретизацией по своему усмотрению: *хочу покинуть моих товарищей* (М. Энгельгардт), *хочу бросить разбой* (Н. Дарузес), *оставить разбойничью жизнь* (А. Муравьева), а М. Тарловский переосмыслил эту часть предложения: *после этого дела уйду на покой*. Только Р. Брауде и С. Ильин оставили местоимение, согласовав его в роде и форме, но заменили глагол: *хочу покинуть ее* и *решил порвать с ней*; В. Ранцов и В. Тан-Богораз опустили сочетание, оставив только модальный глагол: *желаю*, тогда как А. Муравьева не просто заменила его, но осуществила конверсию и добавление: *Мое искреннее желание*.

Следующую часть предложения также никто не захотел перевести дословно: *вести честную жизнь*, только Р. Брауде использовал вариативное соответствие *вернуться к честной жизни*; достаточно близки переводы М. Энгельгардта: *начать снова честную жизнь* – и С. Ильина*: вернуться к праведной жизни* – каждый сделал только одну лексическую замену; В. Тан-

Богораз использовал опущение и конверсию*: жить честно*, опущение и смысловое развитие сделала Н. Дарузес: *стать честным человеком*. Очень похожие варианты у А. Муравьевой и В. Ранцова (и В. Тан-Богораза): *обратиться на путь истины / истинный*. Больше всего совпадений в переводе последней части: *и потому / потому и открываю вам их адский замысел* у В. Ранцова и С. Ильина; *Вот почему я открываю вам / я вам выдаю их (адский) заговор*, тогда как А. Муравьева единственная опустила определение и неудачно употребила другое существительное – предложенная замена не является словарным соответствием (к тому же непонятно, в чем состоял «заговор» разбойников), а Н. Дарузес заменила глагол на *выдаю.* Почти все переводчики вместо будущего использовали форму настоящего времени, кроме Р. Брауде: *выдам их адский план*, а М. Энгельгардт попытался компенсировать эту грамматическую замену добавлением: *а потому сам решился выдать адский их замысел.* При этом никто не постарался учесть орфографические ошибки, которые в оригинале были допущены в этом и предыдущем предложениях.

4. В следующем сложносочиненном предложении все переводчики сохранили будущее время, но не всегда – количество и порядок слов: *They will sneak down from northards, along the fence, at midnight exact* наиболее точно перевели Р. Брауде и Н. Дарузес: *Они подкрадутся с севера, вдоль забора, ровно в полночь*; В. Тан-Богораз изменил порядок членов предложения: *полезут вдоль забора от северной стороны*, М. Энгельгардт использовал добавление: *проберутся потихоньку* и *перелезут через забор,* тогда как А. Муравьева – генерализацию и опущение: *Они придут с северной стороны*. Два других переводчика прибегли к инверсии, поставив на первое место обстоятельство времени: *ровно в полночь*; В. Ранцов и В. Тан-Богораз заменили местоимение на существительное *злодеи*, а С. Ильин добавил слово *сегодня* и, кроме того, поставил обстоятельство места почти в конец первого из двух простых предложений.

Дальше в тексте оригинала идет сопутствующее обстоятельство: *with a false key,* которое только В. Ранцов и В. Тан-Богораз передали почти дословно: *с подделанным ключом*, но использовали неправильное определение; само сложное слово Р. Брауде, Н. Дарузес и С. Ильин перевели калькой: *поддельный ключ*, А. Муравьева предложила допустимый вариант: *подобранный ключ*, и лишь М. Энгельгардт использовал однословное соответствие – *отмычка*. Тот факт, что почти все переводчики передали его разными способами, но при этом вариантными соответствиями, требует пояснения: подобранным считается ключ, использованный для отпирания замка, для которого он не был предназначен («ключ подошел»), – ключ из другого комплекта, тогда как поддельным будет являться ключ, изготовленный для отпирания определенного замка (как в преступных целях, так и для замены утраченного) и не относящийся изначально к какому-либо комплекту ключей. Отмычки существуют для отпирания замков определенного типа и чаще всего используются в преступных целях, но

также и рабочими-слесарями. Впрочем, для повествования этот момент не имеет особого значения.

Также важно, что в тексте оригинала не уточняется, что разбойники будут делать с этим ключом. Н. Дарузес просто указала, что он *у них есть*, тогда как А. Муравьева и М. Энгельгардт посчитали нужным применить добавление: *отопрут дверь* и *отопрут… замок* соответственно (выше в тексте романа упоминалось, что дверь запиралась на замок), а С. Ильин изменил структуру предложения: *откроют… хижину*, – для этого ему потребовалось «перенести» существительное из второго простого предложения в первое. Такой же перенос сделал М. Энгельгардт, только он еще преобразовал определение к перенесенному существительному *the nigger's cabin* в определительное придаточное предложение*: замок хижины, где содержится у вас беглый негр*; так же, но несколько иначе поступила Н. Дарузес: *ключ от того сарая, где сидит беглый негр* – она перенесла слово, присоединив его предложной связью, в первое простое предложение, преобразовала определение и опустила второе предложение. Здесь необходимо сделать отступление, указав, что этот член предложения, к которому относится определительное придаточное, – существительное *cabin* – переводится как *хижина*, но Н. Дарузес посчитала необходимым поместить беглого негра в *сарай*, а В. Ранцов – в *чулан*, что не только не является соответствием, но и противоречит тексту произведения, в котором указано, что Джима содержали в отдельном помещении, тогда как чулан – подсобное помещение в жилом доме.

Второе простое предложение очень короткое: *and go in the nigger's cabin to get him*, и никто из переводчиков не передал его дословно: *войдут… и заберут*, но лишь частично – *и войдут в чулан за негром* (В. Ранцов и В. Тан-Богораз), *и заберут негра* (С. Ильин), *и уведут этого негра* (М. Энгельгардт) – изменен и сам глагол, его грамматическая форма с инфинитива на личную, а также применена прономинализация – замена артикля на указательное местоимение; А. Муравьева и Р. Брауде передали инфинитив придаточным предложением цели, сохранив инфинитив, но заменив сам глагол: *войдут в хижину негра, чтобы увести его* и *чтобы освободить негра* соответственно – и преобразовав все предложение в сложноподчиненное. М. Тарловский вольно передал данное предложение: *Бандиты должны напасть на хибарку с негром*.

5. Следующее предложение уже в оригинале было разделено на три части посредством точек с запятыми (мы обозначим их как а), б) и в). – *А. С.*), но только С. Ильин сохранил авторскую пунктуацию, тогда как М. Энгельгардт выделил три, а все остальные – по два предложения.

а) В первой части сложное предложение состоит из двух простых с однородными сказуемыми и одного придаточного: *I am to be off a piece and blow a tin horn if I see any danger.* Основной переводческой трудностью в

первом является устойчивое словосочетание *be off a piece*, не имеющее словарного соответствия в русском языке, поэтому М. Энгельгардт и С. Ильин передали его как *держаться (немного) в сторон(к)е*, Р. Брауде – *стоять в стороне на страже*, а В. Ранцов и А. Муравьева – как *стоять настороже* и *стоять на часах* соответственно. Перевод В.Г. Тан-Богораза отличается от перевода В. Ранцова порядком слов. М. Тарловский посчитал допустимым передать его глаголом *прикрывать* – непонятно как, если для этого у автора письма был только духовой музыкальный инструмент.

Н. Дарузес предпочла опустить это словосочетание и отнести модальный эквивалент *to be to*, составляющий часть составного сказуемого, ко второму предложению; почти все перевели подлежащее и первую часть сказуемого как *Я должен*, и только М. Энгельгардт счел необходимым сделать замену: *Мне приказано.*

Основной переводческой трудностью во втором предложении является свободное словосочетание *tin horn*, которое перевели только трое, причем Р. Брауде ограничилась калькированием: *жестяной рожок*, С. Ильин перевел так же, но выполнил перестановку, тогда как М. Энгельгардт зачем-то сделал генерализацию: *жестяная труба* (полагал ли он неуместным наличие рожка у разбойников или же почему-то считал, что читателям незнакомо другое слово, уже невозможно установить), остальные опустили определение. Перевод глагола не представлял сложности, хотя и допускал вариантные соответствия, и в результате почти все переводы оказались очень близки: *за/про/трубить в рог / рожок / трубу*, и только у С. Ильина – *задудеть*. Переводы условного придаточного предложения близки у мужчин-переводчиков: *если / чуть замечу какую(-нибудь) опасность*, у Р. Брауде близкий вариант: *если обнаружу опасность*, тогда как А. Муравьева опустила глагол и заменила неопределенное местоимение: *при первой опасности*, у М. Тарловского близкий перевод – *в случае опасности*, а Н. Дарузес использовала смысловое развитие: *если им будет грозить опасность*; кроме того, эти трое и С. Ильин поменяли второе простое и придаточное предложения местами.

б) Вторая часть синтаксически тождественна рассмотренному выше. Она начинается с краткого предложения: *but stead of that – но вместо этого*; поскольку у М. Энгельгардта с него начинается отдельное предложение, союз опущен. Переводческую сложность представляет следующее сочетание звукоподражательного глагола и сравнения в функции обстоятельства образа действия: *I will BA like a sheep.* Почти все оставили аналитическую форму образования будущего времени: *я буду блеять*, но только В. Ранцов и В. Тан-Богораз сохранили при переводе звукоподражание, причем первый с дупликацией: *«бя-бя!»*, а второй использовал добавление: *подам вам сигнал по-бараньему: «бя!»*. М. Тарловский осуществил неоправданную замену: *заблею по-козлиному*. А. Муравьева дословно передала сравнение, Н. Дарузес поставила существительное в форму творительного падежа, а М. Энгельгардт, Р. Брауде и С. Ильин заменили на однокоренное наречие:

заблею / замемекаю по-овечьи / овцой, при этом использовав синтетическую форму образования будущего времени, таким образом, прибегнув к двум грамматическим заменам – частеречной и формы слова.

Последнюю часть этого предложения: *soon as they get in and not blow at all* А. Муравьева предпочла опустить, В. Тан-Богораз и Р. Брауде передали дословно: *как только они войдут*, а остальные использовали добавление к фразовому глаголу: *в хижину* (М. Энгельгардт и С. Ильин); В. Ранцов почему-то добавил слово *тюрьма* (строение, где находился Джим, можно было так назвать только в переносном смысле), а в переводе Н. Дарузес злоумышленники *заберутся в сарай.* В случае однородного сказуемого в отрицательной форме перевод В. Ранцова, Н. Дарузес и С. Ильина почти совпадает: *трубить / дудеть не стану (вовсе)*, В. Тан-Богораз и Р. Брауде изменили порядок слов: (*я*) (*вовсе*) *не стану трубить*, а перевод М. Тарловского отличается заменой глагола на *буду* и добавлением просторечного фразеологизма: *пропади они пропадом*, который, вероятно, должен подчеркнуть решимость автора письма сделать не так, как от него ожидают, тогда как М. Энгельгардт предпочел не упоминать тот же глагол и передал мысль описательно: *и не подам условленного сигнала*.

в) В первой части третьего предложения: *then whilst they are getting his chains loose* трудность представляет перевод сложного сказуемого, в частности использование настоящего продолженного времени, которое на русский язык почти всеми передано будущим временем, и словосочетания *get loose*, у которого нет нужного словарного соответствия, что обусловливает использование одного из двух вариантов контекстуальной замены: *снимать… цепи* (В. Ранцов, Р. Брауде, Н. Дарузес) и *расковывать* (М. Энгельгардт и С. Ильин). Перевод В. Тан-Богораза отличается от перевода В. Ранцова заменой будущего времени *покуда будут* настоящим. Кроме Н. Дарузес, все переводчики заменили притяжательное местоимение существительным *негр*, а М. Энгельгардт добавил слово *беглый*, что вместе со словосочетанием *расковывать цепь* свидетельствует о некоторой избыточности. В результате объединенный вариант перевода можно представить так: *Пок(уд)а они будут расковывать / снимать с него / (беглого) негра цепи*; А. Муравьева также опустила указанный фрагмент.

В переводе второй части *you slip there and lock them in – вы подкрадитесь и заприте* – также использовано добавление к фразовому глаголу: *в хижине* (М. Энгельгардт), *на замок* (Н. Дарузес), остальные добавили слово *дверь*; глагол *slip* все передали как *подкрадываться*, что является контекстуальным соответствием, Р. Брауде добавила глагол долженствования, а М. Тарловский преобразовал предложение с помощью чередования опущений и добавлений: *А Вы в тот же миг затворите их в хибарке вместе с негром*.

В третьей части в оригинале – модальное сказуемое *can kill,* которое А. Муравьева, В. Ранцов и Н. Дарузес перевели как *можете убить*, С. Ильин – *сможете… поубивать*, а остальные использовали вариантное соответствие *перебить*. Многие переводчики вынесли модальный глагол во

вторую часть предложения, в результате чего их объединенный вариант перевода можно представить так: *вы (с)можете… подкрасться (и) запереть…, и / а перебить / поубивать / убить (их) всех.* Словосочетание *at your leasure* С. Ильин передал словарным соответствием *когда у вас найдется свободное время*, прибегнув к внутреннему членению, В. Ранцов, В. Тан-Богораз, М. Тарловский и А. Муравьева также использовали этот прием перевода: *если вам угодно*, *если будет охота* и *если пожелаете*; Р. Брауде выбрала несколько своеобразный вариант: *на досуге* – трудно допустить мысль, что мирные обыватели проводят досуг, убивая людей. М. Энгельгардт и М. Тарловский сочли нужным использовать замену функциональным аналогом: *всех до единого / до последнего*, а Н. Дарузес прибегла к нейтрализации, компенсировав замену усилительным наречием *преспокойно*.

6. В следующем предложении можно выделить две части – призыв поступать строго определенным образом (*Don't do anything but just the way I am telling you*) и указание на возможные последствия ослушания. Это полностью соответствует характеру писем, содержащих угрозу: побудительное наклонение глаголов, обращение с использованием местоимений (в данном случае *you – вы*), описание требуемого поведения [Злоказов и др., *226*].

В первой части необходимо осуществить грамматическую замену настоящего продолженного времени, что не представляет трудности, а также оставить отрицательную форму, как сделал С. Ильин: *Ничего не предпринимайте*, или же прибегнуть к антонимическому переводу*: Делайте (все) точно / так / в точности, как я (вам) говорю / сказал*, как поступили А. Муравьева, В. Ранцов, В. Тан-Богораз, Р. Брауде и Н. Дарузес; последняя посчитала нужным добавить *и больше ничего*, чтобы сохранить присущую оригиналу избыточную убедительность. Способ, использованный С. Ильиным, вынудил его добавить глагол в основном, а не конкретизированном значении: *сделайте, как я говорю*. Вариант М. Энгельгардта немного отличается: *Поступайте именно так, как я вам указал* – вследствие использования переводчиком приема конкретизации, а также это единственный случай членения при передаче данного предложения.

Вторая часть состоит из условного придаточного *if you do* и сложносочиненного предложений. Условное предложение только С. Ильин передал близко к оригиналу: *потому что, если вы предпримете*, но и он использовал добавление составного союза и конкретизацию, тогда как В. Ранцов, Р. Брауде и В. Тан-Богораз использовали противительный союз *иначе*, Н. Дарузес – разговорный союз *а не то*, а М. Энгельгардт – *в противном случае*; все три союза являются синонимами.

Третья часть представляет собой сложносочиненное предложение: *they will suspicion something and raise whoopjamboreehoo.* Оно содержит две переводческие трудности: использование существительного в функции части сложного сказуемого и окказионализм. В первом случае переводчики

отнеслись к существительному *suspicion* так, как если бы вместо него в тексте стоял однокоренной глагол: *они (что-нибудь) заподозрят*, М. Энгельгардт изменил порядок слов, В. Тан-Богораз единственный использовал глагол *догадаться*, В. Ранцов и В. Тан-Богораз сделали смысловое развитие неопределенного местоимения: *что я их выдал*, что повлекло за собой необходимость внутреннего членения предложения. Буквальная передача авторского неологизма, особенно если само слово – набор букв, не подлежащий морфемному и семантическому членению, не представляется возможной, поэтому в данном случае адекватным способом передачи может быть только функциональная замена. Двое переводчиков постарались, насколько возможно, сохранить значение глагола: *поднимут целый тарарам* (Н. Дарузес), *и поднимут шум, гам и бедлам* (С. Ильин); М. Энгельгардт и Р. Брауде переосмыслили эту часть предложения: *тогда, как говорится, пиши пропало!* и *тогда вам не сдобровать*, тогда как В. Ранцов и В. Тан-Богораз нейтрализовали ее: *поднимут скандал* и *начнут бушевать*. А. Муравьева опустила данную часть предложения, а М. Тарловский – все предложение.

7. Заключительное предложение является сложноподчиненным с позиций конструктивного синтаксиса и пафосным высказыванием – с позиций коммуникативного.

Главное предложение *I do not wish any reward* с сохранением порядка слов перевела только А. Муравьева: *Я не требую награды*. Она единственная осуществила членение предложения, а кроме того, опустила местоимение и заменила глагол; переводы В. Ранцова и В. Тан-Богораза отличаются только использованием инверсии. Тот же прием, но с сохранением местоимения и значения глагола использовали и остальные переводчики: *Никакой награды я не желаю* (Н. Дарузес) и *Награды я никакой не хочу* (С. Ильин); М. Энгельгардт заменил модальный глагол: *Не нуждаюсь ни в какой награде*, Р. Брауде поступила почти так же, но еще поставила местоимение в форму косвенного падежа: *Мне не надо никакой награды.* Вторая часть предложения состоит из инфинитива *to know* и простого предложения в форме настоящего совершенного времени, содержащего устойчивое словосочетание *to do the right thing*, которые М. Энгельгардт и А. Муравьева перевели как *сознание, что (я) исполнил свой долг*. Относительно близки по смыслу переводы В. Ранцова и Н. Дарузес: *мне достаточно знать / с меня довольно и того, что я поступил, как должно / по-честному*; в переводе Р. Брауде сочетаются элементы обоих вариантов: *кроме сознания, что я поступил как честный человек*. Наиболее вольный и в то же время выспренний вариант перевода предложил С. Ильин: *ею послужит мне мысль о моем добродетельном поступке*, тогда как М. Тарловский выразил ту же мысль короче и проще: *Я счастлив, что снова стал на путь добродетели*, а В. Тан-Богораз опустил инфинитив, но при этом единственный использовал вариантное соответствие при переводе фразеологизма: *лишь бы поступить по совести*.

Ниже следует подпись, но М. Тарловский посчитал необходимым добавить перед ней пожелание: *Держитесь!* Также только этот переводчик указал в качестве подписи *Ваш друг*. В большинстве случаев использовался вариант *Неизвестный друг*, М. Энгельгардт использовал добавление: *Не известный вам друг,* а С. Ильин – «книжное» соответствие: *Неведомый друг*.

* * *

Сравнение анонимных писем в отечественной литературе, романах А. Кристи и выбранного нами для анализа письма из романа М. Твена позволило определить их примерную структуру:

1) обращение к адресату (обычно, в проанализированном письме отсутствует);
2) сообщение неизвестной, но, по мнению автора письма, значимой для адресата информации;
3) указание места и времени (часто, но необязательно);
4) ожидание от адресата определенных действий или даже предписывание их с использованием повелительного наклонения;
5) подпись, обычно представляющая собой автохарактеристику адресанта (слово или простое определительное словосочетание).

Проведенный нами анализ анонимного письма-предупреждения позволил установить, что переводы не только под реакцией К. Чуковского, но и В. Тан-Богораза представляют собой отредактированный перевод В. Ранцова, причем в первом случае отличия практически отсутствуют. Из всех переводов наименее точными являются переводы М. Энгельгардта – вследствие использования большого количества добавлений, перестановок, лексических замен и, часто, вольного перевода отдельных фрагментов текста, и М. Тарловского, причем последний вариант – пересказ, близкий к тексту, поэтому сравнение его с другими переводами представляется не вполне корректным. Не является близким к тексту оригинала перевод А. Муравьевой из-за большого количества опущений, добавлений и лексических замен, а также частого использования внутреннего членения.

Наиболее точными можно признать переводы Р. Брауде и Н. Дарузес, в меньшей степени – С. Ильина и В. Ранцова. Если сравнивать переводы В. Ранцова и В. Тан-Богораза, то последний отличается более частым использованием грамматических трансформаций – изменением порядка слов (пермутация и инверсия), а также членением предложений. Адекватными можно признать все проанализированные переводы, даже М. Тарловского, поскольку его «целевая аудитория» – дети младшего школьного возраста. Общим недостатком всех переводов является игнорирование неправильностей речи неизвестного автора письма.

ЛИТЕРАТУРА

Злоказов К.В., Рыбъякова Е.А., Степанов Р.И. Анонимная угроза и план ее воплощения: экспериментальное исследование представлений автора // Политическая лингвистика. 2016. № 4(58). С. 225–231.

Крашенинникова О.А. Подметное письмо XVIII в. как факт литературы // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 1. С. 102–108.

Черноглазов Д.А. Четыре анонимных византийских письма X–XI вв.: бытовые детали и литературная игра // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2017. № 8. С. 54–59.

Ширинкина М.А. О некоторых особенностях анонимных текстов (на примере писем-обращений граждан в органы власти) // Актуальные вопросы филологических исследований: материалы Всероссийской научной конференции. Пермь, 2012. С. 92–97.

Casey-Owens M.The Anonymous Letter Writer – A Psychological Profile? // Journal of Forensic Sciences. 1984. No. 29(3). P. 816-9.

ИСТОЧНИКИ

Твен, 1884 – Твен М. Приключения Гекльберри Финна [пер. М.А. Энгельгардт]. URL: https://classica-online.ru/catalog/priklyucheniya-geklberri-finna-mark-twain-38/ (дата обращения: 20.01.2023).

Твен, 1911 – Твен М. Похождения Гекльберри Финна [пер. В. Ранцов]. URL: http://american-lit.niv.ru/lit/text/2709/35905/Twain/pohozhdeniya-geklberri-finna.htm (дата обращения: 20.01.2023).

Твен, 1949 – Твен М. Приключения Гекльберри Финна / пер. Р. Брауде // Избранное. Т. 2. М.: Гослитиздат, 1949. С. 289–290.

Твен, 1950 – Твен М. Приключения Гекльберри Финна [пер. Н. Дарузес]. URL: https://онлайн-читать.рф/марк-твен-приключения-гекльберри-финна/38 (дата обращения: 20.01.2023).

Твен, 2011 – Твен М. Приключения Гекльберри Финна [пер. С. Ильин]. URL: https://litlife.club/books/236840/read?page=62 (дата обращения: 20.01.2023).

Твен, 2017 – Твен М. Приключения Гекльберри Финна / пер. А. Муравьева. М.: Искатель книга, 2017. С. 172.

Твен, 2019 – Твен М. Приключения Гекльберри Финна / пересказ М. Тарловского. М.: Алтей, 2019.

Твен, 2021 – Твен М. Приключения Тома Сойера и Гекльберри Финна / пер. В.Г. Тан-Богораз. СПб.: СЗКЭО, 2021. С. 330.

A.A. Streltsov
Ph.D in Education, Associate Proressor,
Chair of Translation an IT in Linguistics,
Southern Federal University
Rostov-on-Don, Russia

An Anonymous Letter of Warning in Fiction: a Comparative analysis of Translations from English into Russian

The article deals with a letter, that doesn't bear the name of the sender, and which is given in a work of fiction for the sake of plot development and creating suspence in particular. This kind of inserted texts so far has not been covered by either linguistic or literary scholars, which specifies the novelty in this research. The peculiarities of an anonymous letter, that bears a warning – the most frequent kind in both Russian and English literature – have been made clear. We have studied eight translations of a small-size text from the novel «Adventures of Huckleberry Finn» by Mark Twain into the Russian language, made from the

late XIXth up to the early XXIst century. Such fiction text fragments are comprehensible by themselves and, therefore, ideal for comparative analysis of translations. We have determined considerable variations in translation of separate words and combinations, and relative congruity of simple sentences. The latter can either be explained by the same syntactical structure and observance of language and speech norms, or by the awareness of the previous works.

Our results can be used by those, who study the rules of translaing fiction, detective and adventure fiction in particular.

Key words: *literary translation; non-permanent equivalent; accurate translation; annonymous letter; a translation analysis.*

REFERENCES

Zlokazov K.V., Rybyakova E.A., Stepanov R.I. Anonymous threat and a plan of its embodiment: empirical research of representations of the author [Anonimnaia ugroza i plan ee voploshcheniia: eksperimental'noe issledovanie predstavlenii avtora]. *Political Linguistics*, 2016, no. 4, pp. 225–231 (in Russian).

Krasheninnikova O.A. Anonymous letters of the 18th century as a fact of literature [Podmetnoe pis'mo XVIII v. kak fakt literatury]. *Issues of Kostroma State University*, 2020,Vol. 26, no. 1, pp. 102–108 (in Russian).

Chernoglazov D.A. Four anonymous Byzantine letters of the X-XI centuries: household details and literary play [Chetyre anonimnykh vizantiiskikh pis'ma X-XI vv.: bytovye detali i literaturnaia igra]. *Scientific Bulletinn Bulletin of Belgorod State University. Series: History. Poliitical Science,* 2017, no. 8, pp. 54–59 (in Russian).

Shirinkina M.A. About some features of anonymous texts (using the example of citizens' letters of appeals to the authorities [O nekotorykh osobennostiakh anonimnykh tekstov (na primere pisem-obrashchenii grazhdan v organy vlasti)]. *Topical issues of philological research: Materials of All-Russian schentific conferenc.* Perm, 2012, pp. 92–97 (in Russian).

Casey-OwensM. The Anonymous Letter Writer – A Psychological Profile? // *Journal of Forensic Sciences*, 1984, no. 29(3), pp. 816–819 (in English).

SOURCES

Twain, 1884 – Twain M. Adventures of Huckleberry Finn [translated by Angelgart M.A.]. Available at: https://classica-online.ru/catalog/priklyucheniya-geklberri-finna-mark-twain-38/ (accessed on January 20, 2023) (in Russian).

Twain, 1911 – Twain M. Adventures of Huckleberry Finn [translated by Rantzov V.]. Available at: http://american-lit.niv.ru/lit/text/2709/35905/Twain/pohozhdeniya-geklberri-finna.htm (accessed on January 20, 2023) (in Russian).

Twain, 1949 – Twain M. Adventures of Huckleberry Finn [translated by Braude R.]. Selected works. Vol. 2. Moscow: Golitizdat, 1949, pp. 289–290. (in Russian).

Twain, 1950 – Twain M. Adventures of Huckleberry Finn [translated by Daruzes N.]. Available at: https://онлайн-читать.рф/марк-твен-приключения-гекльберри-финна/38 (accessed on January 20, 2023) (in Russian).

Twain, 1950 – Twain M. Adventures of Huckleberry Finn [translated by Ilyin C.]. Available at: https://litlife.club/books/236840/read?page=62 (accessed on January 20, 2023) (in Russian).

Twain, 1950 – Twain M. Adventures of Huckleberry Finn [translated by Muravyeva A.]. Moscow: Iskatel kniga, 2017. P. 172 (in Russian).

Twain, 2019 – Twain M. Adventures of Huckleberry Finn [retold by Tarlovskyi M]. Moscow: Altey, 2019. (in Russian).

Twain, 2021 – Twain M. Adventures of Huckleberry Finn [translated by Tan-Bogoraz V.G.]. Saint Petersburg: CZKAO, 2021. P. 330 (in Russian).

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

С.Н. Хомченко

Государственный Бородинский
военно-исторический музей-заповедник
Бородино, Россия

УДК 94(47).072.5

DOI 10.35785/2072-9464-2023-63-3-104-118

ВОЕННОПЛЕННЫЕ ВЕЛИКОЙ АРМИИ В СМОЛЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1812–1814 ГОДАХ

Ключевые слова: *Отечественная война 1812 года; военнопленные; принятие подданства; воспоминания.*

В ходе Отечественной войны 1812 года на территории Смоленской губернии в плен было взято значительное количество военнослужащих Великой армии Наполеона. Многие из них позже проживали здесь до лета 1813 года, после чего были переведены вглубь России. Позднее через губернию транспортировались и другие партии военнопленных, как на восток, так, после освобождения, и в обратном направлении. Некоторая часть пленных пожелала принять российское подданство и связать свою дальнейшую судьбу с нашей страной. Предыдущие исследования на данную тему опирались в основном на материалы Государственного архива Смоленской области. В данной работе источниковая база расширяется за счет документов Российского государственного исторического архива и мемуарной литературы. В статье уточняется количество военнопленных, находившихся в Смоленской губернии в 1812–1814 годах, их национальный состав, рассказывается об условиях их содержания, принятии ими подданства, воспоминаниях о пребывании в плену в Смоленской губернии.

События Отечественной войны 1812 года на территории Смоленщины достаточно хорошо освещены в соответствующей литературе. Однако тема военнопленных Великой армии, определенный период проживавших здесь, изучена недостаточно, и, кроме работ смоленского историка А.В. Тихоновой [Тихонова, 2007; 2013; 2017; Тихонова, Козлов, 2018], опиравшейся в первую очередь на документы Государственного архива Смоленской области (ГАСО), других заслуживающих внимания исследований по этому вопросу нам не известно. Попробуем подробнее рассмотреть данную тему, расширив ее источниковую базу.

Первые численные сведения о содержании военнопленных армии Наполеона в Смоленской губернии относятся к февралю 1813 года, когда в ответ на запрос главнокомандующего в Санкт-Петербурге С.К. Вязмити-

нова смоленский гражданский губернатор К.И. Аш сообщил, что на 15 февраля в губернии из пленных находятся 151 офицер и 548 нижних чинов и сверх того к этому времени здесь умерло 49 офицеров и 7680 рядовых. К донесению, как и требовалось, прилагались именной список офицеров и две ведомости о нижних чинах – с разбивкой по нациям и родам войск, а также по полкам [РГИА, ф. 1409, оп. 1, д. 656, ч. 1, *56–67 об.*; д. 657, *203 об.*].

Пленные офицеры проживали в самом Смоленске – 43 обер-офицера, 5 медиков, 2 чиновника, а также в уездных городах Красном – 1 штаб-[1], 53 обер-офицера, 11 медиков, 9 чиновников, Рославле – 1 штаб-[2], 14 обер-офицеров, 1 чиновник, и Ельне – 11 обер-офицеров. Однако при сравнении списков видно, что по Смоленску и Красному в 11 случаях офицеры названы дважды и даже трижды, таким образом, их число нужно сократить до 140. Данные мы свели в таблицу 1.

Таблица 1

Количество пленных офицеров по нациям и родам войск

	французы	итальянцы	португальцы	испанцы	голландцы	поляки	баварцы	вюртембергцы	вестфальцы	гессен-дармшт.	франкфуртцы	немцы	Итого
Пехотных													
Гвардии	2	1								1			4
Линейной пехоты	53		8	2	1	4		3		1			72
Легкой пехоты	11	1			3				1				16
Кавалерии													
Гв. конных егерей		1											1
Гв. улан						1							1
Конных егерей	2	1	1					1					5
Жандармов												1	1
Артиллерии													
Пешей артиллерии	1												1
Пионеров	1												1
Саперов	2												2
Минеров	1												1
Медиков	13	1			1		1				1		17
Чиновников	13	2			3								18
Итого	99	7	9	2	8	5	1	4	1	2	1	1	140

[1] Записанный как полковник Луи Ратье из 1-го полка вольтижеров гвардии на самом деле был капитаном гвардии, что соответствовало армейскому шефу батальона (подполковнику). Ранен и взят в плен 17 ноября 1812 года под Красным, скончался 16/28 февраля 1813 года.

[2] Шеф батальона Жан Пион из 1-го полка вольтижеров гвардии, первоначально местом службы ошибочно отмечен 25-й линейный полк. Ранен и взят в плен 16 ноября 1812 года под Красным.

Количество нижних чинов по нациям и родам войск показано в таблице 2.

Таблица 2

Количество нижних чинов по нациям и родам войск

	французы	итальянцы	иллирийцы	португальцы	испанцы	саксонцы	голландцы	поляки	баварцы	вюртембергцы	вестфальцы	баденцы	гессен-дармшт.	франкфуртцы	мекленбургцы	пруссаки	Итого
Пехотных																	
Гвардии	3	1						17			1						22
Гренадер. корп.	2				17												19
Егерск. корп.	2	1			1			1									5
Линейной пех.	84	3	9	4	2	1	1	207		1	4	1		1	1	3	322
Легкой пехоты	20	3						29		1							53
Кавалерии																	
Гв. конн. егерей	2							1									3
Гвард. улан	2										1						3
Кирасир	3							4									7
Драгун		1						2									3
Гусар	1							3									4
Конных егерей	5							3	2					1		1	12
Улан	3							17									20
Артиллерии																	
Гв. пешей арт.	2																2
Пешей артил.	5	1						17									23
Конной артил.								1									1
Фурштата	2																2
Пионеров								1									1
Саперов		1															1
Минеров	1							4									5
Нестроевых	11	1					2	20			1		1			4	40
Итого	148	12	9	4	20	1	3	327	2	2	7	1	1	2	1	8	548

Удалось определить, что из офицеров трое были взяты в плен 22 октября (3 ноября) под Вязьмой и пятнадцать – 2–6 (14–18) ноября под Красным; таким образом, и остальные военнопленные, находившиеся в феврале 1813 года в Смоленской губернии, с большой долей вероятности были пленены там же.

Пленные солдаты в Смоленске на жительство были размещены в помещениях Авраамиевского монастыря и семинарии. 11 апреля 1813 года монастырский архимандрит Павел подал епископу смоленскому Иринею рапорт о разных беспорядках и поступках со стороны пленных, которые якобы осмелились изломать замки дверей монастырской кладовой и похитить монастырское имущество. Епископ, в свою очередь, сообщил об этом губернатору К.И. Ашу и просил освободить монастырь и семинарию от пленных, губернатор же велел

командующему смоленским гарнизонным батальоном подполковнику Устьянцову собрать соответствующие сведения. На следующий день плац-майор Врангель порознь допросил стоявших в то время в карауле рядовых Карелина, Васильева, Смирнова и Ломова, которые одинаково показали, что пленные «никакого похищения не чинили, исключая что в декабре, январе и феврале месяцах в случае недостатка дров в жестокие морозы выломали в семинарских школах несколько половиц, а иногда собирали лежащие в монастыре и около дрова», за что часовыми были наказываемы [ГАСО, ф. 1, оп. 1, д. 152, *1*; д. 201, *13 об.*].

Военнопленные находились и в госпиталях. Так, в марте 1813 года на излечении в Смоленском госпитале было 3 обер-офицера и 24 нижних чина. В Ельнинском госпитале в феврале находилось 12 офицеров и 13 нижних чинов, а в марте – 11 и 18 соответственно. Из продовольствия каждому офицеру по норме ежедневно выдавалось по 1,5 фунта ржаного печеного хлеба, по 2,5 фунта говядины для щей и на жареное, по ½ кружки полубелой капусты, по ¼ фунта гречневых круп, по 7½ золотника соли и по 1 бутылке пива. Рацион солдат был скромнее: по 2 фунта ржаного хлеба, по 1 фунту говяжьего мяса, по ½ фунта гречневых круп, по ½ кружки полубелой капусты, по 7½ золотника соли, по 1 кружке кваса. Кроме того, в Смоленском госпитале для освещения комнат было закуплено сальных свечей 3½ фунта на месяц, конопляного масла 7 фунтов на 2 недели, для набивания постелей соломы 13 пудов 20 фунтов на 2 недели, для отопления трех печей и кухни дров 2 сажени на 2 недели [ГАСО, ф. 1, оп. 1, д. 139, *13–14*; д. 208, *1–8*].

В имении действительной статской советницы Рибопьер в Вяземском уезде проживал пленный доктор Каспер Вильгельм Либерт, который по удостоверению местной полиции «преподает врачевание крестьянам с пользой, поведения скромного, для вотчины г-жи Рибапьер нужен и по испытанию уездного штаб-лекаря во врачевании знающ» [ГАСО, ф. 1, оп. 1, д. 163, *3*].

17 мая губернатор велел смоленскому полицмейстеру перевести военнопленных из монастырских строений в дом генерала Василия Васильевича Энгельгардта, однако тот оказался занят российскими больными. К тому времени было отремонтировано казенное здание госпиталя, поэтому полицмейстер просил госпитального смотрителя Яблонского переместить больных туда. Однако Яблонский возразил, что и здание госпиталя уже занято и, сверх того, на днях он ожидает перевода туда до 150 больных из Красного. В результате в июне для перевода пленных губернатором был назначен нижний этаж почтового дома, для отделки которого был подряжен смоленский мещанин Семен Трубекин, изготовивший 11 рам стеклами за 110 руб. Сверх того в комнатах оставалась необходимость мелкого ремонта, на что полицмейстер просил выдать еще 40 руб. [ГАСО, ф. 1, оп. 1, д. 152, *8–11*].

Однако неизвестно, успели ли пленные перебраться в подготовленное для них помещение, поскольку 16 мая К.И. Аш получил высочайшее

повеление находящихся в губернии военнопленных, кроме поляков, отправить в губернии Казанскую, Пензенскую, Нижегородскую и Симбирскую. Несколько позже поступило распоряжение отправить поляков в Георгиевск, на Кавказскую пограничную линию. Губернатор, в свою очередь, поручил командиру гарнизонного батальона подполковнику Устьянцову организовать сбор пленных со всей губернии в Смоленске и подготовить их к отправлению по назначению. 6 августа он же велел представить именные списки отправляемых с указанием полков, в которых те служили.

9 августа Устьянцов представил требуемое, доложив, что две партии военнопленных к отправлению в Георгиевск и Симбирск готовы. Сведений о составе партии поляков нами не обнаружено, сопровождать их из батальона был назначен конвой из 1 унтер-офицера и 7 рядовых.

Во второй партии находились 50 обер-офицеров, 65 нижних чинов и 13 женщин (6 офицерских и 7 солдатских жен). Для препровождения их в Симбирск был назначен Дорогобужской инвалидной команды капитан Озеров с конвоем из 2 унтер-офицеров и 10 рядовых. Озерову от губернатора была дана инструкция с поручением следить, «чтобы пленным нигде не оказывалось притеснений, но чтобы и они вели себя скромно и послушно», а из казенной палаты выданы 1500 руб. и скрепленная шнуром и печатью тетрадь для записи путевых расходов. Симбирский гражданский губернатор был извещен, что в подведомственную ему губернию направляются военнопленные. Около 11 августа партия выступила из Смоленска [ГАСО, ф. 1, оп. 1, д. 148, *4*; д. 206, *1–10, 14–19 об.*].

Тогда же в Рославле стала формироваться третья партия для отправления в Пензенскую губернию. Препровождать ее до места «по ревностному его к службе положению» изъявил желание ранее служивший в Рославльском ополчении отставной штабс-капитан Милковский, получивший стандартную инструкцию и конвой из 1 унтер-офицера и 8 рядовых смоленского гарнизона. Приняв под ответственность 1 штаб-, 8 обер-офицеров, 129 нижних чинов, 8 женщин и 2 детей, 14 сентября Милковский выступил из Рославля. Пензенский гражданский губернатор также был своевременно извещен об их прибытии. 18 ноября пленные без потерь дошли до Пензы и были переданы местному городничему. В январе 1814 года вернувшийся штабс-капитан Милковский рапортовал об исполнении поручения губернатору К.И. Ашу [ГАСО, ф. 1, оп. 1, д. 206, *24–42, 47–48, 52–53 об.*].

После отправления всех военнопленных в губернии оставались только больные и пожелавшие принять российское подданство – в Смоленске 18 нижних чинов, в Рославле 7 офицеров и 11 нижних чинов, о чем губернатор К.И. Аш 2 октября рапортовал главнокомандующему в Санкт-Петербурге Вязмитинову с приложением списка остающихся [ГАСО, ф. 1, оп. 1, д. 206, *49–51 об., 70 об.*].

По мере выздоровления немногочисленные пленные продолжали покидать пределы Смоленской губернии. Так, 18 ноября из Смоленска были

отправлены в Симбирск рядовых 12 французов, 3 голландца, 1 вестфалец, в Георгиевск 6 поляков, в Царское село 2 испанца, 1 пруссак и 1 австриец [ГАСО, ф. 1, оп. 1, д. 206, *72–73 об.*].

В разное время через Смоленскую губернию проходили и транзитные военнопленные. Так, в мае 1813 года для высылки далее был доставлен французский су-лейтенант Лаваль де Монморанси, допустивший ранее самовольную отлучку из Могилева и признанный вследствие этого ненадежным. В августе через Смоленск проследовали отправленные за побег в Оренбург французские капитаны Жерер, Краве и лейтенант Ласцен, сопровождать которых до Москвы был назначен унтер-офицер Грехов с двумя рядовыми. В сентябре из Минска был препровожден присланный из Вильны и пойманный из бегов французский лейтенант 1-го линейного полка Мартин Клемандо с требованием отправить его в Пермь [ГАСО, ф. 1, оп. 1, д. 148, *4–5, 51*; д. 201, *2, об.*].

В марте 1814 года военные действия в Европе закончились, но движение партий пленных через Смоленск вглубь страны продолжалось. Например, около 16 мая сюда из Витебска под конвоем витебского дворянина Кукеля прибыла партия взятых в плен в Битве народов под Лейпцигом французов и итальянцев из 24 обер-офицеров и 2 рядовых для следования в Симбирск. В рапорте от 21 мая губернатор К.И. Аш сообщал Вязмитинову: «Из Витебска в Симбирск не прекращается отправление военнопленных французов, кои почти еженедельно проходят чрез Смоленскую губернию при одних дворянских чиновниках без воинского конвоя. В Смоленском гарнизонном батальоне люди командируются к отводу в Белосток рекрутских партий, посему для военнопленных наряжаются обыватели с отвлечением от сельских работ. С прекращением войны должны военнопленные возвращаться из внутренних губерний. Считаю представить Вашему Превосходительству предписать Витебскому губернатору, дабы он удержался отправлением через Смоленск военнопленных во избежание казне издержек и чувствительного отягощения обывателей». Уже 24 мая пришел ответ, чтобы прибывших из Витебска пленных останавливали и готовили к обратному пути. Тем более что двумя днями ранее, 22 мая, в Смоленске был получен циркуляр от 13 мая 1814 года об освобождении всех без изъятия военнопленных и отправлении их в отечество, французов через Белосток, итальянцев через Радзивиллов [ГАСО, ф. 1, оп. 1, д. 294, *1–3, 17–18, 23, 37 об.*].

Вскоре началось обратное движение партий. Первыми в сопровождении прапорщика Барзенкова после 5 июня выступили недавно прибывшие из Витебска 19 обер-офицеров и 2 солдата, к которым присоединились пришедшие из Воронежа голландцы: 9 обер-офицеров, 1 офицерская жена и 13 нижних чинов, а также находившиеся в Смоленске 11 нижних чинов. 14 июня Барзенков рапортовал, что прибыл в Белосток благополучно.

24 июня были отправлены две партии. В первой находились 7 офицеров, 3 офицерские жены и 1 ребенок, в основном французы, во второй –

8 офицеров и 6 нижних чинов, голландцы. В июле отправились еще две партии: в Белосток в сопровождении подпоручика князя Кугушева французы (1 штаб-, 2 обер-офицера, офицерская жена с дочерью, 8 солдат, 1 солдатская жена), в Радзивиллов – итальянцы (1 офицер, 2 солдата) и поляки (3 солдата).

Известно о проходе через Смоленск в июле-августе еще двух транзитных партий из Казани (6 штаб-, 7 обер-офицеров, 3 нижних чина) и Нижнего Новгорода (60 обер-офицеров, 175 нижних чинов, 5 женщин).

Не обходилось без курьезов. Из числа следующих из Вятской губернии в Ригу под командой дворянского заседателя Попова пятеро пленных: сержант Бебьер, капрал Обей и рядовые Комо, Тортю и Жего – по прибытии в сельцо Толочимановское Белецкой округи Московской губернии учинили с крестьянами драку, за что были доставлены в Москву для поступления с ними по закону. Однако по высочайшему манифесту от 30 августа о даровании прощения за мелкие правонарушения были прощены и освобождены из-под стражи. В ноябре они проследовали через Смоленск в Белосток [ГАСО, ф. 1, оп. 1, д. 295, *1–4, 8, 18–23*; д. 296, *1, 4, 9–10, 26–28*; д. 297, *4–7*; д. 303, *3–4, 20–21, 33, 62–65 об, 128*].

Продолжалось прохождение освобождаемых пленных и позднее. Зимой – весной 1814/15 года с сибирской пограничной линии проследовало не менее 11 партий поляков, в четырех из которых было 729 солдат и 6 женщин.

Весной 1816 года в Смоленске были собраны выздоровевшие 11 французов, австрийцев и поляков из Смоленской, Казанской и Владимирской губерний. 28 марта они были снабжены всем необходимым и с унтер-офицером Барковским отправлены в Белосток. 25 ноября того же года с рядовым Яковлевым в Белосток выступили еще 3 француза [ГАСО, ф. 1, оп. 1, д. 331, *3, 5, 10, 18, 26, 49*; д. 345, *2, 18, 43, 85*].

Часть военнопленных европейцев разных наций пожелала перейти в российское подданство. Рославльский помещик А. Лешевич-Бородулич в августе 1813 года в письме смоленскому губернатору К.И. Ашу сообщал: «Из числа пленных, препровожденных в Рославль после дела под г. Красным господин предводитель Федор Сергеевич Бородавицин рекомендовал в дом наш для занятия детей науками французов полковника Фука, служившего в итальянской армии провиантским генерал-директором и сына его, отправлявшего при нем должность секретаря, а для лечения в окрестности нашей свирепствовавших тогда и до ныне еще не совсем прекратившихся болезней итальянца Палиари, бывшего лекарем при походных гошпиталях той же итальянской армии. На поведение пленных после пятимесячного их у меня пребывания я не могу пожаловаться. Но усердие и успех, с каковым господин Палиари пользовал разного звания больных, желание его вступить в вечное подданство к нашему Милосердому Государю Императору и опасность его болезни, не позволяющая ему даже в самом покойном экипаже отправиться в путь заставляют

меня Ваше Превосходительство покорнейше просить о представлении кому следует оставить пленного итальянца Палиари до того времен, как он совершенно выздоровеет или пока на прошение о вступлении в подданство к нашему Государю Императору последует разрешение. До того же временя я за него ручаюсь в том, что он не только никаких беспорядков и беспокойств не сделает, но еще по выздоровлении своем будет делать пользу сохранением жизни и здоровья многих окрест живущих разного звания людей. А для большей в сем удобности жена моя и я намерены ему помочь заведением на собственное наше иждивение гошпиталя и аптеки в нашем селе Мошенце, которое отстоит от г. Рославля не далее 60, а от местечка Рогнедина не далее 2 верст. Гошпиталь мы располагаем устроить на 150 человек, число коих будет составлять 100 человек наших крестьян, а 50 на законном основании будет приниматься посторонних больных с умеренною платою за содержание и пользование собственными нашими лекарствами. На сей предмет сделаны уже некоторые приготовления, которые остановились ныне за болезнью господина Палиари и требованием всех пленных к отправлению.

В надежде милостивого Вашего Превосходительства ко мне расположения, я отправил французов в Рославль, а больного итальянца оставил у себя до вашего разрешения, ибо в теперешнем его состоянии отправлять его в путь значило бы отдать его руками той смерти, которая похитя у нас двести шесть душ в Рославльском селе Лугах была его усердным старанием выгнана».

В результате губернатор разрешил «военнопленного итальянского лекаря Полиари по болезни его не отправлять с прочими», а в сентябре у него было взято письменное заявление на вступление в вечное подданство России.

Согласно правилам, каждый вступающий в подданство и желающий заниматься врачебной практикой в России иностранец должен был сдать соответствующий экзамен в ближайшем университете, для проезда в который ему на месте должен был быть выдан паспорт. В случае с Палиари выяснилось, что он пребывал не в Рославльском уезде, а в имении дочери Лешевича-Бородулича, штабс-капитанши Анны Фадеевой, в с. Мошанце Брянского уезда Орловской губернии, поэтому и паспорт он должен был получить в Брянском нижнем земском суде. Однако по какой-то причине к апрелю 1814 года 26-летний фармацевт Франческо Палиари так на подданство и не присягнул, а в июле и вовсе выехал на родину [ГАСО, ф. 1, оп. 1, д. 183, *22–23 об., 42, 97, 99, 109*; д. 296, *4, 9 об.*].

Еще один медик, француз Людовик Гренан, проживавший в Бельском уезде в имении капитана Аполлона Каловского, в сентябре 1813 года высказал «непреоборимое желание вступить в Российское вечное подданство в звание лекаря по гражданской части». О себе он сообщил, что он уроженец Медона департамента Сены, закона римского католического, 35 лет, в продолжение 9 лет находился при штаб-докторе Ларшамбо в 4-м итальян-

ском корпусе. В январе Гренану было позволено «подвергнуться в ближайшем университете экзамену в знаниях его по медицинской части», для чего следовало «снабдить его надлежащим на проезд паспортом». Очевидно, испытание прошло успешно, так как уже 17 февраля 1814 года в Смоленском губернском правлении Гренан принял присягу и был снабжен паспортом для избрания рода жизни [ГАСО, ф. 1, оп. 1, д. 183, *35–37, 64, 109*].

В ГАСО сохранилось несколько личных прошений такого рода.

«Прошение пленного сержанта Станислава Серпутовского.

Уроженец я прусский, продолжал службу в польской конной артиллерии, при преследовании из Москвы взят в плен под Вязьмой в дер. Тихонове. Ныне имею ревностное желание остаться в подданстве Российском и учинить в этом верно подданическую присягу».

«От военнопленного рядового Иогана Карла Геерса прошение.

Уроженец австрийского владения г. Плискастеля, служил в 46 линейном рядовым, занимался хлебопечением, под Смоленском передался российским войскам, проживал в Гжатском уезде, имею ревностное желание остаться в вечном подданстве Российском».

«Прусской нации военнопленный Иван Богда, уроженец г. Королевца, занимался ремеслом трубочиста, под Смоленском передался сам Российским войскам, проживал в Подольске, имеет желание остаться вечно в подданстве Российском. Унтер-офицерский сын, 18 лет, служил во французском гренадерском конном полку генерала Эксельманда денщиком 1 год. Грамоте не знает. Вся надежда в нахождении пропитания на благотворителях Смоленской губернии Бельского уезда у помещицы Катерины Николаевны Богдановичевой».

«В Смоленске француз Проспер Николаев сын Трукатель, уроженец Парижа, подал просьбу остаться в подданстве Российском и записаться в Духовское мещанство. Католического закона, г. Парижа, из купцов, 28 лет, состоял во французском 57 полку, служил 8 лет унтер-офицером, мастерства никакого не знает. Надеюсь пропитывать себя, находясь в услужении».

«В Смоленске француз Иозеф Франсефор сын Лаверни, уроженец французского г. Невеля, взят в Московской губ. под г. Можайском в плен, желает остаться в подданстве Российском, записаться в Смоленской губернии г. Духовщины мещанство. Француз, католического закона, из г. Невеля, из купцов, 21 год, служил сержантом 2 года, на французском языке читать и писать умею, другого мастерства не знаю, надеюсь пропитывать себя от господ в услужении».

«Из Рославля военнопленный француз Николю Сантер объявляет желание в подданство России. Уроженец департамента Ельзас. Родом из Ниберфийлен деревни. Мещанский сын. 28 лет. Служил 8 лет денщиком у французского генерала Леге. Холост. Мать его находится в той деревне, откуда родом, отец его уже 22 года как умер, родственники по разным местам

живут. На своем природном немецком языке знает грамоту, так и на французском. Мастерства никакого не знает. Род жизни избирает он записаться в мещанство города Рославля, а пропитывать себя имеет у г-на Василия Никитича Олшова, отставного капитана» [ГАСО, ф. 1, оп. 1, д. 183, *17, 44, 59–60 об., 102–105*; д. 308, *1–6 об.*].

Всего желание принять подданство России по Смоленской губернии изъявили около 40 военнопленных, однако к лету 1814 года сделали это далеко не все. В «Списке военнопленных, о коих дела находятся на рассмотрении в губернском правлении» из 35 присягнувшими отмечены только 19 [ГАСО, ф. 1, оп. 1, д. 183, *109–110*].

Таблица 3

Сведения о присягнувших (на основании «Списке военнопленных, о коих дела находятся на рассмотрении в губернском правлении»)

Чин, нация	Фамилия, имя	Когда присягнул	Куда записался
рядовой, француз	Виктор Мануель	18.12.13	снабжен паспортом для избрания рода жизни
француз	Гоман Николи	28.04.14	Порецкое мещанство
брауншвейгец	Волфен Питтель	27.03.14	снабжен паспортом для избрания рода жизни
брауншвейгец	Иоган Карлов Клаус		снабжен паспортом для избрания рода жизни
австриец	Сажинский	8.04.14	Новгородское мещанство
поручик	Дюмон		Орловской губернии у помещицы Подлинивой
подлекарь	Гренан	17.02.14	снабжен паспортом для избрания рода жизни
француз	Пьер Ерсон	27.05.14	Смоленские мещане
итальянец	Франциско Антонов Иванов сын Компании	14.04.14	Смоленское мещанство
	Александр Мисела		
итальянец	Клод Еник	20.05.14	снабжен паспортом для избрания рода жизни
	Степан Николаев		
рядовой, француз	Делятр Александр	15.05.14	Смоленские мещане
француз	Брей Люй	27.02.14	Смоленские мещане
француз	Шаделио Жан	27.02.14	Смоленские мещане
француз	Гутург Жан	27.02.14	Смоленские мещане
рядовой, француз	Иозеф Мик	27.02.14	Смоленские мещане
француз	Проспер Николаев Трукатель из Парижа	28.04.14	Духовские мещане
рядовой, француз	Иозеф Францефор Лаверни	28.04.14	Духовские мещане

Сверх того в июле в Рославле был приведен к присяге и записался в рославльские мещане французский рядовой Антуан Лип, а 31 июля в Смоленске в духовское мещанство – пруссак Фристан Иванов сын Рекс [ГАСО, ф. 1, оп. 1, д. 183, *116, 121*].

Однако совсем другие данные содержатся в «Алфавите военнопленных, оставшихся в России после Отечественной войны 1812 г.», составленном в Министерстве полиции на основании поданных из губерний списков после 1816 года. Из присягнувших в Смоленске здесь названы всего 12 человек, и лишь 4 имени совпадают с вышеприведенными [РГИА, ф. 1282, оп. 1, д. 776, *10 об., 13 об., 24, 32, 35, 44, 51, 68, 71, 81*; Миловидов, 2010].

Таблица 4

Сведения о присягнувших (на основании «Алфавита военнопленных, оставшихся в России после Отечественной войны 1812 г.»)

Фамилия, имя	Чин	Подданный	Примечание
Гермон Иосиф	рядовой	австрийский	снабжен билетом для избрания рода жизни
Гиттели Егор	–	баварский	живет в Смоленске
Делитр Александр	–	французский	живет в Смоленске
Иванов Иван	–	австрийский	смоленский мещанин
Лип Антуан	–	французский	рославльский мещанин
Лаверн Иосиф	–	французский	живет в Духовском уезде
Мак Иосиф	–	итальянский	смоленский мещанин
Павлов Семен	–	пруссак	живет в Смоленском уезде
Станкевич Николай	–	варшавский	живет в Смоленском уезде
Черкевич Иван	–	варшавский	рославльский мещанин
Шумянский Павел	–	австрийский	снабжен билетом для избрания рода жизни
Яблонский Григорий	–	австрийский	находится в ведении полиции

Часть принявших подданство могла вернуться в отечество после соответствующего высочайшего позволения. Впрочем, публикатор упомянутого «Алфавита» Б.П. Миловидов отмечает, что тот отнюдь не полный.

Отдельно стоит сказать об опубликованных в начале XX века воспоминаниях двух французов, где упоминается пребывание в плену в Смоленской губернии.

Филипп Бенуа (1793–1881), фармацевт в главной квартире Великой армии, в 1812 году дошел до Москвы, при эвакуации раненых осенью был пленен казаками, возвращен в Москву и попал в госпиталь в Московском воспитательном доме. Согласно мемуарам [Benoit, 1913a; Benoit, 1913b; Benoit, 1915; Гладышев, Тотфалушин, 2018], весной-летом 1813 года его отправили в Смоленск, и некоторое время он провел тут, а вскоре был переведен во Владимир. Сразу следует отметить, что отправление военнопленного из одного сожженного города в другой, тем более в западном направлении,

выглядит совершенно нелогично. Описания условий жизни как самого Бенуа, так и местного общества не согласуются с действительностью, отдельные эпизоды повествования вызывают серьезные сомнения в достоверности, в соответствующих списках фамилии якобы находившихся с ним других пленных офицеров не выявлены. По архивным данным, пленный аптекарь (санитарный чиновник) Ф. Бенуа действительно в феврале 1813 года находился в Москве, осенью того же года во Владимире, а вот в документах смоленского архива его имя не фигурирует. Исходя из вышесказанного, сюжет о временном проживании Бенуа в Смоленске мы считаем вымышленным и подробнее останавливаться на нем не будем[3].

Второй мемуарист, сержант 4-го линейного полка Шарль Бенар (род. 1793), прошел с Великой армией основной путь до Москвы и обратно, 5 ноября 1812 года был ранен и взят в плен в сражении при Красном. Полгода он оставался на территории Смоленской губернии, а примерно в мае-июне 1813 года был отправлен вглубь России. Его воспоминания, написанные в 1840-е годы и изданные спустя 60 лет[4], наряду с достоверными сведениями содержат преувеличенные и явно выдуманные.

После пленения раненый Бенар оказался в госпитале в месте под названием Курск (Koursk)[5]. Благодаря молодости он поправлялся быстрее своих больных товарищей и часто мог выходить наружу в поисках дополнительного продовольствия. Во время одной из таких прогулок Бенар познакомился с молодым русским офицером, пригласившим сержанта в свое загородное имение. Не без колебаний покинув госпитальных товарищей, на следующий день Бенар оказался в роскошной усадьбе, непостижимым образом избежавшей разорения в 1812 году. Здесь он прожил в комфорте до начала кампании 1813 года, когда его новый друг должен был отправиться к армии. Офицер предложил Бенару сопровождать его, чтобы тот остался за границей в какой-нибудь нейтральной стране. Перед отъездом русский офицер заехал в Смоленск, «где его отец был губернатором». Оказавшись в губернаторском доме, француз понял, что его место не под крышей русского

[3] Гладышев и Тотфалушин комментируют, что «Бенуа нигде не писал о своем переезде во Владимирскую губернию», и предполагают, что под Владимиром имеется в виду село Владимирское недалеко от Смоленска [Гладышев, Тотфалушин, 2018, *52*]. Во всех последующих упоминаниях в тексте Владимира они заменяют его на Смоленск. Однако сам мемуарист прямым текстом сообщает: «В какой-то момент и по неизвестным мне причинам мы с большинством моих товарищей были отправлены во Владимирскую губернию, к востоку от Москвы… Именно во Владимире я провел большую часть своего времени в плену» [Benoit, 1913a, *460*].

[4] Мемуары Бенара выходили небольшими частями в ежемесячном журнале *La Giberne* на протяжении 5 лет, с июля 1904 по май 1909 года. Так как в нашем распоряжении имеются лишь отдельные страницы издания, содержащие только данные мемуары, ссылка на конкретные номера журнала не представляется возможной. Пребывание в Смоленской губернии описано в 6-й главе.

[5] Это место – не губернский город Курск. Как будет видно из текста, оно было неподалеку от Смоленска, вполне возможно, что речь идет о самом Красном, где действительно находились военнопленные.

чиновника, и, несмотря на уговоры молодого друга, решил вернуться во французский госпиталь. Вскоре выжившие пленные были отправлены во внутренние губернии [Bénard, 1906, *97–100, 113–116, 129–131*]. Как видно, в тексте Бенара также очень много сомнительной информации, поэтому относиться к нему нужно критически.

Итак, основные официальные источники по теме военнопленных Великой армии в Смоленской губернии в целом изучены и введены в научный оборот. Вместе с тем следует признать, что материалов этих для получения более полной картины недостаточно и остается надеяться на возможное выявление по данному вопросу новых и достоверных источников личного происхождения.

ЛИТЕРАТУРА

Государственный архив Смоленской области (ГАСО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 139.
ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 148.
ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 152.
ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 163.
ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 183.
ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 201.
ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 206.
ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 208.
ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 294.
ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 295.
ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 296.
ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 297.
ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 303.
ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 308.
ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 331.
ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 345.

Гладышев А.В., Тотфалушин В.П. Россия и русские в мемуарах Филиппа Бенуа // История и историческая память. 2018. № 17. С. 36–67.

Миловидов Б.П. Алфавит военнопленных, оставшихся в России после Отечественной войны 1812 г. // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография (Труды ГИМ. Вып. 183). М., 2010. С. 265–338.

Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1282. Оп. 1. Д. 776.
РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 656. Ч. 1.
РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 657.

Тихонова А.В. «Надлежаще смотреть…» Надзор за иностранцами в Российской империи (1801–1861): монография. Смоленск, 2013. 256 с.

Тихонова А.В. Источники о военнопленных из состава Великой армии Наполеона (по материалам Государственного архива Смоленской области) // Вспомогательные исторические дисциплины в современном историческом знании: материалы XXIX Международной научной конференции. М., 2017. С. 308–311.

Тихонова А.В. Судьбы иностранных военнопленных после кампании 1812 года (на материалах Смоленской губернии) // Отечественная война 1812 года и российская провинция в событиях, человеческих судьбах и музейных коллекциях: сборник материалов XV Всероссийской научной конференции. Малоярославец, 2007. С. 291–305.

Тихонова А.В., Козлов О.В. Иностранцы на Смоленщине (1812–1861): монография. Смоленск, 2018. С. 14–35.

Benoit Ph. Souvenirs d'un Ardéchois, prisonnier de guerre en Russie de 1812 a 1814 // Revue historique, archéologique, littéraire et pittoresque du Vivarais illustrée. 1913a. T. 21, № 7–12.

Benoit Ph. Souvenirs d'un Ardéchois, prisonnier de guerre en Russie de 1812 à 1814. Aubenas, 1913b.

Benoit Ph. Souvenirs d'un Ardéchois, prisonnier de guerre en Russie de 1812 à 1814. Aubenas, 1915.

Souvenirs de 1812. Un prisonnier français en Russie, par Charles Bénard, sergent au 4e de Ligne // La Giberne. 07.1904-05.1909. URL: https://fondationnapoleon.org/en/oeuvre/sergent-benard-souvenirs-de-1812-un-prisonnier-francais-en-russie.

S.N. Khomchenko
Ph.D in History, Chief Researcher,
Museum-Reserve «Borodino field»
Borodino, Russia

Prisoners of the Great Army in the Smolensk Province in 1812–1814

During the Patriotic War of 1812, a significant number of military personnel of Napoleon's Great Army were captured on the territory of the Smolensk province. Many of them later lived here until the summer of 1813, after that they were transferred deeper into Russia. Later, other parties of prisoners of war were transported through the province, both to the east and, after liberation, and in the opposite direction. Some of the prisoners wished to accept Russian citizenship and connect their future fate with our country. Previous studies on this topic were based mainly on materials from the State Archives of the Smolensk Region. In this work, the source base is expanded to include documents from the Russian State Historical Archive and memoirs. The article clarifies the number of prisoners of war who were in the Smolensk province in 1812–1814, their ethnic composition, besides it deals with the conditions of their detention, their acceptance of citizenship, and memories of their time in captivity in the Smolensk province.

Key words: *Patriotic War of 1812; prisoners of war; naturalization; memories.*

REFERENCES

State archive of Smolenk region [Gosudarstvennyj arhiv Smolenskoj oblasti (GASO)]. F. 1. Op. 1. D. 139. (in Russian).

GASO. F. 1. Op. 1. D. 148. (in Russian).

GASO. F. 1. Op. 1. D. 152. (in Russian).

GASO. F. 1. Op. 1. D. 163. (in Russian).

GASO. F. 1. Op. 1. D. 183. (in Russian).

GASO. F. 1. Op. 1. D. 201. (in Russian).

GASO. F. 1. Op. 1. D. 206. (in Russian).

GASO. F. 1. Op. 1. D. 208. (in Russian).

GASO. F. 1. Op. 1. D. 294. (in Russian).

GASO. F. 1. Op. 1. D. 295. (in Russian).
GASO. F. 1. Op. 1. D. 296. (in Russian).
GASO. F. 1. Op. 1. D. 297. (in Russian).
GASO. F. 1. Op. 1. D. 303. (in Russian).
GASO. F. 1. Op. 1. D. 308. (in Russian).
GASO. F. 1. Op. 1. D. 331. (in Russian).
GASO. F. 1. Op. 1. D. 345. (in Russian).

Gladyshev A.V., Totfalushin V.P. Russia and Russians in the memoirs of Philippe Benois [Rossiya i russkie v memuarah Filippa Benua]. *History and historical memory*. 2018, no. 17, pp. 36–67 (in Russian).

Milovidov B.P. Alphabet of prisoners of war who remained in Russia after the Patriotic War of 1812 [Alfavit voennoplennyh, ostavshihsya v Rossii posle Otechestvennoj vojny 1812 g.]. *The Epoch of 1812. Research. Sources. Historiography (Proceedings of the State Historical Museum, no. 183*). Moscow. 2010, pp. 265–338 (in Russian).

Russian state historical archive [Rossijskij Gosudarstvennyj Istoricheskij arhiv (RGIA)]. F. 1282. Op. 1. D. 776. (in Russian).

RGIA. F. 1409. Op. 1. D. 656. CH. 1. (in Russian).

RGIA. F. 1409. Op. 1. D. 657. (in Russian).

Tihonova A.V. «It is proper to look... » Supervision of foreigners in the Russian Empire (1801–1861) [«Nadlezhashche smotret'…» Nadzor za inostrancami v Rossijskoj imperii (1801–1861)]. Monograph. Smolensk, 2013. pp. 64–114 (in Russian).

Tihonova A.V. Sources about prisoners of war from Napoleon's Grand Army (based on materials from the State Archive of the Smolensk Region) [Istochniki o voennoplennyh iz sostava Velikoj armii Napoleona (po materialam Gosudarstvennogo arhiva Smolenskoj oblasti)]. *Subsidiary historical disciplines in modern historical knowledge*: *Materials of XXIX international conference*. Moscow, 2017. pp. 308–311 (in Russian).

Tihonova A.V. The fate of foreign prisoners of war after the campaign of 1812 (based on materials from the Smolensk province) [Sud'by inostrannyh voennoplennyh posle kampanii 1812 goda (na materialah Smolenskoj gubernii)]. *The Patriotic War of 1812 and the Russian province in events, human destinies and museum collections: a collection of materials from the XV All-Russian scientific conference.* Maloyaroslavec, 2007, pp. 291–305 (in Russian).

Tihonova A.V., Kozlov O.V. Foreigners in the Smolensk region (1812–1861) [Inostrancy na Smolenshchine (1812–1861)]. Monograph. Smolensk, 2018, pp. 14–35 (in Russian).

Benoit Ph. Souvenirs d'un Ardéchois, prisonnier de guerre en Russie de 1812 a 1814 // Revue historique, archéologique, littéraire et pittoresque du Vivarais illustrée. 1913. Vol. 21, no. 7-12 (in French).

Benoit Ph. Souvenirs d'un Ardéchois, prisonnier de guerre en Russie de 1812 à 1814. Aubenas. 1913. (in French).

Benoit Ph. Souvenirs d'un Ardéchois, prisonnier de guerre en Russie de 1812 à 1814. Aubenas. 1915. (in French).

Souvenirs de 1812. Un prisonnier français en Russie, par Charles Bénard, sergent au 4e de Ligne// La Giberne. 07.1904-05.1909 Available at: https://fondationnapoleon.org/en/oeuvre/sergent-benard-souvenirs-de-1812-un-prisonnier-francais-en-russie/ (accessed on February 21, 2023) (in French).

Н.В. Карушкина

Независимый исследователь
Санкт-Петербург, Россия

УДК 94(47)084.1 + 929.2Романовы

DOI 10.35785/2072-9464-2023-63-3-119-135

ВАСИЛИЙ МИХАЙЛОВИЧ ВЕРШИНИН – ЦАРСКИЙ КОМИССАР И ЛЕТОПИСЕЦ РЕВОЛЮЦИИ

Ключевые слова: *Вершинин; Февральская революция; Временный комитет Государственной думы; Романовы; Российский Императорский дом.*

Василий Михайлович Вершинин – малоизвестный участник Февральской революции в России. Его деятельность в 1917 году практически не подвергалась исследованиям. Между тем Вершинин был доверенным лицом лидера Временного правительства А.Ф. Керенского и трижды назначался комиссаром для надзора за бывшими членами семьи Романовых. В первый раз в качестве члена Временного комитета Государственной думы 7–9 марта 1917 года он сопровождал отрекшегося императора Николая II из Могилева в Царское Село. В августе уже в качестве представителя Временного правительства Вершинин контролировал переезд семьи бывшего царя в Тобольск. В сентябре 1917 года его назначают правительственным комиссаром по надзору за бывшими членами Императорского дома Романовых в Крыму, где содержались под арестом мать Николая II Мария Федоровна, две его сестры, Ольга и Ксения, и их многочисленные родственники. Кроме того, В.М. Вершинин является инициатором создания и автором уникальных исторических документов – журналов следования Николая II в Царское Село и в Тобольск, а также «Протокола Февральской революции», составленного очевидцами событий, происходивших в Таврическом дворце и в Петрограде в первые дни Февраля. Единственную копию «Протокола» Вершинин вывез в эмиграцию. В статье используются ранее не публиковавшиеся архивные материалы и исправляются историографические ошибки.

Биография В.М. Вершинина, в основном – дореволюционная, уже входила в поле зрения исследователей [Гончаров, Дмитриева, 2020], и основные вехи ее известны. Василий Михайлович Вершинин родился 11 января 1874 года[1] в Вятской губернии. Мать – Ольга Андреевна (ум. в 1915 году). Отец – Михаил Васильевич (род. в 1855 году) – в 1880 году переехал в Барнаул, причислившись изначально к мещанскому сословию. Здесь он

[1] Даты до 14 февраля 1918 года даются в статье по старому стилю, с 14 февраля 1918 года – по новому стилю.

основал мастерскую по изготовлению головных уборов, вел торговую деятельность и в 1890-х годах значился уже купцом 2-й гильдии. К началу XX века Вершинин-старший владел двумя магазинами, лавкой и трактиром. Василий окончил Барнаульское городское четырехклассное училище и помогал отцу в торговле.

В 1905 году, в период первой русской революции, В.М. Вершинин был членом стачечного комитета приказчиков. При этом дом и мастерская его семьи пострадали от погромов. В 1911 году Василий Михайлович открывает в Барнауле типографию «Алтайское печатное дело» и начинает выпускать ежедневную газету «Жизнь Алтая». Это было популярное в Сибири издание, выходившее вплоть до начала 1918 года. В.М. Вершинин привлекал к работе над литературной частью газеты таких известных в будущем писателей, как Г.Д. Гребенщиков и В.Я. Шишков.

Годы увлечения издательской деятельностью полностью совпадают и со временем широкой общественной активности В.М. Вершинина. До революции 1917 года он регулярно избирался депутатом Барнаульской думы и активно участвовал в социальной жизни края. На выборах в III Государственную думу Российской империи Вершинин баллотировался от Барнаула, но не прошел. Зато в 1912 году он был избран в IV Государственную думу от Томской губернии.

В IV Госдуме Вершинин входил в состав малочисленной трудовой фракции, отстаивавшей права аграриев. Известным политиком В.М. Вершинин не был, но с самого начала находился рядом с восходящей политической звездой – А.Ф. Керенским. Так, например, в апреле 1914 года они были среди депутатов, которые отказывались начать обсуждение бюджета до проведения закона о свободе депутатского слова и мешали выступлению председателя совета министров И.Л. Горемыкина [Искры, *122*]. Чуть ли не впервые в истории Думы оппозиционеров удалили из зала и отстранили на следующие 15 заседаний. В 1915 году Керенский стал главой думской фракции трудовиков.

Еще за несколько дней до Февральской революции жизнь В.М. Вершинина шла своим чередом. В газете «Жизнь Алтая» ежедневно публиковалась реклама шляпного магазина Василия Михайловича на Пушкинской улице Барнаула. Зима подходила к концу, и в объявление торгового предприятия были уже добавлены слова: «Весенние дамские шляпы. Новейшие фасоны». Во второй половине февраля в Петрограде возобновились заседания Думы, работе в которой Вершинин посвящал существенную часть времени.

Ситуация же в стране двигалась к неизбежному политическому взрыву. Кризис монархической власти достиг апогея. В Петрограде начались волнения, массовые забастовки. 23 февраля Вершинин подписывает депутатский запрос к правительству по поводу увольнений на Путиловском и Ижорском заводах (всего его подписывают 30 человек, в числе которых А.Ф. Керенский) [Февральская революция, 1996, *18–19*]. 26 февраля, когда

на улице войска уже стреляют в демонстрантов, правительство с санкции императора объявляет перерыв в работе Думы.

27 февраля в Петрограде начинается вооруженное восстание. В Таврическом дворце образуются два новых центра власти – Временный комитет Государственной думы (ВКГД) и Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов. А.Ф. Керенский вспоминал, что 27 февраля Вершинин с самого раннего утра находился в Таврическом дворце [Керенский, 1993, *135*]. Здесь состоялось совещание экстренно собравшихся членов Государственной думы, на котором присутствовало, по разным оценкам, от 30 до 70 человек [Николаев, 2002, *28*], то есть примерно 10% от общего количества депутатов Думы IV созыва. Частное совещание приняло решение о создании ВКГД, который изначально был организован для восстановления порядка в Петрограде. «…Вершинин предложил, чтобы члены Государственной Думы всех без различия партий дали обещание поддерживать и оказывать содействие Временному комитету Государственной Думы во всех тех его действиях, которые ему придется предпринять в будущем. Это предложение было принято единогласно, после чего частное совещание было закрыто» [Февральская революция, 1996, *115*].

Сам Вершинин позже писал о первых днях революции: «Отдавшись 27 февраля в распоряжение Временного комитета Гос. Думы в момент его образования, я не покидал Таврического дворца до моего выезда в Могилев за б. государем» [ГАРФ, ф. Р-5881, оп. 2, д. 890, *1*]. То есть более недели Вершинин дневал и ночевал в самом эпицентре февральских событий.

В первый же день думцы сталкиваются с необходимостью организовать питание военных, которые стекаются в Таврический дворец для поддержки новой власти. В.М. Зензинов вспоминал: «…мне удалось захватить на улице грузовик с бидонами и я заставил трудовика В.М. Вершинина за это молоко заплатить из каких-то думских средств» [Зензинов, 1953, *218*].

28 февраля в Таврический дворец начинают доставлять как арестованных по распоряжению ВКГД, так и схваченных толпой министров, чиновников и др. Вершинин – один из тех, кто принимает арестантов. В этот день он объясняет доставленному под конвоем митрополиту Петроградскому и Ладожскому Питириму, что указания о его аресте не было, и обещает безопасно препроводить его обратно в Александро-Невскую лавру [Февральская революция, 1996, *122*]. Вечером 28 февраля в руки ВКГД самостоятельно сдается министр внутренних дел А.Д. Протопопов, его встречают Вершинин и Керенский [Февральская революция, 1996, *126*].

2 марта при ключевом участии ВКГД было сформировано Временное правительство, в которое перетекли 5 из 12 руководителей ВКГД (А.Ф. Керенский, П.Н Милюков, Н.В. Некрасов, В.Н. Львов, А.И. Коновалов). По факту еще несколько месяцев ВКГД принимал участие в управлении страной. Именно в этой структуре были придуманы революционные «комиссары» –

думские (изначально) представители, направлявшиеся в госучреждения, министерства, воинские части, региональные администрации. «В дни Февральской революции ВКГД заложил основы института носителей чрезвычайных полномочий – правительственных комиссаров» [Николаев, 1995, *49*].

2 марта В.М. Вершинин оглашает в заседающем тут же, в Таврическом дворце, Петроградском совете постановление ВКГД о том, что в программу действий Временного правительства войдет созыв Учредительного собрания [Февральская революция, 1996, *140*].

Сразу же после отречения над Николаем II и его семьей нависла угроза ранее сдерживаемого народного гнева. Многочисленные народные делегации требовали ареста и даже казни императорской фамилии. В такой ситуации члены Временного правительства понимали, что безотлагательный арест Романовых, во-первых, успокоит широкие массы, а во-вторых, обезопасит бывшую царскую семью от любых возможных инцидентов.

7 марта 1917 года Временное правительство принимает решение об аресте Николая II и о его сопровождении в Царское Село. В журнале заседания фиксируется: «Поручить генералу Михаилу Васильевичу Алексееву предоставить для охраны отрекшегося императора наряд в распоряжение командированных в Могилев членов Государственной Думы: Александра Александровича Бубликова, Василия Михайловича Вершинина, Семена Федоровича Грибунина и Савелия Андреевича Калинина» [Журналы, март – апрель 1917, *49–50*].

Выбор кандидатов для сопровождения бывшего царя осуществлялся в ВКГД. Удостоверения выдавались именно этой структурой [РГИА, ф. 1278, оп. 10, д. 6, *22*], докладная записка по окончании миссии сдавалась туда же [РГИА, ф. 1278, оп. 5, д. 1354, *22–23 об.*; ГАРФ, ф. 5881, оп. 2, д. 826, *3–4 об.*]. Четверка откомандированных думских депутатов представляла разные сословия и социальные группы: Бубликов – промышленник, Вершинин – купец, Грибунин – потомственный дворянин, Калинин – крестьянин.

Г.Е. Львов, глава первого Временного правительства, указывал впоследствии, что Вершинин был главным ответственным от Думы за «доставление» бывшего царя из Ставки [Дело об убийстве, 2015, *182*]. Кроме того, именно Вершинин составил по прибытии отчет о поездке [Скорбный путь, 2001, *65–67*]. Это первый уникальный исторический документ, который вышел из-под его пера.

7 марта, когда принималось решение об аресте бывшего царя, А.Ф. Керенский, министр юстиции в первом составе Временного правительства и заместитель председателя исполкома Петросовета, выступал в Москве и, соответственно, не участвовал в выборе членов делегации. Однако позже он подчеркивал, что в состав группы входил его «ближайший друг и коллега по парламенту В.М. Вершинин, которому впоследствии предстояло сопровождать царя в Тобольск» [Керенский, 2005, *108*].

В Ставку комиссары выехали поздно вечером 7 марта. 8 марта в Могилеве Вершинин впервые видит вдовствующую императрицу Марию Федоровну, наблюдающую за отъездом Николая II из окна своего вагона. Это была последняя ее встреча с сыном. Утром 9 марта, по завершении миссии, Вершинин передает бывшего царя начальнику гарнизона Царского Села полковнику Е.С. Кобылинскому. Их обоих через несколько месяцев ждет поездка в Тобольск.

С момента ареста бывшей царской семьи и до октябрьских событий ответственным от Временного правительства за Романовых становится А.Ф. Керенский. Он будет лично их инспектировать, принимать решения о порядке содержания, месте переезда и условиях охраны. В сферу его контроля попадут и родственники Николая II.

Документы свидетельствуют, что всю весну Вершинин активно работал в ВКГД: участвовал в заседаниях и мероприятиях, готовил и подписывал документы (в том числе за председателя М.В. Родзянко) [РГИА, ф. 1278, оп. 10, д. 6–7].

Сам Вершинин вспоминал: «Когда я вернулся из Могилевской поездки, то я начал разгружать Гос. Думу от поступивших в нее бумаг и предметов, отправляя бумаги текущего характера в соответствующие министерства и ведомства, а бумаги характера политического – в особый отдел Мин. Юстиции, заведующим которого был Щеголев, а предметы возвращать владельцам их, если представлялась возможность их установить» [ГАРФ, ф. Р-5881, оп. 2, д. 890, *1*].

Известно, что во второй половине марта Вершинин отстранил от работы в Военной комиссии полковника В. Сергеева, осуществлявшего надзор за внутренним порядком в Таврическом дворце, и дал распоряжение о его аресте. Сергеев в прошлом был жандармским офицером, кроме того, он небескорыстно оформлял пропуска на выезд из Петрограда [Николаев, 2002, *254*].

Как представитель ВКГД Вершинин посещал Петроградский совет. В протоколах зафиксировано, например, его участие в заседании исполкома 8 апреля 1917 года при обсуждении вопроса о реорганизации Военной комиссии [Петроградский совет, 1995, *80*].

В начале лета, 10 июня 1917 года, Вершинин пишет заявление о выходе из ВКГД: «Считаясь с постановлением Всероссийского съезда советов солдатских и рабочих депутатов, не считаю для себя возможным дальнейшее участие в занятиях Временного комитета Государственной Думы и прошу считать меня из состава Комитета выбывшим» [РГИА, ф. 1278, оп. 10, д. 7, *192*]. Причиной стала резолюция съезда «Об отношении к Государственной Думе и Государственному Совету», в которой советские депутаты посчитали бывшую Думу не облеченной никакой властью и, более того, центром контрреволюции. Свою последующую политическую деятельность Вершинин связывает с Временным правительством.

22 июня 1917 года в Петрограде В.М. Вершинина выбирают членом ЦК только что образованной Трудовой народно-социалистической партии,

в которую вошли прежние народно-социалистическая партия и думская Трудовая группа [Трудовая народно-социалистическая партия, 2003, *274*].

Уже к лету 1917 года назрела необходимость переместить семью бывшего царя подальше от Петрограда, чтобы обеспечить ее безопасность. Идея переезда Николая II в Англию, которая активно обсуждалась в марте, не была поддержана ни представителями советов, ни, в итоге, лондонскими политическими кругами.

Сам царь мечтал уехать в свое крымское имение. Но переезд в Ливадию, по воспоминаниям Керенского, был невозможен по двум причинам: «…съезд в Крыму представителей свергнутой династии уже начинал вызывать беспокойство. Кроме того, стоял нерешенный вопрос – как провести царский поезд через всю Россию с севера на юг?» [Керенский, 2005, *129*]. В своих показаниях следователю А.Н. Соколову Керенский добавлял: «Там уже проживали некоторые из великих князей и Мария Федоровна, и по этому поводу там уже шли недоразумения» [Дело об убийстве, 2015, *221*]. В итоге Керенский выбирает новым местом проживания Романовых удаленный Тобольск.

Чтобы проверить, действительно ли пригоден Тобольск для размещения царской семьи, Керенский посылает туда, как он пишет, «двух человек, которым я доверял полностью» [Керенский, 2005, *130*] – В.М. Вершинина и П.Н. Макарова[2]. Согласно Керенскому, из Тобольска его посланцы вернулись в середине июня с положительным решением. Вслед за Керенским про ознакомительную тобольскую командировку Вершинина и Макарова пишут и исследователи [Гончаров, Дмитриева, 2020]. Однако можно с большой долей вероятности утверждать, что такой поездки не было и Керенского в этом случае просто подвела память.

В записке Вершинина о его деятельности после Февральской революции никакая инспекционная поездка в Тобольск не упоминается [ГАРФ, ф. Р-5881, оп. 2, д. 890, *1*]. П.Н. Макаров, как следует из его недавно опубликованных мемуаров, узнал о высылке царской семьи в Тобольск от Керенского лишь 27 июля 1917 года [Гордеев, 2022, *182*]. Макаров также указывает, что человеком, который по просьбе Керенского проверял заранее губернаторский дом в Тобольске, был личный знакомый министра-председателя полковник М.П. Прединский, назначенный в июле 1917 года командующим войсками Омского военного округа [Гордеев, 2022, *184*].

---

[2] Макаров Павел Михайлович (1872–1922) – гражданский инженер, архитектор. С 1907 года активный член масонской ложи «Великий Восток народов России», с этого времени знаком с А.Ф. Керенским. За связь с террористом Б.В. Савинковым в 1911 году был арестован, затем выслан в Ригу. После Февральской революции был назначен помощником комиссара Временного правительства по управлению бывшим министерством двора. Занимался охраной имущества царских и великокняжеских дворцов и парков, делами бывших императорских театров. После Октябрьской революции служил в Белой армии при А.И. Деникине. Скончался в Берлине.

Макаров сообщает, что кандидатуру Вершинина в качестве еще одного представителя от Временного правительства он лично предложил Керенскому: «Мне казалось, и это мое мнение я передал Керенскому, что для избежания… возможных осложнений было в высшей степени необходимо в числе сопровождающих иметь лицо, могущее иметь вес в глазах народа и авторитет, и при этом само собою, разумеется, отнюдь не демагог, внутренне корректный человек и совершенно непричастный к пресловутому Совету рабочих депутатов, что могло подать повод думать о какой-то зависимости всего этого дела от Совета» [Гордеев, 2022, *175*].

Семья Николая II в сопровождении комиссаров Вершинина и Макарова, а также полковника Е.С. Кобылинского, которого назначили главой особого отряда по охране бывшего императора, выехала из Царского Села утром 1 августа.

Керенский лично написал подробную инструкцию для комиссаров [Скорбный путь, 2001, *102–104*]. Два раза в день, утром и вечером, сопровождающие телеграфировали в Петроград о пути следования. В ГАРФ сохранились три такие телеграммы [ГАРФ, ф. 601, оп. 2, д. 16–18].

Отзыв Вершинина о тобольской командировке зафиксировала княгиня Л.Л. Васильчикова: «…Государь… интересовался местностью, через которую он проезжал в первый раз. Императрица, напротив, ни на что не обращала внимания, занята была собственными мыслями и очень постарела» [Исчезнувшая Россия, 1995, *415*].

В.М. Вершинин опять взял на себя роль летописца: он составлял «журнал следования», который подписал по приезде у Николая II [ГАРФ, ф. Р-5881, оп. 2, д. 826]. Керенский в книге «Трагедия династии Романовых», цитировал этот документ, но в переводе на французский язык. В последующем русском переводе с французского различия с оригинальным архивным документом уже существенные [Керенский, 2005, *141–143*].

Через две недели после выезда из Петербурга, 14 августа 1917 года, удостоверившись, что царская семья хорошо устроилась в Тобольске, Вершинин и Макаров отправляются в обратный путь [Скорбный путь, 2001, *107*].

В то время как семья Николая II была вывезена в Тобольск, другие представители Императорского дома в большинстве своем находились под надзором в разных городах России, а некоторые проживали за границей. 20 из 65 членов Российского Императорского дома собрались в великокняжеских имениях в Крыму [Карушкина, 2023]. С 26 апреля их охраняла команда Севастопольского совета под руководством прапорщика В.М. Жоржолиани. Охрану установили по просьбе из центра – от А.Ф. Керенского. Однако Севастопольский совет не очень понимал, что делать с крымскими Романовыми, и даже запрашивал особого комиссара от Временного правительства с более четкими инструкциями [РГАВМФ, ф. Р-183, оп. 1, д. 43, *18–18 об.*]. Но до осени вопрос с правительственным комиссаром так и не был решен.

Пользуясь тревожными новостями «с материка» про корниловский мятеж, севастопольские большевики предлагают принять кардинальные меры в отношении крымских Романовых.

В августе в Севастополь приезжает талантливый большевистский агитатор – Н.И. Островская («товарищ Нина»). Ее выступления на корабельных и береговых митингах сыграют огромную роль в большевизации черноморских моряков и последующих актах красного террора зимой 1917–1918 годов.

29 августа на заседании исполкома Севастопольского совета Островская предложила «немедленно послать в Ялту миноносец с достаточным десантом и необходимыми средствами, произвести выемку лиц, кои могут угрожать положению революции в настоящий тревожный момент и доставить их в Севастополь» [РГАВМФ, ф. Р-181, оп. 1, д. 19, *121–121 об.*]. Предложение Островской было отвергнуто. Не в первый и не в последний раз Романовых в Крыму спасла выдержка Севастопольского совета.

Руководство Черноморского флота также понимало, что положение Романовых в Крыму становится опасным. Сохранилась телеграмма неизвестного отправителя от 29 августа 1917 года в походный штаб морского министра: «Почему до сих пор правительство не предприняло никаких мер по учреждению комиссариата на Южном берегу Крыма для наблюдения за семьей Романовых и другими столпами старого режима? Положение там тревожное и надо принять экстренные меры» [РГАВМФ, ф. 1311, оп. 1, д. 25, *24–25*].

Петроград наконец реагирует. 3 сентября правительственным комиссаром к крымским Романовым приказом Керенского назначается В.М. Вершинин [ГАРФ, ф. 1779, оп. 1, д. 283, *1*]. Это назначение было секретным, в журнале открытых заседаний Временного правительства никакого упоминания о нем нет [Журналы сентябрь – октябрь 1917, 2001, *47–48*]. На закрытом заседании 3 сентября, протокола которого не сохранилось, скорее всего, присутствовал А.И. Верховский, только что назначенный военным министром России. В апреле 1917 года именно Верховский руководил обысками у крымских Романовых и хорошо был осведомлен о ситуации [Карушкина, 2023].

4 сентября А.Ф. Керенский дает телеграмму командующему Черноморским флотом контр-адмиралу А.В. Немитцу: «Милостивый Государь Александр Васильевич, Временное правительство в заседании 3-го сего сентября назначило члена Государственной Думы Василия Михайловича Вершинина Комиссаром по охране вдовствующей императрицы Марии Федоровны и других лиц императорской фамилии, ныне находящихся в Крыму. Сообщая об изложенном, покорнейше прошу не отказать в возможном с Вашей стороны содействии В.М. Вершинину в исполнении возложенного на него поручения» [РГАВМФ, ф. Р-183, оп. 1, д. 6, *27*].

Удостоверение в канцелярии Временного правительства для выезда в Крым Вершинин получает 11 сентября [РГАВМФ, ф. Р-181, оп. 1, д. 53, *73*]. До

Севастополя он добирается 15 сентября, эту дату Вершинин фиксирует в докладе Керенскому [ГАРФ, ф. 1778, оп. 1, д. 281, *1*].

17 сентября Вершинина впервые упоминает в своем дневнике вдовствующая императрица Мария Федоровна: «Сандро[3] встретился с комиссаром Вершининым, который направлен Керенским для выяснения обстоятельств нашей здешней жизни и будет жить в Свитском доме» [Дневники императрицы, 2006, *213*].

Великая княгиня Ксения Александровна в письме С.Д. Шереметеву 7 октября так прокомментировала приезд правительственного надзирателя: «Из милости правительство прислало сюда комиссара (специально для мама) для посредничества между им (правит<ельством>) и Севастоп<ольским> комитетом (собач<ьих> депут<атов>), в руках которого мы фактически находимся уже 5 месяцев!» [Российский архив, 1995, *488*]

18 сентября Вершинин посылает шифрованную телеграмму Керенскому: «Вчера был в Ай-Тодоре. По словам Александра Михайловича, здоровье Марии Федоровны улучшается. Угрожающего ничего нет. Болела инфлюэнцей с осложнением в ухе. Помощь оказывали земский врач Михайлов и собственный доктор, ушной специалист Варавка. Михайлов издавна пользуется доверием семьи. Сиделкой известная семье сестра милосердия Громова. Болезнь протекла в не столь тяжелой форме и обстановке, как сообщалось газетами. Теперь больная чувствует себя еще слабой. Отношением охраны довольны, в частности, предупредительностью начальника Ждорджиани[4]. Завтра еду в Ялту. Упоминавшийся в сведениях Гусак оказался старшим поста охраны имения Чаир, благовидно его устраним. Высказывалось пожелание отменить введенные охраной в связи с корниловщиной ограничения пользования телефоном и времени пребывания вне дачи. Продовольствием удовлетворяются, испытывая лишь затруднения в получении крупчатки» [АВПРИ, ф. 134, оп. 473, д. 216].

Следующая сохранившаяся телеграмма Вершинина Керенскому датируется 21 сентября: «Здоровье Марии Федоровны значительно улучшилось, сегодня впервые покинула постель. Николай Николаевич[5] просит засвидетельствовать корректное отношение охраны. Он просит оставить командиром охраны нынешнего прапорщика Жоржолиани. Ввиду полного доверия Севастопольского исполнительного комитета охране, отличных отзывов охраняемых я благодарил команду за службу. Предполагаю обратиться к командующему флотом об откомандировании охраны в мое распоряжение» [ГАРФ, ф. 1778, оп. 1, д. 280, *1*].

---

[3]Сандро – домашнее имя великого князя Александра Михайловича.

[4] Так в тексте.

[5] Великий князь Николай Николаевич.

21 сентября Мария Федоровна пишет в дневнике: «Говорят, комиссар надеется на скорое улучшение условий нашей жизни, дескать, нынешнее правительство прекрасно понимает, что все это шоу для публики, с которой надо считаться, и что все постепенно наладится…» [Дневники императрицы, 2006, *214*].

22 сентября Вершинин составляет подробный доклад для Керенского о положении Романовых в Крыму [ГАРФ, ф. 1778, оп. 1, д. 281, *1–3*]. Для охраны трех имений – Ай-Тодора, Чаира и Дюльбера – комиссия по охране города и крепости Севастопольского совета выделила 72 человека. Большая часть из них – это матросы Черноморского флота, меньшая – солдаты Ялтинской дружины. Караульные помещения в каждом имении соединены между собой полевыми телефонами. Начальник охраны Жоржолиани проживает в имении Чаир, у него есть телефонная связь через Кореиз с Севастополем. Въезд и выезд в имения как арестованных, так и посторонних лиц строго контролируются. Разрешения выдаются только начальником охраны, он также цензурирует корреспонденцию. Севастопольский совет в мае планировал учредить тайную охрану для проживающих в имениях, поручив ее лицам из числа амнистированных. Но эта мера не была реализована.

Через месяц в стране происходит Октябрьский переворот, и Временное правительство, представлять которое приехал Вершинин, уходит с авансцены. Вершинин и Жоржолиани едут в Севастополь, чтобы разобраться в сложившейся ситуации. Возвращаются они оттуда 4 ноября [Дневники императрицы, 2006, *221*], но результат поездки неизвестен. 16 ноября Мария Федоровна пишет в дневнике: «Наш комиссар принял представителей из Севастополя, однако встреча происходила в полной тайне. Нам только сказали, что в Севастополе антибольшевистские настроения» [Дневники императрицы, 2006, *224*].

21 ноября Вершинин запрещает сыну великого князя Александра Михайловича Никите ехать в Ялту к зубному врачу из-за беспорядков. Мария Федоровна упоминает, что весь день Вершинин проводит в Дюльбере на заседании какой-то комиссии [Дневники императрицы, 2006, *225*].

В период с 24 ноября по 3 декабря 1917 года складывает свои комиссарские полномочия В.М. Жоржолиани. 23 ноября Мария Федоровна еще упоминает о нем на страницах своего дневника [Дневники императрицы, 2006, *226*], а 3 декабря ее обер-гофмейстер князь Г.Д. Шервашидзе пишет великому князю Николаю Михайловичу: «На место Жоржолиани прислан к нам новый депутат» [ГАРФ, ф. 670, оп. 1, д. 431, *18 об.*]. Очередным комиссаром крымских Романовых стал легендарный матрос Ф.Л. Задорожный, который через несколько месяцев спасет их от физической расправы.

В.М. Вершинин застревает в Крыму. Документов и свидетельств о его жизни после ноября 1917 года ранее почти не публиковалось. Однако в ГАРФ, РГАВМФ и Архиве города Севастополя находится несколько разрозненных документов послереволюционного времени, связанных с Вершининым.

В феврале и марте 1918 года Василий Михайлович пытается «сдать дела» новой власти. 27 февраля 1918 года датируется его записка из Ай-Тодора в комиссию охраны флота, крепости и города: «Чрез посредство товарища Задорожного я неоднократно обращался в Комиссию с просьбой принять имеющиеся у меня дела и суммы б. Комиссариата по охране лиц б. царской семьи, но ответа не получил. В настоящее время состояние моего здоровья и семейные обстоятельства побуждают меня вновь обратиться с той же просьбой и ходатайствовать перед Комиссией об ее удовлетворении» [ГКУ АГС, ф. Р-266, оп. 1, д. 12, *77*].

15 марта исполком Севастопольского совета выдает удостоверение некоему Евсюкову: «Дано сие члену Комиссии по охране крепости, флота и города Севастопольского Совета Военных и Рабочих Депутатов товарищу Евсюкову, командированному для приемки дел от Вершинина и перевода денег на имя Исполнительного комитета Севастопольского Совета в Севастопольское отделение Государственного Банка находящиеся на текущем счету Вершинина в Ялтинском отделении Г.Б.» [ГКУ АГС, ф. Р-266, оп. 1, д. 12, *198*].

25 марта 1918 года Задорожный обращается с заявлением в Севастопольский совет: «Бывший комиссар Временного правительства не получал содержания за январь – февраль и 16 дней марта 1918 г. Деньги и дела от него приняты членом комиссии по охр. креп. и флота тов. Евсюковым. Раньше он получал двадцать рублей в сутки. Кроме того, ему необходимо выдать удостоверение на беспрепятственный проезд в Барнаул, т.к. все его документы находятся в Исполнительном комитете» [РГАВМФ, ф. Р-181, оп. 1, д. 53, *72*].

28 марта Севастопольский совет выдает удостоверение Вершинину «в том, что он сдал все свои дела Комиссии охраны города и крепости Севастопольского совета военных и рабочих депутатов и что ему разрешается выезд из города Севастополя в Барнаул…» [РГАВМФ, ф. Р-181, оп. 1, д. 53, *71*]. 30 марта Исполком поручает хозяйственной комиссии Совета выдать жалование «бывшему комиссару над царскими узниками» в размере 960 руб. [РГАВМФ, ф. Р-181, оп. 1, д. 53, *100*].

Судя по всему, в Барнаул из Крыма Вершинин выехать не смог. В эти дни на Крымский полуостров заходили немецкие войска, транспортная связь с другими регионами страны была нарушена. Летом 1918 года, во время немецкой оккупации, Вершинин еще живет на Южном берегу. Упоминание об этом сохранилось в письме Г.Д. Гребенщикова И.А. Бунину из Ялты от 22 июля 1918 года (впервые данный факт упомянут в статье краеведа А. Муравлева в «Алтайской правде» от 14 ноября 2008 года «Комиссар Временного правительства»). Писатель Гребенщиков, знавший Вершинина по работе в газете «Жизнь Алтая», перечисляет знакомых в округе: «Есть и мои земляки, член Думы, Вершинин» [Бунин и Гребенщиков, 2002, *229*].

До сих пор неизвестно, как и когда Вершинин оказался в эмиграции. Возможно, он покинул Крым в апреле 1919 года одновременно с Романовыми, но не на одном с ними корабле. Имени Вершинина нет в списках пассажиров линкора «Мальборо», на котором англичане вывезли бывших членов Императорского дома [Pridham, 1956, *160–162*].

Первые документальные свидетельства о жизни В.М Вершинина в эмиграции относятся к концу 1920 года. 7 декабря на заседании заграничного комитета трудовой народно-социалистической партии обсуждается созданная эсерами во главе с А.Ф. Керенским группа для борьбы с большевиками. В нее входит и трудовик В.М. Вершинин [Трудовая народно-социалистическая партия, 2003, *462*]. Эта группа – внепартийный административный центр (1920–1922), созданный преимущественно эсерами-эмигрантами для свержения советской власти и утверждения в России республики на принципах Февраля. С активными участниками административного центра: А.Ф. Керенским, В.М. Зензиновым, И.М. Брушвитом, Б.Н. Рабиновичем – Вершинин интенсивно сотрудничает в 1920-х годах. В ГАРФ хранятся письма Вершинина из Праги и Парижа и другие документы с 1921 по 1929 год [ГАРФ, ф. Р-5879, оп. 1, д. 10; ГАРФ, ф. Р-5893, оп. 1, д. 85]. Конспиративный административный центр, в котором В.М. Вершинин проходил под псевдонимом Платон, свернул свою работу после подавления в СССР Кронштадтского восстания, а его создатели продолжили заниматься издательской деятельностью. Судя по архивным данным, Вершинин входил в руководство эмигрантских изданий «Воля России», «Голос России», «Дни» (в 1922–1925 годах – в Берлине, в 1925–1933 годах – в Париже), занимался финансовыми и организационными вопросами. Из-за хронического безденежья он был вынужден параллельно заниматься также коммерческими проектами.

В эмиграцию Вершинин выехал без супруги. Летом 1922 года, когда Анфиса Васильевна Вершинина (род. 20 августа 1879 года в Петрозаводске, Олонецкой губернии) приехала из Сибири в Москву, выездную визу в Чехию ей помог получить И.М. Брушвит [ГАРФ, ф. Р-5879, оп. 1, д. 10, *8*]. Детей у Вершининых, по-видимому, не было, за границей они помогали финансово племяннице Василия Михайловича, учившейся в парижском зубоврачебном институте [ГАРФ, ф. Р-5879, оп. 1, д. 10, *22*].

В 1922 году Вершинин вступил в масонскую ложу, возможно, последним из своих соратников, которые в большинстве своем стали масонами еще до революции. Краткую информацию об этом в книге «Люди и ложи» опубликовала Н.Н. Берберова [Берберова, 1986, *116*]. Видимо, именно ошибку Берберовой иногда повторяют в биографиях Вершинина, когда называют его эсером [Соколов, 1998, *440*]. Вершинин никогда не был членом партии социалистов-революционеров, но вращался в эмиграции именно в эсеровских кругах.

В мемуарной литературе содержится невероятно мало личностных характеристик В.М. Вершинина. Он всегда оставался как будто в тени. Редкие же сохранившиеся свидетельства мало лицеприятны.

Княгиня Л.Л. Васильчикова, встретившая Вершинина в поезде, идущем из Петрограда в Крым в 1917 году, так охарактеризовала попутчика: «На мой вкус, он был чересчур радикален, но вместе с тем имел наружность буржуя, опьяненного своей значимостью. Не могу сказать, что он отличался большой словоохотливостью, он был для этого слишком важен» [Исчезнувшая Россия, 1995, *414*].

Пару фраз уделил Вершинину в своих мемуарах Ф. Юсупов, теща которого, великая княгиня Ксения Александровна, находилась под надзором в Ай-Тодоре: «…приехал человек от Керенского. Он всего боялся и ничего не мог. Лучше при нем не стало» [Юсупов, 2022, *235*].

Князь Г.Д. Шервашидзе составил такое представление о комиссаре: «Я познакомился с Вершининым и Жоржолиани (гуриец); они оба произвели на меня недурное впечатление. Первый представляет из себя тип добродушного, но темного утописта непереваренных социалистических теорий…» [ГАРФ, ф. 670, оп. 1, д. 431, *15*].

Через много лет в эмиграции великая княгиня Ксения Александровна в письме к А.А. Оболенской от 28 октября 1938 года писала: «…“все образуется”, как говорил наш комиссар Панкратов в Ай-Тодоре, которого Шервашидзе называл не иначе как “ослятина” или “остолоп”» [Письма, 2013, *382*]. Ксения Александровна, очевидно, допустила тут ошибку и имела в виду Вершинина, а не Панкратова (В.С. Панкратов был комиссаром Временного правительства в Тобольске при семье Николая II).

И только в письме Ксении Александровны брату – Николаю II в Тобольск от 30 ноября 1917 года сохранились теплые строки о Василии Михайловиче: «Наш комиссар, знакомый вам Вершинин, – очень любезный и милый человек, но ввиду создавшегося положения потерявший почву под ногами, ничего не может решать или разрешать помимо Севастопольского комитета» [ГАРФ, ф. 601, оп. 1, д. 1274, *269–270*].

В истории Февраля В.М. Вершинин останется не только в роли комиссара царской семьи, но и в роли летописца революции. Кроме того, что он является автором исторических отчетов о жизни Романовых под арестом, Вершинин, будучи членом ВКГД, лично инициировал составление «Протокола событий Февральской революции» – детального описания событий 27 февраля – 4 марта в Петрограде. В канцелярии ВКГД были собраны документы тех дней, стенографированы показания свидетелей. Перед отъездом Вершинина в Крым «Протокол» был отредактирован и передан в Гостипографию для печати, но его публикация в 1917 году не состоялась. Единственную копию «Протокола», наряду с журналами сопровождения Николая II и другими историческими документами,

Вершинин захватил с собой, отправляясь в Севастополь. Эти документы пылились много месяцев в комнатах второго этажа Свитского дома Ай-Тодора, которые он занимал. Затем Вершинин вывез бумаги из России. В 1929 году он передал документы в Русский заграничный исторический архив в Праге. После Великой Отечественной войны архив вывезли в СССР и разместили сначала в закрытых фондах, а позже передали в открытый доступ в ГАРФ. «Протокол событий Февральской революции» [ГАРФ, ф. Р-5881, оп. 2, д. 823], чудом уцелевший исторический документ, впервые был опубликован только в 1996 году [Февральская революция, 1996, *109–145*].

Умер Вершинин в Праге, дата смерти неизвестна. 28 июня 1946 года в нью-йоркском «Новом русском слове» был опубликован некролог. Газета сообщила в числе прочего о последних годах жизни Вершинина: «События второй мировой войны его застигли в Праге. Немецкая оккупация Чехословакии тяжело отразилась на его здоровье. Болезнь осложнилась психическим расстройством. Умер Василий Михайлович в психиатрической лечебнице».

ЛИТЕРАТУРА

Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ).

Архив города Севастополя (ГКУ АГС).

Берберова Н.Н. Люди и ложи: Русские масоны XX столетия. Нью-Йорк, 1986. 300 с.

В Государственной Думе // Искры. 1914. № 16 (27 апреля). С. 122.

Гончаров Ю.М., Дмитриева Л.М. Василий Михайлович Вершинин – барнаульский купец в русской истории // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. 2020. Т. 32. С. 51–62.

Гордеев П.П. Гражданский инженер П.М. Макаров и его воспоминания о революции и царской семье. СПб., 2022. 244 с.

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ).

Дело об убийстве императора Николая II, его семьи и лиц их окружения. В 2 т. М., 2015. Т. 2. 431 с.

Дневники императрицы Марии Федоровны (1914–1920, 1923 годы). М., 2006. 704 с.

Журналы заседаний Временного правительства. Март – октябрь 1917 г. В 4 т. Т. 1: Март – апрель 1917 г. // Архив новейшей истории России. Т. VII. М., 2001.

Журналы заседаний Временного правительства. Март – октябрь 1917 г. В 4 т. Т. 4: Сентябрь – октябрь 1917 г. // Архив новейшей истории России. Т. X. М., 2001.

Зензинов В.М. Февральские дни // Новый журнал. 1953. Кн. XXXV. С. 208–240.

И.А. Бунин и Г.Д. Гребенщиков. Переписка / вступ. ст., публ. и прим. В.А. Росова // С двух берегов. Русская литература XX века в России и за рубежом. М., 2002. 824 с.

Исчезнувшая Россия: Воспоминания княгини Лидии Леонидовны Васильчиковой (1866–1919). СПб., 1995. 544 с.

Карушкина Н.В. Обыски у бывших членов Императорского дома в Крыму в апреле 1917 г. // Новейшая история России. 2023. № 2. С. 305–321.

Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте. М., 1993. 384 с.

Керенский А.Ф. Трагедия династии Романовых. М., 2005. 205 с.

Николаев А.Б. Государственная дума в Февральской революции: очерки истории. Рязань, 2002. 301 с.

Николаев А.Б. Комиссары Временного комитета Государственной Думы (февраль – март 1917 г.): персональный состав // Из глубины времен. 1995. № 5. С. 46–74.

Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. В 4 т. Т. 2 (1 апреля – 5 мая 1917 г.). СПб., 1995. 578 с.

Письма (1918–1940) к княгине А.А. Оболенской / имп. Мария Федоровна, вел. кн. Ольга Александровна, вел. кн. Ксения Александровна. М., 2013. 496 с.

Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. Т. VI. М., 1995. 704 с.

Российский государственный архив военно-морского флота (РГАВМФ).

Скорбный путь Романовых (1917–1918 гг.). Гибель царской семьи: сборник документов и материалов / отв. ред. и сост. В.М. Хрусталев, при участии М.Д. Стейнберга // Архив новейшей истории России. Серия: Публикации. Т. III. М., 2001. 320 с.

Соколов Н.А. Предварительное следствие 1919–1922 гг. / сост. Л.А. Лыкова. М., 1998. 464 с.

Трудовая народно-социалистическая партия: Документы и материалы / сост. А.В. Сыпченко, К.Н. Морозов. М., 2003. 624 с.

Февральская революция 1917 года: сб. док. и материалов / сост. О.А. Шашкова, отв. ред. А.Л. Степанский, В.И. Миллер. М., 1996. 353 с.

Юсупов Ф. Мемуары в двух книгах. М., 2022.

Pridham F. Close of a dynasty. London, 1956. 176 p.

N.V. Karushkina
Independent Researcher
Saint Petersburg, Russia

Vasily Mikhailovich Vershinin – a Commissar of the Romanov Family and a Chronicler of the Revolution

Vasily Mikhailovich Vershinin is a little-known participant of the February Revolution in Russia. His activities in 1917 were hardly subjected to research. Meanwhile, Vershinin was a confidant of the leader of the Provisional Government, A.F. Kerensky, also he was appointed three times as a commissar to oversee former members of the Romanov family. For the first time, as a member of the Provisional Committee of the State Duma, on March 7–9, 1917, he accompanied the abdicated Emperor Nicholas II from Mogilev to Tsarskoe Selo. In August, already as a representative of the Provisional Government, Vershinin participated in the relocation of the former tsar's family to Tobolsk. In September, he was appointed a government commissar supervising former members of the Imperial House of Romanov in the Crimea, where the mother of Nicholas II, Maria Feodorovna, his two sisters, Olga and Xenia, and other members of the royal family were kept under arrest. In addition, V.M. Vershinin is the author and initiator of unique historic documents – the journals of Nicholas II journeys to Tsarskoe Selo and Tobolsk, as well as the «Protocol of the February Revolution». The «Protocol», the only copy of which Vershinin took into exile, was drawn up by deputies of the State Duma who were eyewitnesses of the events that took place in Petrograd and the Tauride Palace on the first days of the revolution. The article uses previously unpublished archival materials and corrects historiographic errors.

Key words: *Vershinin; February Revolution; Provisional Committee of the State Duma; Romanovs; Russian Imperial House.*

REFERENCES

Archive of Foreign Policy of the Russian Empire (AFPRE) [Arhiv vneshnej politiki Rossijskoj imperii (AVPRI)]. (in Russian).

Archive of the city of Sevastopol (State cadastral registration ACS) [Arhiv goroda Sevastopolya (GKU AGS)]. (in Russian).

Berberova N.N. People and lodges: Russian Masons of the 20th century [Lyudi i lozhi: Russkie masony XX stoletiya]. New York, 1986. (in Russian).

In the State Duma [V Gosudarstvennoj Dume] *Sparks* 1914. April 27, no. 16. P. 122. (in Russian).

Goncharov Yu.M., Dmitrieva L.M. Vasily Mikhailovich Vershinin - Barnaul merchant in Russian history [Vasilij Mihajlovich Vershinin – barnaul'skij kupec v russkoj istorii]. *Issues of Irkutsk state university. Series: History.* 2020. Vol. 32. pp. 51−62. (in Russian).

Gordeev P.P. Civil engineer P.M. Makarov and his memories of the revolution and the royal family [Grazhdanskij inzhener P.M. Makarov i ego vospominaniya o revolyucii i carskoj sem'e]. Saint Petersburg, 2022. (in Russian).

State Archive of the Russian Federation (SARF) [Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii (GARF)]. (in Russian).

The case of the murder of Emperor Nicholas II, his family and those around them [Delo ob ubijstve imperatora Nikolaya II, ego sem'i i lic ih okruzheniya]. In 2 vols. Vol 2. Moscow, 2015. (in Russian).

Diaries of Empress Maria Feodorovna (1914–1920, 1923) [Dnevniki imperatricy Marii Fedorovny (1914–1920, 1923 gody)]. Moscow, 2006. (in Russian).

Journals of meetings of the Provisional Government. March–October 1917. Part vol. Vol. 1. March–April 1917 [Zhurnaly zasedanij Vremennogo pravitel'stva. Mart–oktyabr' 1917 g. V 4 t. T. 1. Mart–aprel' 1917 g]. *Archive of Contemporary Russian History.* Vol.VII. Moscow, 2001. (in Russian).

Journals of meetings of the Provisional Government. March–October 1917. In 4 volumes. Vol. 4. September–October 1917 [Zhurnaly zasedanij Vremennogo pravitel'stva. Mart–oktyabr' 1917 g. V 4 t. T. 4. Sentyabr'–oktyabr' 1917 g.]. *Archive of modern Russian history.* Vol.X. Moscow, 2001. (in Russian).

Zenzinov V.M. February days [Fevral'skie dni]. *New magazine* 1953. Book XXXV. pp. 208−240 (in Russian).

I.A. Bunin and G.D. Grebenshchikov. Correspondence [I.A. Bunin i G.D. Grebenshchikov. Perepiska]. Introductory article and remarks by Rosova V.A. From both banks. Russian literature of the twentieth century in Russia and abroad. Moscow, 2002. (in Russian).

Vanished Russia: Memoirs of Princess Lydia Leonidovna Vasilchikova (1866–1919) [Ischeznuvshaya Rossiya: Vospominaniya knyagini Lidii Leonidovny Vasil'chikovoj (1866–1919)]. Saint Petersburg, 1995. (in Russian).

Kerensky A.F. Russia at a historical turning point [Rossiya na istoricheskom povorote]. Moscow, 1993. (in Russian).

Kerensky A.F. The tragedy of the Romanov dynasty [Tragediya dinastii Romanovy]. Moscow, 2005. (in Russian).

Nikolaev A.B. The State Duma in the February Revolution: Essays on History [Gosudarstvennaya duma v Fevral'skoj revolyucii: ocherki istorii]. Ryazan, 2002. (in Russian).

Nikolaev A.B. Commissioners of the Provisional Committee of the State Duma (February–March 1917): personnel [Komissary Vremennogo komiteta Gosudarstvennoj Dumy (fevral'–mart 1917 g.): personal'nyj sostav]. *From the depths of time.* 1995, no. 5. pp. 46–74. (in Russian).

Karushkina N.V. Searches of former members of the Imperial House in Crimea in April 1917 [Obyski u byvshih chlenov Imperatorskogo doma v Krymu v aprele 1917 g.] *Latest history of Russia.* 2023, no 2. (in Russian).

Petrograd Council of Workers' and Soldiers' Deputies in 1917 [Petrogradskij sovet rabochih i soldatskih deputatov v 1917 godu]. In 4 vols. Vol. 2 (April 1 – May 5, 1917). Saint Petersburg, 1995. (in Russian).

Letters (1918–1940) to Princess A.A. Obolenskoy by Empress Maria Fedorovna, Grand Princess Olga Alexandrovna, Grand princess Ksenia Alexandrovna [Pis'ma (1918–1940) k knyagine A.A. Obolenskoj / imp. Mariya Fedorovna, vel.kn. Ol'ga Aleksandrovna, vel. kn. Kseniya Aleksandrovna]. Moscow, 2013. (in Russian).

Russian archive: History of the Motherland in evidence and documents of the 18th–20th centuries [Rossijskij arhiv: Istoriya Otechestva v svidetel'stvah i dokumentah XVIII–XX vv.]. Vol. VI. Moscow, 1995. (in Russian).

Russian State Archive of the Navy (RSAN) [Rossijskij gosudarstvennyj arhiv voenno-morskogo flota (RGAVMF)]. (in Russian).

The Sorrowful Path of the Romanovs (1917–1918). The death of the royal family: a collection of documents and materials [Skorbnyj put' Romanovyh (1917–1918 gg.). Gibel' carskoj sem'i: sbornik dokumentov i materialov] Compiled and edited by Hrustalev V.M. together with Steinberg M.D. Archive of modern Russian history. Series "Publications". Vol .III. Moscow, 2001. (in Russian).

Sokolov N.A. Preliminary investigation 1919–1922 [Predvaritel'noe sledstvie 1919–1922 gg.]. Compiled by Likova L.A. Moscow, 1998. (in Russian).

Labor People's Socialist Party: Documents and materials [Trudovaya narodno-socialisticheskaya partiya: Dokumenty i materialy]. Compiled by Sipchenko A.V., Morozov K.N. Moscow, 2003. (in Russian).

February Revolution of 1917: collection of documents and materials [Fevral'skaya revolyuciya 1917 goda: sb. dok. i materialov]. Compiled by Shashkova O.A., edited by Stepnskyi A.L., Miller V.I. Moscow, 1996. (in Russian).

Yusupov F. Memoirs in two books [Memuary v dvuh knigah]. Moscow, 2022. (in Russian).

F. Pridham. Close of a dynasty. London, 1956. (in English).

М.А. Трусова

Рязанский государственный медицинский университет им. И.П. Павлова
Рязань, Россия

УДК 94

DOI 10.35785/2072-9464-2023-63-3—135-145

ГЕРМАНСКИЙ КРЕДИТ СССР В ДВУСТОРОННИХ ПЕРЕГОВОРАХ И С ПОЗИЦИИ ЗАПАДНЫХ ДЕРЖАВ

Ключевые слова: *советско-германские отношения; внешняя политика СССР; внешняя политика Германии; НЭП; иностранные кредиты.*

Начало 1920-х годов стало периодом восстановления государств, участвовавших в Первой мировой войне. В Советской России этот процесс происходил в рамках НЭПа, который требовал, в числе прочего, вложений иностранного капитала. После Октябрьской революции 1917 года советское правительство аннулировало долги царского и временного правительств, а обсуждение долгов со странами Антанты не привело к

достижению взаимоприемлемого решения. В связи с этим для Советской России, а в последующем и СССР, одним из важных экономических партнеров стала Германия, которая в числе первых пошла на установление экономических и политических отношений с советским государством. Статья посвящена изучению проблемы предоставления кредита СССР Германией. Автор раскрывает сложности и противоречия, которые сопровождали переговорный процесс, а также позицию Великобритании и США по отношению к германо-советским кредитным переговорам.

В начале 1920-х годов перед советской властью стояла важнейшая задача восстановления народного хозяйства, значительно пострадавшего в годы Первой мировой и Гражданской войн. Весной 1921 года Советская Россия перешла к новой экономической политике, основанной на сочетании различных форм собственности, использовании рыночных методов при государственном регулировании. Одним из важных вопросов при реализации НЭПа стало привлечение иностранного капитала. Восстановление экономики могло быть ускорено в случае предоставления советскому государству полноценного кредита. Получению займов препятствовало аннулирование советским правительством долгов царской России, произошедшее вскоре после Октябрьской революции 1917 года. Первая попытка обсуждения с западными странами возможности предоставления крупного кредита была предпринята в ходе Генуэзской конференции 1922 года. По мнению исследователя Ю.М. Голанда, «главным камнем преткновения на пути к достижению договоренности на Конференции стала проблема компенсации иностранным собственникам национализированных после Революции предприятий» [Голанд, 2022, *187*]. Были попытки поиска и обсуждения компромиссного варианта, но «обязательным условием компромисса назывался немедленный крупный заем (примерно миллиард долларов). Это условие в таком конкретном размере, равном 2 млрд. золотых руб., было в принципе невыполнимым: правительства европейских стран в то время не имели столько свободных средств» [Голанд, 2022, *187*].

После провала попыток обсуждения вопросов о предоставлении кредита в ходе Генуэзской и последующей Гаагской конференции 1922 года советское правительство перешло к активной политике привлечения иностранного капитала в форме концессий, для чего «в стране была создана разветвленная сеть концессионных органов – комитетов союзных республик, комиссий союзных и республиканских наркоматов… Концессионные комитеты в разные периоды времени создавались в Германии, Англии, Франции, Италии, Японии и Швеции» [Муравьева, 2002, *64*].

Одним из важнейших партнеров для Советской России стала Германия, с которой были заключены торговый договор [Собрание узаконений, 1944, *878–882*] 1921 года и соглашение о полном дипломатическом признании – Рапалльский договор [ДВП, 1961, 5, *223–224*] 1922 года. Еще в 1921 году в Бер-

лине был создан Гарантийный и кредитный банк для Востока (Гаркребо), который должен был содействовать привлечению иностранного капитала в Советскую Россию и финансировать советско-германскую торговлю. На начальном этапе установления дипломатических и экономических отношений Германия не рассматривалась советским руководством как возможный источник полноценного кредитования. В период подготовки торгового договора с Германией профессором Е.С. Варгой был сделан доклад о хозяйственном положении дел в Германии, в котором он сформулировал следующий вывод: «Что же касается возможности оказания России кредита со стороны Германии, а также возможности приложения германского капитала в России, то они представляются крайне незначительными ввиду крайнего недостатка капитала в Германии» [Москва – Берлин, 2011, 1, *81*].

В свою очередь, германское руководство уже с 1921 года начало рассматривать Советскую Россию в качестве привлекательного торгово-экономического партнера, отмечая при этом, что Германия имела определенные преимущества по сравнению с другими западными государствами. К ним относились географическое положение, многолетний опыт экономического сотрудничества, знание страны и народа. Высказывалось мнение, что «русские возлагают все свои надежды на помощь Германии в восстановлении экономики, а другие государства, заинтересованные в России, стремятся к сотрудничеству с Германией в той мере, в какой им это кажется необходимым» [ADAP, 1987, A5, *354*].

В январе 1922 года советские представители попытались поднять вопрос о предоставлении кредита в 300 млн марок. Однако германские промышленники не готовы были заключать подобные соглашения, поскольку это могло негативно сказаться на отношениях с западными державами. Представитель фирмы «Крупп» О. Витфельд заявил: «Мы готовы к ряду отдельных сделок. Вопрос о кредите остается открытым» [Ахтамзян, 1974, *56*].

К 1923 году в рамках переговоров по германо-советскому взаимодействию и торговле СССР начал поднимать вопросы о возможности предоставления Германией долгосрочного кредита для финансирования и развития той или иной отрасли. Так, например, долгосрочный кредит на 10 лет обсуждался в рамках переговоров с германской военной комиссией, однако он был отклонен Германией, поскольку, как докладывала советская делегация, «по мнению ген. Гассе, при существующих условиях является формой, близкой к бесплатности» [Москва – Берлин, 2011, 1, *148*]. Также вопрос о предоставлении кредита поднимался и в период обсуждения советско-германского хлебного договора 1923 года. В результате переговоров было заключено соглашение, в соответствии с которым «Имперское кредитное общество предоставляло аккредитив в золотых марках в качестве аванса в счет поставок зерна...» [Целищев, 2023, *130*].

Уже к концу 1924 года кредитные отношения Германии и СССР значительно расширились, о чем свидетельствовала статистика, приведенная заместителем наркома иностранных дел М.М. Литвиновым при подготовке доклада об экономических и политических отношениях СССР с Германией: «За первые 4 месяца истекшего года торгпредство получило кредит в сумме 6 432 000 золотых руб., что составляло около 25% общей суммы импорта за эти месяцы. За последние 4 месяца (август – ноябрь) сумма полученного кредита выражается цифрой 12 750 000 золотых руб., что дает около 45% импортного оборота за эти месяцы. При этом условия кредита в смысле сроков нисколько не ухудшились, а наоборот. Как общее правило, кредит при наших закупках дается на 4–12 месяцев; при более крупных сделках кредит доходит и до двух лет» [Москва – Берлин, 2011, 1, *448*].

В период германо-советских переговоров о заключении торгового договора в 1925 году одним из важных и спорных вопросов стало предоставление Германией кредитов СССР. Германия предлагала создать группу банкиров и промышленников, которая предоставит кредит в размере 250 млн марок на покрытие советских закупок в Германии. Подобная сумма категорически не устраивала советскую делегацию, о чем Я.С. Ганецкий докладывал И.В. Сталину, поясняя: «Минимальная сумма, о которой по моему мнению, можно говорить – это по 200 млн. марок ежегодно в течение трех лет, т.е. 60 млн. марок» [Москва – Берлин, 2011, 1, *482*]. Несмотря на то что советская делегация была готова пойти на уступки и снизить размеры и сроки кредитования, к августу 1925 года германская делегация заняла позицию, согласно которой отказывалась «от прямого обязательства включить в договор, что германское правительство гарантирует эти кредиты» [Москва – Берлин, 2011, 1, *590*]. Советская делегация была согласна отказаться от требования включить в текст договора отдельный пункт, касающийся германских кредитов [Москва – Берлин, 2011, 1, *615*]. Тем не менее дальнейшее обсуждение кредитного вопроса в рамках подготовки торгового договора не велось и стало предметом для отдельного длительного обсуждения между представителями государств.

В августе 1925 года уполномоченный ВСНХ СССР при торговом представительстве в Германии И.М. Файнгара докладывал в Москву, что Рейхсбанк был готов предоставить советскому торгпредству кредит в размере 100 млн золотых марок для приобретения товаров германского происхождения. Однако данное предложение было отвергнуто торгпредством: «Торгпредство в предварительных переговорах сообщило, что оно не может использовать предложенный кредит ввиду отсутствия в Германии необходимых нам биржевых товаров и что таковых может набраться всего на 15–17 млн. марок» [Москва – Берлин, 2011, 1, *611*]. По мнению И.М. Файнгара, истинные причины отказа заключались в том, что «инициатива всех этих переговоров исходит не из вне-

шторговских кругов, а из Госбанка. Вопрос этот упирается в торговую политику торгпредства в отношении отдельных товаров, например, сахара, который оно не покупает в Германии» [Москва – Берлин, 2011, 1, *611*].

В 1926 году кредитный вопрос как для отдельных отраслей промышленности, так и для всей экономики начал обсуждаться более детально. В январе 1926 года И.В. Сталину был представлен доклад о положении дел в экономике Германии, в котором выводы основывались на докладах Г. Шеффера, главы экономического департамента Министерства народного хозяйства Германии, и К. Ланге, генерального директора Союза германских машиностроительных заводов. В своих докладах Г. Шеффер и К. Ланге указывали на то, что главный способ подъема производства Германии – экспорт в СССР, который должен, в числе прочего, осуществляться и при помощи германских кредитов: «Д-р Шеффер назвал СССР будущим должником Германии» [Москва – Берлин, 2011, 1, *672*]. В докладе также приводилось сообщение о том, что германское правительство «дает СССР под разными соусами 300 млн. кредита – 150 млн. долгосрочного и 150 млн. краткосрочного» [Москва – Берлин, 2011, 1, *672*]. На появившиеся сообщения незамедлительно отреагировал глава Восточного отдела МИД Германии В. Вальрот, направив в Москву телеграмму, в которой он отрицал обсуждение кредитного соглашения и отмечал, что «переговоры были направлены на то, чтобы способствовать облегчению положения германской экономики посредством гарантий от государства и упрощения процесса размещения советских векселей» [ADAP, B2.1, *115*]. Однако уже 26 января министр иностранных дел Г. Штреземан и министр экономики Ю. Курциус обратились к немецкому правительству с меморандумом, в котором обосновывали необходимость расширения германо-советских экономических отношений как основы для развития германской промышленности с целью предотвращения кризиса перепроизводства [ADAP, 1967, B2.1, *145–153*].

Сразу после появления сообщений о возможном кредитовании СССР со стороны Германии возникла дискуссия о распределении средств между отдельными отраслями промышленности, а также начали проявлять активность промышленники, одним из которых являлся Отто Вольф, оптовый торговец железом. При этом советское руководство придерживалось мнения, что от решений кредитного вопроса будет зависеть экономическое положение самой Германии: «Конечно, с немцами дело надо кончать или теперь же или совсем их оставить в покое. Если их дела пойдут еще хуже, что непременно будет без советского допинга, то многие заводы совсем станут или будут неспособны исполнить наши заказы. Тогда даже при наличии кредита германские промышленники не в силах будут поднять наши заказы, и германская промышленность будет потихоньку протягивать ноги» [Москва – Берлин, 1, *675–676*]. Кроме того, скорейшее согласование суммы и условий кредита было необходимо в условиях проведения переговоров с другими государствами. Член президиума ВСНХ Л.Д. Троцкий, докладывая

о значении Германии для советской экономики, указывал: «Телеграмма Бродовского и Бегге о решении немецкого правительства организовать для нас кредит еще на 200 млн., кроме 100 млн. Вольфа, создает или, по крайней мере может создать совершенно новую ситуацию в отношении переговоров с Францией» [Москва – Берлин, 2011, 1, *679*].

Обсуждение условий германского кредита СССР осложнялось противоречиями между германскими правительственными кругами и заинтересованными промышленниками. Основные положения, которые удалось согласовать на первом этапе, – это сумма кредита в 300 млн марок, которые предполагалось разделить на 2 части – 150 млн марок через фирму О. Вольфа, а 150 млн с условием погашения в течение четырех лет. При этом германское правительство допускало предоставление кредита не только нефтяной, но и другим отраслям промышленности, в чем абсолютно не была заинтересована группа О. Вольфа. О существовавших в тот момент противоречиях между правительственными и бизнес-кругами сообщал в январе 1926 года член коллегии НКИД Б.С. Стомоняков: «Заседание с группой Вольфа выяснило ее энергичное стремление воспротивиться использованию кредита для другой немецкой промышленности и сохранить его для тяжелой и электрической промышленности» [Москва – Берлин, 2011, 1, *682*]. Для получения прибыли от использования германского кредита О. Вольф предпринимал различные шаги – от переговоров с советским торгпредством до переговоров с банкирами с целью получения более выгодных условий. В период проведения переговоров отдельные предложения о предоставлении кредита поступали от крупных фирм, что свидетельствует о заинтересованности германских промышленников в экономическом партнерстве с СССР. О подобной тенденции в феврале 1926 года сообщал Б.С. Стомоняков: «Ряд крупных фирм, в том числе сам “Вольф”, и “ВЭК”, предлагают, не дожидаясь исхода переговоров с группой Вольфа и банковским консорциумом, немедленно заключить с ними сепаратные договоры о четырехлетнем кредите, причем они берутся организовывать каждый для себя финансирование этих кредитов» [Москва – Берлин, 2011, 1, *723*].

Дополнительным фактором, который влиял на проведение переговоров со стороны Германии, было давление Великобритании, которая стремилась противодействовать заключению соглашения о кредитах. Об английском вмешательстве в разгар переговорного процесса сообщал Б.С. Стомоняков: «Лапинский докладывает в НКИД о том, что по достоверным сведениям Чемберлен уже протестовал в Берлине против предоставления нам этих кредитов» [Москва – Берлин, 2011, 1, *744*]. Одним из механизмов влияния на принятия решений о кредитах стало давление через банки. О вмешательстве английских банков Б.С. Стомоняков докладывал 23 февраля 1926 года, отмечая что «крупные лондонские банки оказали давление на берлинские банки с целью побудить их отказаться от финансирования 300-миллионных кредитов для СССР» [Москва – Берлин, 2011, 1, *766*].

По его донесениям, английское правительство также рекомендовало Германии не заключать соглашение с СССР «хотя бы до конференции о разоружении» [Москва – Берлин, 2011, 1, *766*]. Великобритания стремилась также оказывать влияние на ход переговоров по дипломатическим каналам. Так, в апреле 1926 года британский посол в Германии Э. д'Абернон в беседе со статс-секретарем МИД Германии К. Шубертом сообщал о крайней опасности предоставления кредита СССР ввиду возможной нестабильной экономический ситуации в стране: «Во время своего сегодняшнего визита лорд д'Абернон сказал мне, что он опасается, что в ближайшем будущем в трех странах – Франции, Польше и СССР – произойдут крупные финансовые катастрофы» [ADAP, 1967, B2.1, *386*].

Советские дипломаты пытались одновременно проводить переговоры о закупках необходимого оборудования и кредитах с Великобританией и другими странами. В июне 1926 года о необходимости проведения переговоров сообщал нарком иностранных дел Г.В. Чичерин: «Несмотря на все усилия английского правительства, конъюнктура для получения нами кредита неплоха, даже в самой Англии. Посетивший меня на днях поверенный в делах Великобритании Ходжсон сообщил мне с большим удовлетворением о ряде крупных сделок в кредит, заключенных нашими организациями в Англии за последнее время» [Москва – Берлин, 2011, 1, *900*]. В Германии с большим вниманием относились к подобным переговорам, о чем свидетельствуют донесения эксперта МИД Германии по экономическим вопросам М. Шлезингера, который призывал германские правящие круги ускорить заключение кредитного договора ввиду большой опасности вмешательства английского капитала в развитие советской экономики: «Несмотря на все усугубляющийся политический антагонизм между Англией и Россией, коммерческие отношения между двумя странами оживились в последнее время. В самые ближайшие дни я надеюсь получить известия из Берлина, которые так или иначе приведут к завершению переговоров по кредитному вопросу» [ADAP, 1967, B2.1, *327*]. Советские дипломаты видели не только экономические преимущества от получения германского кредита – они рассматривали его в качестве меры воздействия на другие западные государства. Так, в период обсуждения положений кредита Б.С. Стомоняков сообщал руководству СССР: «Значение этого факта для поднятия нашего кредита за границей громадно, во-первых, потому, что он придет в момент наибольших сомнений за границей в нашей кредитоспособности, и, во-вторых, потому, что он послужит толчком для аналогичных мероприятий в ряде других стран, которые не захотят без борьбы уступить советский рынок Германии» [Москва – Берлин, 2011, 1, *705*]. О влиянии советско-германских переговоров на позицию Великобритании докладывал в начале марта экономист М.Л. Сорокин: «Вообще ссылка на Германию и на кредитные условия, предоставляемые немецкими фирмами, действуют весьма оздоравливающе, а иногда и революционно на умы английских промышленников» [Москва – Берлин, 2011, 1, *789*].

На заключительном этапе переговоров интерес к кредитным условиям и возможностям своего участия начали проявлять американские промышленники и банкиры. Одним из первых стал американский миллиардер У. Гарриман, который предложил план финансирования германских кредитов. Суть данного плана состояла в том, что «Гарриман [эмистирует] краткосрочный целевой заем в Нью-Йорке для германской промышленности, причем в размерах 60% отвечают германские промышленники и германское правительство, на 40% – промышленники и германские банки. При этом плане весь кредит должен обойтись нам в 9%» [Москва – Берлин, 2011, 1, *799*]. Данное предложение не было привлекательно для германских банкиров: «Осуществление плана Гарримана является ударом для престижа германских банков и в особенности “Дойче банк”, а для всякого знакомого с психологией руководителей крупных банков ясно, какую громадную роль играют в вопросах финансирования крупных дел, особенно публичного и международного характера, моменты престижа» [Москва – Берлин, 2011, 1, *807*]. В то же время участие США в кредитовании СССР посредством Германии М. Шлезингер считал важным политическим шагом: «Как только я приеду в Москву, я не премину высказаться оттуда о политическом значении американского участия» [ADAP, 1967, B2.1, *222*]. Во многом такая позиция германского руководства была связана с курсом, который был обозначен еще в январе 1926 года, когда в личном письме посол Германии в США А. Мальцан сообщал о своей беседе с президентом США К. Кулиджем. В ходе разговора К. Кулидж высказал позицию, согласно которой Германия должна была сыграть важную роль в деле восстановления советской экономики: «Далее президент обратился ко мне и продолжил: “У Германии теперь есть великая миссия, которую она должна выполнить на Востоке, и благодаря своим знаниям и многолетним отношениям, способствовать тому, чтобы Россия вернулась к нормальному экономическому и социальному положению”» [ADAP, 1967, B2.1, *98*]. В связи с этим К. Кулидж предложил использовать американские капиталы для проникновения на советский рынок: «Америка не имела ничего против того, чтобы Германия проявляла осторожный интерес к экономическому развитию и экспансии в России, в том числе и на американские деньги» [ADAP, 1967, B2.1, *99*].

По итогам длительных переговоров проект У. Гарримана не был поддержан американским правительством, поскольку американские власти связывали в этом вопросе экономические аспекты с политическими: «Из имеющейся информации ясно следует, что по своей сути предполагаемая сделка будет представлять собой финансирование России и, по сути, использование американского кредита для предоставления преимуществ советскому режиму. Этот режим, как вы знаете, отказался от обязательств перед США и американскими гражданами» [Papers, 1926, 2, *1454*]. В связи с отказом американского правительства от финансирования проекта У. Гарримана газета «Вашингтон Таймс»

обращала внимание не только на политическую составляющую, но и на экономические факторы конкурентной борьбы на мировом рынке: «…было предложено финансировать германский экспорт в Россию с помощью американского капитала, таком образом не только косвенно одалживая деньги России, но и способствуя внешней торговле “дружественного” торгового конкурента» [Russian Loans, 1926, *21*].

Несмотря на все сложности при проведении двусторонних переговоров, а также попытки вмешательства в кредитные переговоры со стороны Великобритании и США, соглашение о кредите было достигнуто 24 июня 1926 года. Как отмечает академик Г.Н. Севостьянов, «это был самый большой кредит, когда-либо предоставлявшийся Советскому Союзу иностранным государством» [Москва – Берлин, 2011, 1, *10*].

Таким образом, необходимо обратить внимание на тенденции, характерные для советско-германских отношений первой половины 1920-х годов и ярко проявившиеся в ходе обсуждения кредитного вопроса между двумя государствами. Во-первых, в правительственных кругах Германии экономические отношения с советским государством рассматривались как основа для развития и восстановления германского производства. Во-вторых, германские промышленники стремились к тесному сотрудничеству с СССР, зачастую проводя весьма самостоятельную дипломатию, которая не всегда совпадала с политикой правительства. Данное противоречие, с одной стороны, создавало сложности при проведении переговоров, а с другой – использовалось советскими дипломатами для получения дополнительных преимуществ в переговорном процессе. В-третьих, развитие германо-советских отношений в 1920-х годах находилось под влиянием со стороны западных держав. Предпринимаемые Германией и советским государством экономические и дипломатические шаги оценивались с позиции того, как они повлияют на отношения с западными державами (прежде всего Великобританией и США), а также использовались как средство давления на западные страны.

СОКРАЩЕНИЯ

ДВП – Документы внешней политики СССР.
ADAP – Akten zur deutschen auswärtigen Politik.

ЛИТЕРАТУРА

Ахтамзян А.А. Рапалльская политика. Советско-германские дипломатические отношения в 1922–1932 годах. М.: Международные отношения, 1974. 303 с.

Голанд Ю.М. Подсказки из опыта НЭПа для решения современных экономических проблем (к 100-летию перехода к НЭПу) // Журнал Новой экономической ассоциации. 2022. № 4(56). С. 172–193. DOI 10.31737/2221-2264-2022-56-4-8.

Документы внешней политики СССР. В 21 т. Т. 5: 1 января 1922 г. – 19 ноября 1922 г. М.: Госполитиздат, 1961. 808 с.

Москва – Берлин: политика и дипломатия Кремля, 1920–1941: сб. док. / отв. ред. Г.Н. Севостьянов. В 3 т. Т. 1: 1920–1926. М.: Наука, 2011. 1031 с.

Муравьева Л.А. Торговля и иностранный капитал в экономике СССР в 1920-е годы // Финансы и кредит. 2002. № 16(106). С. 63–71.

Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1921 г. М.: Управление делами Совнаркома СССР, 1944. 1198 с.

Целищев А.О. Советско-германский хлебный договор 1923 года // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2023. № 1(169). С. 126–132. DOI 10.34773/EU.2023.1.21.

Akten zur deutschen auswärtigen Politik 1918–1945. Serie A: 1918–1925. In 14 Bd. Bd. V: 1. Mai 1921 bis 28. Februar 1922.Göttingen: Vanderhoeck&Ruprecht, 1987. 696 S.

Akten zur deutschen auswärtigen Politik 1918–1945. Serie B: 1925–1933. In 21 Bd. Bd. II.1: Dezember 1925 bis Juni 1926. Göttingen: Vanderhoeck&Ruprecht, 1967. 543 S.

Papers relating to the foreign relations of the United States, 1926. In 2 Vols. Washington: US Government Printing Office, 2018. Vol. II. 1650 p.

Russian Loans Opposed // The Washington Times. 1926. April 10. P. 21.

M.A. Trusova
Teaching Fellow,
Chair of History and Philosophy,
Ryazan State Medical University
Ryazan, Russia

The German Loan to the USSR in Bilateral Negotiations and from the Position of the Western Powers

The early 1920s was a period of restoration of the states that had participated in the First World War. In Soviet Russia, this process took place within the framework of the New Economic Policy, which required, among other things, investing foreign capital. After the October Revolution of 1917, the Soviet government cancelled the debts of the tsarist and provisional governments. The discussion of debts between Soviet Russia and Entente countries did not lead to a mutually acceptable solution. Germany became one of the first countries, that established economic and then politic relations with the soviet government. That is why, Germany became one of the most important economic partners of Soviet Russia and later of the USSR. The article is devoted to the problem of granting loan to the USSR by Germany. The author reveals the difficulties and contradictions that accompanied the negotiation process, as well as the position of Great Britain and the United States in relation to the German-Soviet credit negotiations.

Key words: *Soviet-German relations; Soviet foreign policy; German foreign policy; N.E.P. (New Economic Policy); foreign credits.*

REFERENCES

Akhtamzyan A.A. Rapallo Policy. Soviet-German diplomatic relations in 1922-1932 [Rappal'skayapolitika.Sovetsko-germanskiediplomaticheskieotnosheniya v 1922-1932 godakh].Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. 1974. 303 p. (in Russian)

Goland Yu.M. Lessons from the NEP experience for solving contemporary economic problems (to the 100th anniversary of the transition to NEP) [Podskazki iz opyta NEPa dlya resheniya sovremennykh ekonomicheskikh problem (k 100-letiyu perekhoda k NEPu)]. *Journal of the New Economic Association,* 2022, no 4(56), pp. 172−193. DOI 10.31737/2221-2264-2022-56-4-8. (in Russian)

Documents of the USSR foreign policy [Dokumenty vneshney politiki SSSR]. In 21 vols. Vol.5: 1 January 1922-19 November 1922. Moscow. Gospolitizdat. 1961. 808 p. (in Russian).

Moscow-Berlin: policy and diplomacy of the Kremlin, 1920-1941 [Moskva-Berlin: politikai-diplomatiya Kremlya, 1920–1941]. In 3 vols. Vol.1: 1920-1926. Moscow. Nauka. 2011. 1031 p. (in Russian).

Muravyova L.A. Trade and foreign capital in the USSR economy in 1920s [Torgovlyai-inostrannyikapital v ekonomike SSSR v 1920-e gody]. *Finance and credit*, 2002, no 16 (106), pp. 63−71. (in Russian).

Collection of decrees and orders of the government for 1921 [Sobraniyeuzakoneniyirasporyazheniypravitelstvaza 1921 g.]. Moscow: Administration of the Council of People's Commissars of the USSR 1944. 1198 p. (in Russian).

Tselishchev A.O. The Soviet-German grain treaty of 1923 [Sovetsko-germanskiy khlebnyi dogovor 1923 goda]. *Economics and management: scientific and practical journal*, 2023, no 1(169), pp. 126−132 DOI 10.34773/EU.2023.1.21 (in Russian).

Acts of German foreign policy 1918-1945 [AktenzurdeutschenauswärtigenPolitik 1918-1945]. Serie A: 1918-1925. In 14 Bd. Bd. V: 1.Mai 1921 bis 28. Februar 1922.Göttingen: Vanderhoeck&Ruprecht. 1987. 696 S. (in German).

Acts of German foreign policy 1918-1945 [AktenzurdeutschenauswärigenPolitik 1918-1945]. Serie B: 1925–1933. In 21 Bd. Bd. II.1:.Dezember 1925 bisJuni 1926. Göttingen: Vanderhoeck&Ruprecht. 1967. 543 S. (in German).

Papers relating to the foreign relations of the United States, 1926.In 2 vols. Vol. II. Washington: US Government Printing Office. 2018. 1650 p. (in English).

Russian Loans Opposed // The Washington Times, April 10, 1926. P. 21. (in English).

К.А. Андреев

Смоленский государственный университет
Смоленск, Россия

УДК 9,94

DOI 10.35785/2072-9464-2023-63-3-145-161

СМОЛЕНСКОЕ СРАЖЕНИЕ 1941 ГОДА В СОВЕТСКОЙ И СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Ключевые слова: *Великая Отечественная война; Смоленское сражение 1941 года; современная историография.*

В статье анализируется состояние историографии Смоленского сражения 1941 года. Хотя данный вопрос уже изучался в советской историографии, за последние два десятилетия был опубликован ряд новых исследований, началось активное использование ранее закрытых архивных документов, как советских, так и немецких. Важным источником изучения

битвы становятся фотоматериалы. Особое внимание автор уделил анализу последних работ. В современной историографии выявилось несколько подходов к оценке Смоленского сражения: преувеличение успехов немецких войск, а следовательно, подчеркивание недостатков и промахов советского командования, даже искажение отдельных эпизодов событий. Это характерно в певрую очередь для работ, носящих популярный характер и особенно сильно влияющих на подрастающее поколение. В то же время появились исследования, авторы которых стремятся сохранить объективность в оценке событий. Особое место в современной историографии занял вопрос о цене, которую советский народ заплатил за то, чтобы приостановить наступление немецких войск на важнейшем – московском – стратегическом направлении.

Смоленское сражение – одно из крупнейших событий начального этапа Великой Отечественной войны. Интерес к этому событию не слабеет на протяжении последних 60 лет. В то же время в историографии, посвященной изучению Смоленского сражения, возник ряд дискуссионных вопросов, требующих своего разрешения. Их можно условно разделить на три части. Первый вопрос, самый простой и одновременно самый сложный: что надо называть Смоленским сражением? Второй вопрос, вытеки ающий из этого: каковы хронологические рамки и периодизация Смоленского сражения? И наконец, третий вопрос: какие ответы на них дает современная, прежде всего российская, историография? Рассмотрению этих вопросов и посвящена данная статья, поэтому она условно делится на три раздела. Также важная цель – выявление отдельных аспектов, требующих более тщательного дальнейшего изучения.

Данный вопрос уже становился предметом исследования. Среди работ необходимо выделить прежде всего труды М.З. Хенкина. Впервые он обратился к этой теме в далекие 1970-е годы, когда вышла его отдельная статья [Хенкин, 1970]. Чуть позже часть материала статьи использовалась в его же учебном пособии [Хенкин, 1974]. В 2001 году автор дополнил свою работу анализом исследований, вышедших в 1980–1990-х годах [Хенкин, 2001]. Оценивая итоги освещения темы к началу 2000-х годов, Хенкин справедливо отмечал, что «за исключением небольшой брошюры, нет ни одной монографической или отдельной научно-популярной книги, специально посвященной Смоленскому сражению в целом. Ибо в большинстве работ описываются в основном только бои на территории Смоленской области, хотя они проходили и на территории других областей России и Белоруссии… Конечно, о Смоленском сражении говорится почти во всех общих военно-исторических трудах о войне, обороне Москвы, боях на Смоленщине. Но перед авторами этих работ стояли и многие другие чрезвычайно обширные задачи… Недостатком многих исследований является то, что в них описываются преимущественно только успехи наших войск. Между тем были и огромные трудности, ошибки и упущения, недостаток опыта» [Хенкин, 2001, *198–199*]. Последние

двадцать лет к данной теме никто не обращался, поэтому настоящее исследование кажется нам необходимым. Как совершенно правильно отметил Д.Е. Комаров, «степень научного изучения и осмысления этого колоссального по своим масштабам и последствиям сражения до сих пор находится на уровне начала 80-х гг. прошлого столетия. Достаточно сказать о том, что в отечественной историографии отсутствует монографическое исследование, посвященное этому важнейшему событию начального периода Великой Отечественной войны» [Комаров, 2008, *139*]. За последние годы не только создан очередной обобщающий труд, посвященный Великой Отечественной войны, но и появились новые специальные исследования как об истории Смоленщины в годы Великой Отечественной войны, так и о Смоленском сражении 1941 года. Также вышел ряд дополненных переизданий мемуаров участников Смоленского сражения, появились немецкие работы о ходе данной битвы [Хаупт, 2006] и, что особенно важно, началась публикация архивных документов, причем не только советских, но и немецких, которые дают возможность несколько скорректировать прежние оценки. Отдельные эпизоды сражения порой вызывают ожесточенную полемику в Интернете [Форум]. В ряде случаев исследователи показывают преимущественно ошибки и неудачи советских войск, делают акцент на их проблемах и недостатках. В связи с этим автор и считает возможным вновь обратиться к, казалось бы, хорошо известной теме, чтобы попытаться объективно оценить работы последних лет.

Смоленское сражение или часть битвы за Москву. Когда мы говорим о Смоленском сражении 1941 года, необходимо отметить, что существует несколько точек зрения на то, что включать в данную операцию. В самом узком смысле под Смоленским сражением понимаются бои во второй половине июля 1941 года в районе города Смоленска, или так называемых «Смоленских ворот». Однако уже в начале 1960-х годов данное понятие было значительно расширено и стало включать в себя целый ряд операций начала июля – начала сентября 1941 года на огромном фронте от Великих Лук на севере (фактически это южные районы Псковской области) до северной Украины на юге, от линии Лепель – Орша – Могилев на западе до линии Белый – Ярцево – Ельня – река Десна на востоке. «В течение двух месяцев ожесточенные бои продолжались на огромной территории: 600–650 км по фронту и 200–250 км в глубину» [История, 1975, *72*]. При этом необходимо отметить, что в рамках существовавшей тогда официальной советской истории Великой Отечественной войны Смоленское сражение рассматривалось как часть Московской битвы, ее предварительный или даже начальный этап. Одной из причин существования такого подхода являлся тот факт, что целью немецкого командования было наступление на Москву и, соответственно, целью советского командования являлся срыв этого плана. Данная историческая концепция была одной из причин, почему городу Смоленску долгое время не присваивалось звание города-героя. Можно даже сказать, что выделение

Смоленского сражения как отдельной битвы, анализ этого события и его роли в крушении немецкого плана молниеносной войны, публикация высказываний выдающихся советских полководцев, участников битвы были частью действий тогдашнего областного руководства, итогом которых и стало присвоение Смоленску в 1985 году звания «город-герой». Понадобилось достаточно большое время, чтобы Смоленское сражение стало рассматриваться как отдельная битва начального этапа Великой Отечественной войны. «По своему характеру оно представляло сложный комплекс оборонительных и наступательных действий советских войск против немецко-фашистской группы армий “Центр” и части сил группы армий “Север”» [История, 1975, *71*]. В обобщающих трудах по истории Великой Отечественной войны, вышедших в это время, Смоленскому сражению начинает уделяться более пристальное внимание – как правило, посвящается отдельный параграф.

Важную роль в историографии данного периода начинают играть воспоминания советских участников Великой Отечественной войны, и Смоленского сражения в частности. Дело в том, что в начале 1950-х годов выходят мемуары немецких генералов, в которых они излагают свою версию войны, как правило, приписывая себе победы, а всю вину за поражение сваливая на некомпетентность А. Гитлера. Именно эти мемуары, на взгляд автора, положили начало процессу пересмотра сначала истории отдельных сражений, а в настоящее время и итогов войны вообще. В ответ с начала 1960-х годов начинают публиковаться мемуары советских военачальников, а потом и рядовых участников войны. Несмотря на цензуру, они начали рассказывать правду о войне. Не случайно в настоящее время эти мемуары переиздаются с восстановленными текстами.

Казалось бы, споры о том, является Смоленское сражение самостоятельной операцией или частью Московской битвы, закончились. Однако в вышедшем совсем недавно 12-томном собрании «Великая Отечественная война 1941–1945 годов» в первом томе, с одной стороны, признается, что «в июле – сентябре 1941 года на главном направлении – московском – разыгралось ожесточенное сражение, имевшее одно из решающих значений в срыве блицкрига. По названию города, вокруг которого шли кровопролитные схватки и который считался ключом к столице, оно получило название Смоленское. Но театр боевых действий был намного обширнее и покрывал огромное пространство, простиравшееся с севера на юг и с запада на восток на сотни километров» [Великая, 2011, *147*]. С другой стороны, сражению отведено всего шесть страниц в параграфе «Первые сбои блицкрига». Это показывает, что споры фактически продолжаются. Если сравнивать битву с другими сражениями указанного периода, то можно отметить особую роль Смоленского сражения. Ведь в боях на смоленском направлении в разное время участвовали войска четырех фронтов: Западного, Резервного, Центрального, Брянского, авиация дальнего действия. Всего в составе фронтов действовало 10 армий (13-я, 16-я, 19-я, 20-я, 21-я,

22-я, 24-я, 28-я, 29-я, 30-я). Это доказывает, что Смоленское сражение – крупнейшая битва начального этапа войны.

Периодизация Смоленского сражения. Вопрос о хронологических рамках Смоленского сражения также требует пристального внимания. Первоначально Смоленское сражение делилось на два этапа. Первый этап длился месяц, в течение которого противник полностью овладел районом Смоленска, а советские войска, оставив город, отступили за реки Днепр и Вопь. В результате этих боев фашистская группа армий «Центр», понеся большие потери, была вынуждена прервать наступление. Второй период начался во второй половине августа и продолжался до 10 сентября, когда советские войска неоднократно переходили в наступление с целью выбить противника из Смоленска.

Однако уже в конце 1960-х годов появляется более детальная периодизация Смоленского сражения. В ее основе – содержание задач, решаемых сторонами, их характер и результаты боевых действий. В таком случае в ходе Смоленского сражения выделяют четыре этапа.

Первый этап – с 10 по 20 июля. В это время в результате прорыва немецких войск на правом крыле и в центре Западного фронта основные силы 20-й и 16-й армий оказались в оперативном окружении в районе Смоленска. В это же время 21-я армия вела наступление на Бобруйском направлении на левом крыле Западного фронта.

Второй этап – с 21 июля по 7 августа. В это время происходит наступление советских войск на Смоленском направлении. 16-я и 20-я армии выходят из окружения, немецкие войска группы армий «Центр» вынуждены перейти к обороне.

Третий этап – с 8 по 21 августа. Начинается новое наступление Западного и части сил Резервного фронтов. Немецкие войска ликвидируют угрозу своему правому флангу, поэтому войска Центрального и Брянского фронтов проводят оборонительные операции.

Четвертый этап – с 22 августа по 10 сентября. Войска Западного и часть сил Резервного фронтов продолжают попытки наступать. Происходит разгром Ельнинской группировки немцев. Брянский фронт проводит одновременно и оборонительные, и наступательные операции [Хенкин, 1974, *17–18*].

В 12-томной «Истории второй мировой войны» основным содержанием второго этапа считают «попытку Ставки организовать и провести контрнаступление на главном стратегическом направлении с целью сорвать замыслы врага активными действиями советских войск» [История, 1975, *74*]. В целом авторы этого труда придерживаются вышеупомянутой периодизации, но отмечают, что наступление советских войск, относящееся к последнему, четвертому этапу, началось еще 16 августа [История, 1975, *78*].

В целом сложившаяся периодизация является достаточно устоявшейся и общепринятой. Однако ряд авторов попробовал внести некоторые изменения. Так, например, Ельнинскую операцию расширяют до 50 дней. «Пятьдесят дней, с 18 июля по 5 сентября сражались за Ельню. Но в 1941 году выгоднее было начать отсчет с 10 августа, когда наметился перелом в пользу 24-й армии. Первые же 24 дня кровопролитных боев в результате которых противник был вынужден перейти к обороне, были исключены из счета» [Лубягов, 2013, *352*]. Еще более широкие временные рамки обоснованы в работе Комарова: «Бои за ельнинский плацдарм с неослабевающим ожесточением велись с 19 июля, т.е. практически 7 недель до официальной даты начала операций… Эти и другие обстоятельства дают основание расширить хронологические рамки ельнинского сражения, а не ограничивать его только периодом активных наступательных действий 30 августа – 8 сентября» [Комаров, 2008, *159*]. Есть предложение изменить и хронологию всего Смоленского сражения. Частью Смоленского сражения считается Рославльско-Новозыбковская наступательная операция Брянского фронта, продолжавшаяся с 30 августа по 12 сентября 1941 года [Дембицкий, 1999, *14*]. Этой точки зрения придерживаются и другие исследователи данной операции [Гавренков, 2014]. Есть и более радикальные предложения. «Совершенно очевидно, что грандиозная перегруппировка сил (немцев для продолжения наступления на Москву) всецело вписывалась в рамки Смоленского сражения, поскольку проводилась в форме неизбежного восполнения потерь группы армий “Центр”, действующей на Московском направлении. Лишь переход в наступление 30 сентября 2-й танковой группы генерала Гудериана из района Шостки – Глухова на Мценск – Тулу – Москву качественно изменил цели и задачи противоборствующих войск…Смоленское сражение: 10 июля – 30 сентября… Так вернее и справедливее» [Александров, 2001, *36*]. Если с первым предложением еще можно согласиться, то второе представляется сильно преувеличенным. Таким образом, в исторической литературе сложились достаточно устоявшиеся представления о периодизации и этапах Смоленского сражения, хотя они и подвергаются регулярно попыткам пересмотра в сторону увеличения продолжительности событий.

Современная историография Смоленского сражения. Как уже отмечалось, в последние годы появился ряд новых работ, как посвященных специально Смоленскому сражению, так и анализирующих события Великой Отечественной войны на территории нашей области. Рассмотрим их более подробно.

В начале 2000-х годов вышли сразу две работы, небольшие по объему, но содержащие большой иллюстративный материал, специально посвященные Смоленскому сражению. Работа И.Б. Мощанского (или Мощанского и И. Хохлова в варианте 2003 года) в целом поддерживает традиционные оценки и периодизацию. Автор использовал при написании своей работы архивные документы, что позволило добавить ряд новых моментов. Это касается, в частности,

оценки сторонами противостоящих сил противника. Так, немецкое командование, начиная операцию, считало, что противостоящие ему советские силы насчитывают всего 11 дивизий. Поэтому, бросая в бой только в первом эшелоне 28 своих дивизий из имевшихся 62, было абсолютно уверено в легкой победе [Мощанский, 2007, *5*]. На самом деле Западный фронт насчитывал 66 дивизий, хотя оборону успели занять только 37 из них [Мощанский, 2007, *12*]. К началу Смоленского сражения советское командование наконец-то начало понимать, что главный удар немцев нацелен на Москву, поэтому, учитывая разгром войск Западного фронта в Белоруссии, сюда перебросили крупные резервы – 35 дивизий. Все эти данные были известны и ранее, новыми являются предположения о планах советского командования. Задачей Западного фронта было не только остановить продвижение немцев и создать оборонительный рубеж, но и обеспечить условия для перехода в контрнаступление. «Опираясь на данные разведки, в Москве полагали, будто немецкая группировка, противостоящая Западному фронту, насчитывает только 35 дивизий. Такая оценка соотношения складывающихся сил позволяла надеяться, что противника на этом направлении удастся остановить, а значит, создать условия для перехода советских войск в контрнаступление» [Мощанский, 2007, *6–7*]. Анализируя прибывшие в распоряжение Западного фронта 23-й, 25-й и 27-й механизированные корпуса, автор показывает их крайне ограниченные возможности. К началу сражения создать сплошной фронт обороны советское командование не сумело. «Оборона носила очаговый характер. Войска успели отрыть лишь отдельные окопы, что при недостатке артиллерии делало ее уязвимой» [Мощанский, 2007, *12*]. Все это привело к тому, что, начав наступление, немецкие части смогли быстро прорвать нашу оборону.

Используя архивные документы, в частности «Доклад, посвященный боевым действиям 7-го мехкорпуса с 24 июня по 19 июля 1941 года» (корпус действовал в районе Рудни), автор подробно показывает приемы действия немецких войск и героическое сопротивление советских частей. Используя преобладание в силах, а главное – в опыте ведения войны, и полное господство в воздухе, немецкие войска смогли продвинуться вперед. «Уже к середине июля, еще на начальном этапе Смоленского сражения советские мехкорпуса, брошенные без поддержки на земле и прикрытия с воздуха во встречные сражения с немецкими группами и армиями, понесли огромные потери, были разбиты и как самостоятельные единицы перестали существовать» [Мощанский, 2007, *31*]. Однако прорвавшиеся вперед к Смоленску и Ельне немецкие части вытянулись достаточно узким клином на 180 км на восток. «Немцам удалось перебросить за Днепр не более 10 дивизий… Главные переправы у Орши и Могилева все еще находились в руках Красной Армии и удерживались советскими гарнизонами, не уступавшими по численности немецкому головному эшелону. Кроме того, к северу и югу немецкого клина

четыре советские армии имели еще достаточно сил, чтобы охватить и подрубить его основание» [Мощанский, 2007, *36–37*]. Это требовало от советского командования оперативного искусства и умения гибко реагировать на ситуацию. В действительности после прорыва обороны танковыми группировками противника некоторые командиры, попросту говоря, растерялись и не знали, что предпринять. Нашлись и такие, кто без приказа оставлял позиции, стремился укрыться в лесах либо двинулся на восток [Мощанский, 2007, *42*]. Для срыва стремительного продвижения врага командование Западного фронта предприняло ряд контрударов, используя все резервы. Автор достаточно подробно рассматривает действия атакующих советских групп, особо выделяя действия 21-й армии и группы В.Я. Качалова и К.К. Рокоссовского. Анализируя результаты данного этапа сражения, И.Б. Мощанский делает достаточно интересный вывод. «Отчаянные советские атаки, хотя и были дорогостоящими и недостаточно спланированными, имели значение, которое в конечном итоге оказалось решающим. Ибо, начав в конце июля бои с целью лишить немцев инициативы на ключевом Западном фронте, советское командование внесло в немецкие оперативные планы элемент неопределенности – неопределенности в оценке целей и возможностей, – что обострило разногласия в германском верховном командовании» [Мощанский, 2007, *71*]. Результатами стали прекращение наступления немцев на московском направлении и переход здесь к обороне, а также переброска части сил на юг для удара по Украине и на север для наступления на Ленинград.

В целом исследователь придерживается традиционного деления Смоленского сражения на четыре этапа, но дополняет их анализом общей обстановки на советско-германском фронте к началу августа и отдельно выделяет контрудар Брянского фронта 1–12 сентября. По его мнению, к главным итогам Смоленского сражения можно отнести срыв планов вермахта, рассчитанных на безостановочное движение к Москве, значительные потери врага, которые составляли около полумиллиона человек. «Эти цифры говорят сами за себя: теперь уже советские войска сражались с немецкими на равных. В огне Смоленского сражения воины Красной Армии приобрели опыт, без которого нельзя было воевать против сильного врага» [Мощанский, 2007, *163*]. Также можно отметить достаточно взвешенный подход автора к описанию событий. Он приводит многочисленные факты ошибок, просчетов как советского командования в целом, так и отдельных командиров, называет цифры больших потерь советских войск, но выделяет героизм и самоотверженность бойцов и командиров Красной армии, проявленные в ходе боев.

Примерно в это же время выходит еще одна книга о Смоленском сражении. С уже упомянутым изданием ее объединяет использование большого числа фотоматериалов. Авторы также упоминают о том, что и советское и немецкое командование недооценивало противника, значительно

уменьшая его численность. При этом главной целью немцев был не захват территории, а разгром вооруженных сил противника [Статюк, 2006, *5*].

Описывая ход Смоленского сражения, в данной работе автор приводит ряд фактов, показывающих героизм советских бойцов, например действия отряда А.И. Лизюкова в районе Соловьевой переправы [Статюк, 2006, *12*]. В ряде случаев текст совпадает с работой Мощанского. К особенностям данного исследования можно отнести опубликованные в приложении документы: директивы Ставки ГКО, приказы Главнокомандующего войсками Западного направления, перечень соединений и частей, участвующих в Смоленском сражении, советский и немецкий командный состав этих частей, сведения и об обеспечении боеприпасами, и о потерях сторон. Приложения составляют фактически треть работы.

Смоленскому сражению посвящен один из номеров журнала «100 битв, которые изменили мир». В этом сочинении присутствует целый ряд новаций. Так, хронология включает события с 22 июня по 6 сентября. Отдельно упоминается 30 июня, когда немецкое верховное командование приказывает наступать на Смоленск. Кстати, 10 июля как дата начала сражения в тексте не упоминается вообще. Сравнивая советское и немецкое руководство, автор указывает на ряд удивительных схожих особенностей. Сталин и Гитлер не имели даже базовой военной подготовки и часто пользовались советами не самых компетентных людей. Очень низко он оценивает качество офицерского корпуса Красной армии: по его мнению, некоторые офицеры не умели читать карты и были слишком склонны к панике, когда сталкивались с сопротивлением [Смоленск, 2013, *11*]. Сравнивая планы сторон, автор указывает, что, хотя отдельные немецкие генералы (Гот и Гудериан) считали необходимым захват Москвы, для Гитлера взятие Москвы не было чем-то важным. В то время как для советского руководства (Сталин, Тимошенко, Жуков) задача отражения наступления на Москву являлась приоритетом, даже в ущерб другим фронтам [Смоленск, 2013, *10*].

Надо отметить, что рассказ о Смоленском сражении носит достаточно обрывочный характер и, хотя формально автор рассказывает параллельно о немецких и советских действиях, фактически о действиях немцев говорится с некоторым восхищением, а о действиях советских войск несколько уничижительно. Упоминая о боях под Ельней, автор сообщает о семи неделях противостояния [Смоленск, 2013, *22*]. Другая интересная подробность – рассказ об организации немецкой обороны: «У обороняющихся на Ельнинском выступе войск не было траншей, наподобие тех, что использовались во время Первой мировой войны. На этом участке оборона опиралась на систему нитки жемчуга: цепочки небольших блиндажей на одного-двух солдат, расположенных через каждые 10–20 метров. Эшелонированная оборона была создана не везде, ни у рот, ни у дивизий не было резервов, а советская пехота имела возможность накапливаться для атаки всего в 25 метрах от немецких позиций» [Смоленск, 2013, *26–27*]. К сожалению, автор не указывает источники своей информации. Еще интереснее его

оценка Ельнинской операции: «Существует мнение, что и Верховное командование Вермахта, и советская Ставка слишком переоценивали значение Ельнинского плацдарма. Вермахт отчаянно цеплялся за плацдарм, который оказался совершенно не важен для проведения операции в дальнейшем. Красная Армия тратила свои силы на освобождение не слишком значимой территории, в то время как необходимо было очень экономно использовать имеющиеся ресурсы и готовиться отразить немецкое наступление на Москву» [Смоленск, 2013, *29*]. При этом автор признается: именно здесь впервые с начала войны немецким войскам пришлось отступать. Данная статья является примером одного из существующих сейчас подходов к оценке событий войны, когда преувеличиваются успехи немцев и преуменьшаются победы советских войск. Особо отметим, что подобные издания рассчитаны прежде всего на массового читателя, особенно молодежь, и необходим гораздо более взвешенный и объективный анализ исторических событий в такого рода работах.

Если предыдущие рассматриваемые нами работы носили больше популярный характер, хотя и сопровождались публикацией многочисленных фотоматериалов, как советских, так и немецких, то работы Д.Е. Комарова, защитившего докторскую диссертацию по данной теме [Комаров, 2007], являются чисто научными. Автор опирается на многообразные источники: мемуары, архивные документы, в том числе вновь открытые. При этом он обращает внимание на то, что часть материалов до сих пор закрыта для исследователей: «Необходимо комплексное изучение всех явлений и процессов, развивающихся в армии и обществе в начале войны. Но в связи с закрытостью значительного количества архивных материалов проведение подобных исследований крайне затруднительно… Необходимо отметить, что в закрытом доступе остались документы “политотделов”, Ставки и др. Именно в политдонесениях содержится необходимая для объективного и взвешенного анализа информация» [Комаров, 2008, *180*].

Докторская диссертация стала основой для специальной статьи о Смоленском сражении [Комаров, 2008] и монографии [Комаров, 2015], фрагменты, посвященные Смоленскому сражению, местами дословно совпадают.

Рассматривая периодизацию Смоленского сражения, Д.Е. Комаров предлагает ее сохранить, хотя и несколько уточнить: «Само вычленение и определение границ этих периодов (при взятии за основу характер боевых действий, постановку целей и достигнутые результаты) представляется вполне правомерным, однако многие выводы с позиций достижения современной науки представляются весьма спорными» [Комаров, 2008, *146*]. Поэтому автор предпринимает попытку проанализировать этапы Смоленского сражения, используя комплекс материалов и документов, ставших теперь доступными современным российским исследователям.

Д.Е Комаров подробно рассматривает соотношение сил сторон к началу сражения. По его мнению, долгое время в советской историографии в качестве объяснения и оправдания катастрофических поражений начального периода войны, в том числе и неудачно начавшегося Смоленского сражения, ссылались на превосходство противника в живой силе и технике. Однако анализ документов показывает, что на начало наступления центральная группа германских войск не имела того превосходства, которое ей приписывалось в советской историографии. Автор соглашается с немецким исследователем В. Хауптом, который утверждал: «Впервые за время кампании получилось, что Советы сильнее» [Комаров, 2008, *145*]. В связи с этим немецкое командование делало ставку на слаженность и стремительность действий войск. Стремительным ударом противник захватил Смоленск, что, по мнению автора, является наглядным показателем уровня организации и командования войсками на западном стратегическом направлении. По факту захвата Смоленска была создана особая «Военно-экспертная комиссия по вопросу оставления Смоленска нашими войсками 15–16 июля 1941 г.», возглавляемая генералом И.П. Камерой, которая пришла к выводам, что командование 16-й армии, на которую была возложена задача обороны города, не смогла ее выполнить и Смоленск был захвачен немцами практически без боя. По мнению Комарова, обвинять командование армии в этом несправедливо, хотя бы потому, что ответственность за оборону города была возложена на генерала Лукина всего за полтора дня до того, как захватчики вступили в южные предместья Смоленска, сил, кроме гарнизона города, состоявшего из ополченцев, было крайне недостаточно [Комаров, 2008, *151*].

Оценивая действия немецких войск по окружению группировки советских войск в районе Смоленска, автор приходит к выводу, что немецкое командование недооценило противника. «Германское командование рассчитывало, что в связи с угрозой охвата наши войска отступят. Однако находящиеся в полуокружении наши части организовали активную оборону и предпринимали непрекращающиеся попытки возвратить Смоленск. Сил для разгрома этой группировки у противника явно не хватало… В дальнейшем уроки “смоленского котла” будут использованы при подготовке операции “Тайфун”, когда противник сконцентрировал необходимое количество сил не только для стремительного прорыва и окружения, но и для быстрого уничтожения окруженных войск» [Комаров, 2008, *157*]. Если на первом этапе сражения наступали немцы, то в дальнейшем советское командование попыталось перехватить инициативу и вело наступательные действия. «Обстановка не благоприятствовала переходу в наступление, но очевидна была и его необходимость. Нельзя было дать возможность гитлеровцам воспользоваться достигнутыми на смоленском направлении результатами. Необходимо было заставить распылить его ударные группировки и оттянуть вражеские войска на второстепенные направления» [Комаров, 2008, *158*]. Бои

отличались ожесточенностью. Одним из главных результатов стала неспособность противника вести наступление на всех трех главных направлениях. Именно героизм советских воинов заставил германское командование пересмотреть первоначальные планы и в августе-сентябре изменить направление главных ударов. В начале сентября на московском стратегическом направлении сложился временный паритет сил, при котором ни одна сторона не смогла захватить инициативу.

Подчеркивая особенности Ельнинской операции, автор, с одной стороны, отмечает, что в отличие от других наступательных операций советских войск в начале войны на данном направлении пришлось преодолевать укрепленные позиции противника, который перешел к обороне и стремился удержать линию фронта; с другой стороны, он указывает, что «в дальнейшем германские войска и без ельнинского выступа подготовят и осуществят грандиозную операцию, в результате которой практически будут уничтожены Западный и Резервный советские фронты. Победа под Ельней и ее результаты практически никак не были использованы нашим командованием и не внесли какого-либо изменения в общую стратегическую расстановку сил на западном направлении» [Комаров, 2008, *172*].

Используя новые исследования, автор особо подчеркивает, что успехи советских войск были оплачены очень дорогой ценой: «Основная ставка советского командования делалась на мужество и упорство советского солдата, а зачастую на принуждение и угрозы репрессий. Дальнейшие колоссальные потери нашей армии в борьбе с подготовленным и воодушевленным успехами врагом были неизбежными. Именно огромные людские потери компенсировали все просчеты и ошибки как руководства страны, так и командования» [Комаров, 2008, *179*]. Советское командование принимало решения, прекрасно осознавая свои недостатки: отсутствие боевого опыта, нарушение боевых традиций, социальные противоречия советского общества. Тем не менее, описывая многочисленные проблемы, с которыми столкнулись советские войска, Д.Е. Комаров считает неоспоримым тот факт, что Смоленское сражение является кульминацией демонстрации потенциальных возможностей Красной армии на тот момент [Комаров, 2008, *184*].

Можно также отметить, что в своей работе, посвященной описанию хода Великой Отечественной войны на территории Смоленщины, автор опускает наиболее критические замечания в адрес советских войск и подчеркивает положительное значение Смоленского сражения: «В отечественной науке в общественном сознании граждан нашей страны Смоленское сражение представляется как героическая страница отечественной истории, когда враг был задержан на целых три месяца. Именно в ходе Смоленского сражения дал трещину и гитлеровский план молниеносной войны, и родилась советская Гвардия» [Комаров, 2015, *77*].

Отсутствие отдельной работы, посвященной Смоленскому сражению, несколько компенсирует двухтомник американского исследователя Д. Гланца, который посвящен боям под Смоленском. Автор использовал советские и, главным образом, немецкие документы и даже оперативные карты. Это позволило ему обратить внимание на ряд моментов, которые ранее не выделялись отечественными историками. В частности, он упоминает о том, что «свое новое оружие немцы успели испытать в бою до русских, которые свои многозарядные реактивные “катюши” впервые применили 15 июля под Рудней, на полпути между Смоленском и Витебском, на участке 20-й армии. 29 июня под Минском в плен сдались 600 перепуганных русских солдат после одного-единственного залпа передвижной реактивной минометной установки. Как и с любым новым оружием, обе стороны в конечном счете научились управляться со страхом, который вызывал вой ракет, оставлявших за собой белый (немецкие) или красный (русские) хвост» [Гланц, 2010, *61*].

Автор также показывает проблемы советского командования, часто неспособного правильно реагировать на быстро меняющуюся обстановку, например: «14 июля Тимошенко отдал новые приказы о контрнаступлении, причем последний – отданный непосредственно перед взятием Смоленска – совершенно игнорировал реальное положение на фронте» [Гланц, 2010, *117*]. Несколько иначе он говорит и об итогах наступательных операций советских войск в августе 1941 года: «В течение первых трех недель августа группа армий “Центр” разгромила основные силы трех армий (16, 19 и 20-й), предназначавшихся командованием Красной армии для участия в Смоленском сражении, разгромила четвертую (28-ю армию Качалова) в районе Рославля, пятую (22-ю) в лесах вокруг Великих Лук, вынудила шестую (21-ю) оставить Гомель и лишила возможности седьмую (29-ю) армию сыграть значительную роль в запланированном штабом Западного фронта на конец августа – начало сентября 1941 г. контрударе. Подводя итоги этих впечатляющих побед, армейская группа фон Бока уничтожила и пленила свыше 40 тысяч солдат и офицеров Красной армии северо-восточнее Смоленска, еще около 90 тысяч в районе Гомеля, а также 60 тысяч советских солдат и офицеров в районе Рославля и у Великих Лук. В любом случае безвозвратные потери свыше 190 тысяч солдат и офицеров составили весьма ощутимую потерю для Красной армии» [Гланц, 2011, *22*].

При этом автор отмечает, что, несмотря на огромные потери Красной армии в ходе Смоленского сражения, происходит ряд перемен: командный состав учится воевать, сопротивление советских войск приводит к огромным немецким потерям, результатом чего становится появление «в кругах германского командования недвусмысленных симптомов растерянности» [Гланц, 2011, *24*].

Гланц достаточно подробно, в отличие от Комарова, рассматривает споры в немецком командовании о направлении наступательных операций

в конце августа – начале сентября 1941 года. По его мнению, немецкое командование осознанно приняло решение перейти к обороне на центральном участке фронта и сначала обеспечить фланги, а потом продолжать наступление на Москву.

С точки зрения автора, урон, нанесенный вермахту Красной армией в ходе Смоленского сражения, был столь значительным, что именно это обусловило и приблизило поражение Германии у ворот Москвы в декабре 1941 года, а значит, в свою очередь, способствовало провалу операции «Барбаросса» и в конечном счете краху вермахта.

Проведенный нами анализ современной историографии Смоленского сражения показывает: использование авторами ранее недоступных источников – архивных документов, причем как советских, так и немецких, позволило, с одной стороны, подтвердить вывод о значительной роли Смоленского сражения на начальном этапе войны, а с другой – показать, что некоторые успехи советских войск оплачены огромной ценой. В целом же советские армии, особенно на флангах, потерпели тяжелые поражения. Некоторый успех в центре фронта – освобождение Ельни – имел больше моральное значение и никак не сказался ни на наступлении немцев на Киев, что привело к разгрому Юго-Западного фронта, ни на последующем наступлении немцев на Москву. Однако именно задержка на три месяца наступления на центральном участке советско-германского фронта позволила выиграть время: удобные для наступления летние месяцы немцы топтались на месте. Необходимы дальнейшие исследования с опорой на архивные документы, чтобы уточнить мотивы и факторы, влияющие на действия войск, на принятие решений Ставки, на выявление всего того, что привело Красную армию к Великой Победе.

ЛИТЕРАТУРА

Александров А.А. Смоленское сражение глазами Ставки Верховного Главнокомандования // Смоленское сражение 1941 год: хроника, события, судьбы. Смоленск: Смоленский гос. музей-заповедник, 2001. С. 9–36.

Великая Отечественная война 1941–1945 годов. Т. 1: Основные события войны. М.: Воениздат, 2011. 848 с.

Гавренков А.А. Боевые действия войск Брянского фронта первого формирования (14 августа – 10 ноября 1941 года): дис. … канд. ист. наук. Брянск, 2014. 249 с.

Гланц Д. Крах плана «Барбаросса». Т. 1: Противостояние под Смоленском. М.: Центрполиграф, 2010. 718 с.

Гланц Д. Крах плана «Барбаросса». Т. 2: Сорванный блицкриг. М.: Центрполиграф, 2011. 613 с.

Дембицкий М.П. Мы обязаны… разгромить Гудериана. Наступательная операция Брянского фронта с 30 августа по 12 сентября 1941 года // Военно-исторический журнал. 1999. № 1. С. 14–21.

История второй мировой войны 1939–1945. Т. 4: Фашистская агрессия против СССР. М.: Воениздат, 1975. 534 с.

Комаров Д.Е. Великая Отечественная война: боевые действия, власть, народные массы. Региональный аспект. 1941–1945 гг. (на материалах Смоленской области): автореф. дис. … д-ра ист. наук. М., 2007. 35 с.

Комаров Д.Е. Неизвестное Смоленское сражение // Трагедия 1941-го. Причины катастрофы / сост. Г.М. Пернавский. М.: Яуза, Эксмо, 2008. С. 139–184.

Комаров Д.Е. Смоленская область в огне Великой Отечественной: война, народ, победа. Смоленск: Свиток, 2015. 368 с.

Мощанский И.Б. Смоленское сражение. Два месяца кровавого противостояния. М.: Яуза, БТВ-Книга, Эксмо, 2007. 168 с.

Лубягов М.Д. В боях за Ельню. Первые шаги к победе. М.: Вече, 2013. 384 с.

Смоленск – 1941 // 100 битв, которые изменили мир. 2013. № 149. 32 с.

Статюк И. Смоленское сражение 1941. М.: Цейхгауз, 2006. 48 с.

Форум – История Второй Мировой войны – Боевые операции – Взятие немцами Смоленска. URL: https://smolbattle.ru/threads/Взятие-немцами-Смоленска.42/page-12 (дата обращения: 10.04.2023).

Хаупт В. Сражения группы армий «Центр». Взгляд офицера вермахта. М.: Яуза, Эксмо, 2006. 352 с.

Хенкин М.З. Историография Смоленского сражения 1941 года // Материалы по изучению Смоленской области. Вып. VII. Смоленск: Московский рабочий, 1970. С. 166–185.

Хенкин М.З. Смоленщина в советской историографии Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): учеб. пособие. Смоленск, 1974. 102 с.

Хенкин М.З. Смоленское сражение 1941 года в исторической литературе // Смоленское сражение 1941 год: хроника, события, судьбы. Смоленск: Смоленский гос. музей-заповедник, 2001. С. 183–203.

K.A. Andreev
Postgraduate Student,
Chair of Russian History,
Smolensk State University
Smolensk, Russia

The Battle of Smolensk in 1941 in Soviet and Modern Historiography

The article analyzes the state of historiography of the Battle of Smolensk in 1941. Although this issue has already been studied in Soviet historiography, a number of new studies have been published over the past two decades, and the active use of previously closed archival documents, both Soviet and German, has begun. Photographic materials have become an important source of studying the battle. The author paid special attention to the analysis of the works of recent years. It was revealed that in modern historiography several approaches to the assessment of the Battle of Smolensk have been portrayed. This is an exaggeration of the successes of the German troops, and, consequently, emphasizing the shortcomings and blunders of the Soviet command, and even distorting individual episodes of events. This is especially true for works of a popular nature, and especially affecting the younger generation. At the same time, there were works whose authors strive to maintain objectivity while assessing events. A special issue in modern historiography is the question of the price that the Soviet people paid in order at least to suspend the offensive of German troops in the most important – Moscow strategic direction.

Key words: *The Great Patriotic War; the Battle of Smolensk in 1941, modern historiography*.

REFERENCES

Alexandrov A.A. The Battle of Smolensk through the eyes of the Headquarters of the Supreme High Command [Smolenskoe srazhenie glazami Stavki Verhovnogo Glavnokomandovaniya]. The Battle of Smolensk 1941: chronicle, events, destinies. Smolensk: Smolensk State Museum-Reserve, 2001, pp. 9–36 (in Russian).

The Great Patriotic War of 1941-1945 [Velikaya Otechestvennaya vojna 1941–1945 godov]. Vol. 1. The main events of the war. Moscow: Voenizdat, 2011, 848 p. (in Russian).

Gavrenkov A.A. Combat operations of the Bryansk Front troops of the first formation (August 14 – November 10, 1941) [Gavrenkov A.A. Boevye dejstviya vojsk Bryanskogo fronta pervogo formirovaniya (14 avgusta – 10 noyabrya 1941 goda]. Dissertation ... candidate of Historical Sciences. Bryansk, 2014. 249 p. (in Russian).

Glantz D. The collapse of the Barbarossa plan [Krah plana «Barbarossa»]. Vol.1. The confrontation near Smolensk [Protivostoyanie pod Smolenskom]. Moscow: Tsentrpoligraf, 2010. 718 p. (in Russian).

Glantz D. The collapse of the Barbarossa plan [Krah plana «Barbarossa»]. Vol.2. Thwarted blitzkrieg [Sorvannyj blickrig]. Moscow: Tsentrpoligraf, 2011. 613 p. (in Russian).

Dembitsky M.P. We must... defeat Guderian. Offensive operation of the Bryansk Front from August 30 to September 12, 1941 [My obyazany…razgromit' Guderiana. Nastupatel'naya operaciya Bryanskogo fronta s 30 avgusta po 12 sentyabrya 1941 goda]. *Military History magazine*. 1999, no. 1, pp. 14–21. (in Russian).

History of the Second World War 1939-1945 [Istoriya vtoroj mirovoj vojny 1939–1945]. Vol.4. Fascist aggression against the USSR [Fashistskaya agressiya protiv SSSR]. Moscow: Voenizdat, 1975, 534 p. (in Russian).

Komarov D.E. The Great Patriotic War: fighting, power, the masses. Regional aspect. 1941-1945 (based on the materials of the Smolensk region) [Velikaya Otechestvennaya vojna: boevye dejstviya, vlast', narodnye massy. Regional'nyj aspekt. 1941–1945 gg (na materialah Smolenskoj oblasti)]. Abstract of dissertation ...doctor of Historical Sciences. Moscow, 2007. 35 p. (in Russian).

Komarov D.E. The Unknown Battle of Smolensk // The Tragedy of 1941. Causes of the disaster [Neizvestnoe Smolenskoe srazhenie // Tragediya 1941-go. Prichiny katastrofy]. Compiled by Pernavsky G. M., Yauz: Eksmo, 200, pp. 139–184 (in Russian).

Komarov D.E. Smolensk region in the fire of the Great Patriotic War: war, people, victory [Smolenskaya oblast' v ogne Velikoj Otechestvennoj: vojna, narod, pobeda]. Smolensk: Scroll, 2015. 368 p. (in Russian).

Moshansky I.B. The Battle of Smolensk. Two months of bloody confrontation [Smolenskoe srazhenie. Dva mesyaca krovavogo protivostoyaniya]. Moscow: Yauza, BTV-Book, Eksmo, 2007. 168 p. (in Russin).

Lubyagov M.D. In the battle for Yelnya. The first steps to victory [V boyah za El'nyu. Pervye shagi k pobede]. Moscow: Veche, 2013. 384 p. (in Russian).

Smolensk – 1941 [Smolensk – 1941]. *100 Battles that changed the world*, no. 149, 2013. 32 p. (in Russain)

Statyuk I. The Battle of Smolensk 1941 [Smolenskoe srazhenie 1941]. Moscow: Tseykhauz Publishing House, 2006. 48 p. (in Russian).

Forum-History of the Second World War-Combat operations-Capture of Smolensk by the Germans [Forum – Istoriya Vtoroj Mirovoj vojny – Boevye operacii – Vzyatie nemcami Smolenska]. Available at: URL:https://smolbattle.ru/threads/ The capture-by the Germans-of Smolensk.42/page-12 (accessed on April 10, 23) (in Russian).

Haupt V. Battles of army Group "Center". The view of a Wehrmacht officer [Srazheniya gruppy armij «Centr». Vzglyad oficera vermahta]. Moscow: Yauza, Eksmo, 2006. 352 p. (in Russian).

Henkin M.Z. Historiography of the Smolensk Battle of 1941 [Istoriografiya Smolenskogo srazheniya 1941 goda]. *Materials on the study of the Smolensk region.* Issue VII. Smolensk: Moscow Worker, 1970, pp. 166-185. (in Russian).

Henkin M.Z. Smolensk region in the Soviet historiography of the Great Patriotic War. (1941-1945) [Smolenshchina v sovetskoj istoriografii Velikoj Otechestvennoj vojny (1941–1945 gg.)]. Textboo. Smolensk: Smolensk State Pedagogical Institute named after K. Marx., 1974, pp. 14-24 (in Russian).

Henkin M.Z. The Battle of Smolensk 1941 in historical literature [Smolenskoe srazhenie 1941 goda v istoricheskoj literature]. The Battle of Smolensk 1941: chronicle, events, destinies. Smolensk: Smolensk StateMuseum-Reserve, 2001, pp.183−203 (in Russian).

В.И. Кулаков

Институт археологии РАН
Москва, Россия

УДК 904

DOI 10.35785/2072-9464-2023-63-3-161-173

СЕМАНТИКА ДЕКОРА ОРУЖИЯ ПРУССОВ

Ключевые слова: *Балтия; пруссы; декор; оружие; эпоха викингов*.

В предлагаемой статье выявлены принципы семантики декора, украшавшего оружие прусов преимущественно в эпоху викингов. Полученные выводы таковы.

1. В римское время эстии, предки пруссов, снабжают клинки своих боевых ножей резными изображениями, призванными, очевидно, усилить мистическим образом реальную силу оружия. Фигуры треугольной формы, заполненные вертикальными ложбинами, представлены и на ножах-кинжалах пруссов, однако их семантическое значение неясно.

2. На закате эпохи Великого переселения народов пруссы создают под влиянием германских и аварских мечей свои однолезвийные клинки (тип «длинный сакс»), ножны которых украшены серебряными пластинами с басменным узором. Детали этого узора – полосы фигур типа Kegelkönig – могут иметь охранительное значение и связаны с культом Перкунаса.

3. В эпоху викингов отдельные мечи, найденные в прусских воинских захоронениях, обладают семантически значимым декором, связанным с функцией мистического усиления мощи оружия. Правда, они произведены вне земли пруссов. Единственно местными по происхождению можно считать мечи типа Kazakevičius Desiukiškių с изображениями жертвенных козлов.

4. В XI веке прусские мастера снабжают втулки копий и дротиков пламевидным декором, возможно, имеющим отношение к «воинской магии». К концу XI века ювелиры упрощают свои творения и украшают втулки копий

серебряной фольгой, прокованной горизонтальными полосами медной / бронзовой проволоки. Этот орнамент имеет сугубо декоративное значение.

5. В предорденское время отдельные экземпляры вислообушных топоров украшаются фигурками жертвенных козлов. Это знак принадлежности топоров, фактически не являющихся боевым оружием, к жертвенным церемониям, проводившимся в прусских общинах жрецами или вождями.

Проблема декора и отдельных изображений предметов вооружения воинов раннесредневековой Европы стала привлекать европейских археологов еще в предвоенное время. В частности, немецкий коллега Петер Паульсен (1902–1985) в своей известной работе о топорах со знаками креста из находок на севере нашего континента пришел к выводу о том, что эти знаки имели, скорее всего, культовое значение, мистически усиливая естественную мощь оружия [Paulsen, 1939, *128*].

В послевоенное время на осмыслении изображения на рубящем оружии (преимущественно римского времени) сосредоточились польские археологи. В их распоряжении оказался богатейший материал восточной части Barbaricum. В частности, известный польский коллега Марцин Биборски пришел к справедливому выводу о том, что знаки на клинках римских мечей, как и на топорах эпохи викингов (см. выше), выполняли культовые функции, являлись элементами «боевой магии»[1] [Biborski, 2021, *165*]. Петр Котович считал, что бронзовая оковка (втулка) на некоторых секирах типа Petersen M (в том числе из могильника Yrzekapinis / Клинцовка-1) имеет парадное значение [Kotowicz, 2008, *110*, fig. 5]. Правда, здесь не приняты во внимание изображения на втулках крестов бога Тора, придававших этим деталям секир явно магическое значение. Украшения рукоятей равносторонних (?) секир, объектов дарения, упоминаются в исландских сагах [Цепков, 2013, *199*]. В массиве собранных указанным автором орнаментированных топоров, обнаруженных на территории Польши, привлекает внимание равносторонняя секира (дериват типа Petersen M) из Rybitwy-Ostrów Lednicki, несущая на своей поверхности декор в виде перьев крыла птицы [Kotowicz, 2011, fig. 7,2].

Четверть века тому назад автор этих строк констатировал принадлежность некоторых декоров оружия пруссов эпохи викингов к «боевой магии». Как у скандинавов, так и у пруссов IX–XI веков оружие, прежде всего мечи, обладало некими мистическими свойствами, усиливавшими их материальные возможности. Если у скандинавов эти черты клинкового оружия отражены в сагах [Цепков, 2013, *170*] и в декоре, покрывавшем мечи, топоры и копья, то для Самбии письменные источники по данной теме отсутствуют. Тем не менее орнамент мечей и топоров викингов Янтарного берега

[1]Термин достаточно условен и объединяет аспекты духовной культуры, обладавшие для древних европейцев магическим смыслом и предназначенные для усиления боевых возможностей носителя этих аспектов (знаки, декор и магические формулы).

и их прусских соратников нес явно сакральный характер [Кулаков, 1982, *187*]. Развитие идей боевой семантики прусского оружия привело к созданию в конце X века знака в виде взлетающего исландского кречета, обозначавшего на инвентаре прусских воинов их принадлежность к местной дружине [Кулаков, 1988, *115*].

Впервые обитатели Янтарного края стали декорировать свое оружие, в первую очередь боевые клинки, в римское время и на ранней фазе эпохи Великого переселения народов. На клинках боевых ножей появляются восходящие к пшеворской традиции треугольные фигуры, обладавшие, видимо, магическим значением [Кулаков, 2017, *99*]. Связанные с римскими традициями перевязи типа Vidgiriai для ношения таких ножей снабжаются накладками с астральным декором в стиле Sösdala [Kulakov, 2008, *32*]. В V–VI веках упомянутые треугольные фигуры на клинках ножей-кинжалов пруссов и их восточных соседей превращаются в группу продолговатых углублений треугольной же формы (нем. Blutrinnen) [Кулаков, 2017а, рис. 1, 4, 5]. Примечателен факт совпадения направления острия реального клинка с вершиной декоративного треугольника, изображенного на нем. Это дополнительно подтверждает явно культовое значение треугольного изображения, которое может схематически представлять голову змеи, молнию и прочие разящие противника понятия в мистическом сознании древних балтов и германцев.

На завершающей фазе эпохи Великого переселения народов, во второй половине VII – VIII веке в исторической Пруссии происходит важное событие. В столкновении с обитателями Мазурского Поозерья, произошедшем где-то в бассейне р. Lawa / Alle / Лава, пруссы одерживают победу и обретают массу трофеев. Так в руки местных мастеров попадают образцы германского и аварского клинкового оружия [Кулаков, 2003, *305*], которые дают импульс для создания ножен прусских однолезвийных мечей с серебряными накладками, украшенными басменным декором (**рис. 1**, 3). Образцами для этого декора послужил орнамент на боевых ножах разноэтничных обитателей Мазур (**рис. 1**, 1, 2). Показанные на обкладках ножен полосы с балюстрадовидным декором с фигурами типа Kegelkönig в балтском декоративном искусстве римского времени были связаны с культом Перкунаса [Кулаков, 2017б, *134*].

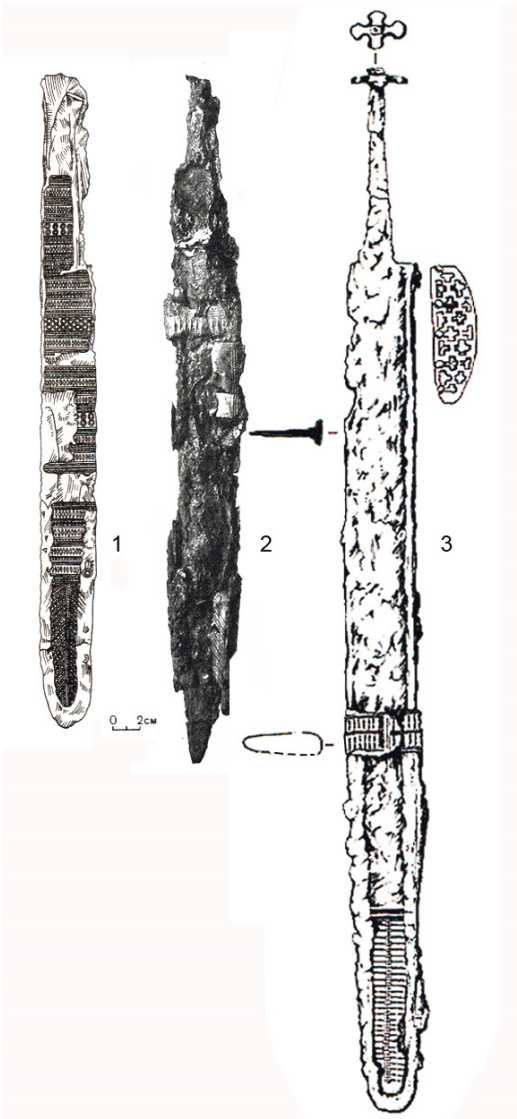


Рис. 1. Боевые ножи и меч пруссов и жителей Мазурского Поозерья с декорированными ножнами (VII – начало VIII века): 1 – боевой нож из погр. 76 могильника Lenzenberg / Lęczekoło Elbłga, Polska; 2 – боевой нож из погр. 6 могильника Kellaren / Kielary, woj. mazursko-warmińskie Polski; 3 – меч из погр. 85 могильника Neuendorf / Nowinka, koło Elbłga, Polska (1 – Ehrlich 1931, Abb. 2; 2 – Ibid., Abb. 7; 3 – Kontny, Okulicz-Kozaryn, Pietrzak, 2011, Pl.LX)

Культовая декорация ножен мечей пруссов продолжается и в эпоху викингов. О декоре на всей поверхности ножен мы информации не имеем ввиду того, что эти ножны изготавливались из органических материалов. Зато их наконечники, отливавшиеся из бронзы, несут разнообразные фигуры, явно имевшие культовое значение [Кулаков, 2021, *156*] и, как и упоминавшиеся выше треугольные модели римского времени, направленные в сторону острия меча (**рис. 2**).

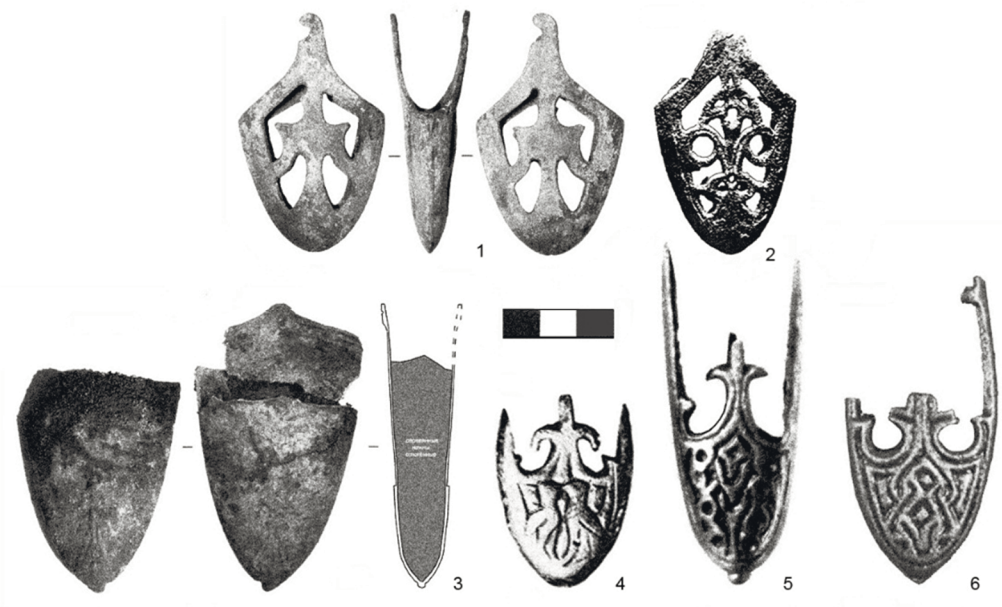


Рис. 2. Семантически значимые наконечники ножен мечей, использовавшиеся пруссами в эпоху викингов: 1 – подтип KIa – могильник Kl. Kaup, случ. находка над погр. K42; 2 – подтип KIb2 – Löbertshof; 3 – подтип KIIIb – погр. K68 могильника Kl. Kaup; 4 – тип KIV – могильник Dollkeim / Коврово, случ. нах.; 5 – подтип KVb – могильник Andullen / Anduliai, Klapėdosraj., Lietuva; 6 – подтип KVb – кург. б / № могильник Gr. Kaup [Кулаков, 2021, рис. 1]

Местное производство в прусской среде декорированных рукоятей мечей эпохи викингов пока не доказано. Исключение могут составлять рукояти мечей типа J.P.E с ямочным декором [Кулаков, 2019, *76*], не несущим семантической нагрузки. Однако пруссы, разумеется, могли использовать изделия скандинавских и прочих ювелиров, тем самым признавая актуальность представленных на этих изделиях культовых изображений. Так, например, навершие рукояти меча из княжеского (?) погребения в Cieple[2] несет деградированную реплику изобразительной схемы «Один и вороны» (**рис. 3**), явно служившей для хозяина меча оберегом [Кулаков, 2019, *75*].

[2]Прусская принадлежность этого комплекса пока условна и нуждается в дополнительных доказательствах.

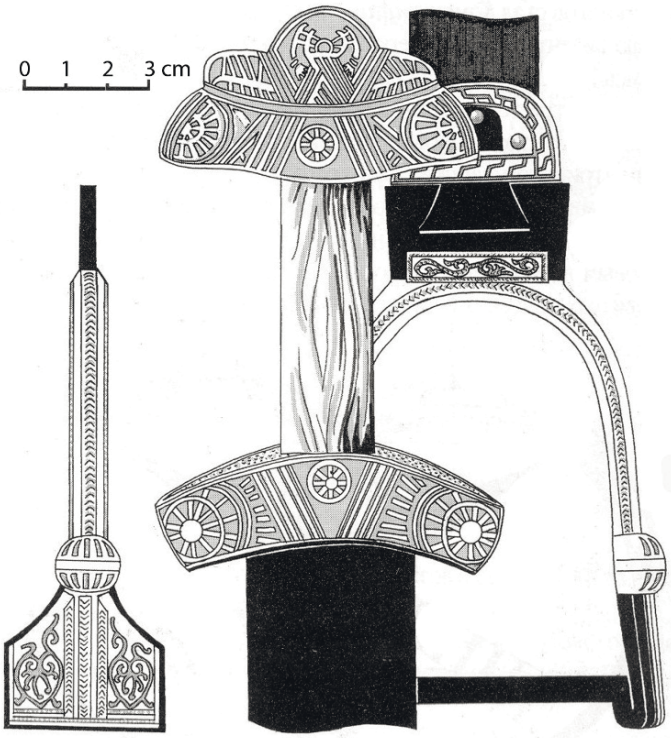


Рис. 3. Византийский орнамент и дериват скандинавского декора на снаряжении балтских дружинников: реконструкция части инвентаря воинского захоронения в Cieple, pomorskie-woj., Polska [Кулаков, 2016, рис. 3]

Широкий спектр декора, связанного с «боевой магией», представлен в инвентаре княжеского (?) погребения Y-16 могильника Yrzekapinis / Клинцовка-1 (**рис. 4**). Если навершие рукояти меча украшено змеевидным плетением в стиле Еллинг и происходит явно из скандинавской мастерской, то копье (дротик?) по втулке снабжено типичным для пруссов пламевидным декором [Кулаков, 2016, *13*], причем острия фигур (головы змей?), полосы декора опять, как и в ранних образцах оружия (см. выше), направлены в сторону острия копья. Если лезвие топора, имевшего, не исключено, метательную функцию [Кулаков, 1982, *187*], снабжено рисунком птичьего крыла, что указывает на его мистическое значение, то наконечник ремня имеет сугубо христианскую символику (крест и латинская буква S(anctus), его форма нехарактерна для прусского материала XI века. Этот артефакт может быть трофеем, полученным прусскими воинами в результате набегов на католическую Польшу.

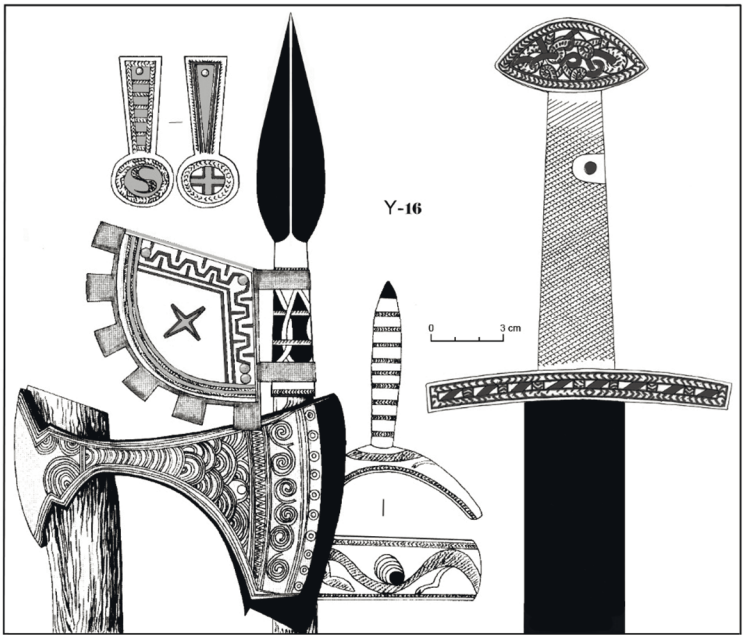


Рис. 4. Виды декоров на вооружении и снаряжении всадника из погр. 16 могильника Yrzekapinis / Клинцовка-1 [Кулаков, 2016, рис. 4]

Семантика некоторых видов мечей, связанных на поздней фазе эпохи викингов и после нее с юго-восточной Балтией, носит религиозный характер. Речь идет о фигурках жертвенных козлов, показанных на мечах типа Kazakevičius Desiukiškių (**рис. 5**). Такой меч, найденный в водах Вислинского / Калининградского залива, может иметь (в отличие от остальных мечей, упомянутых в статье) прусское происхождение [Кулаков, 2019, *76*].

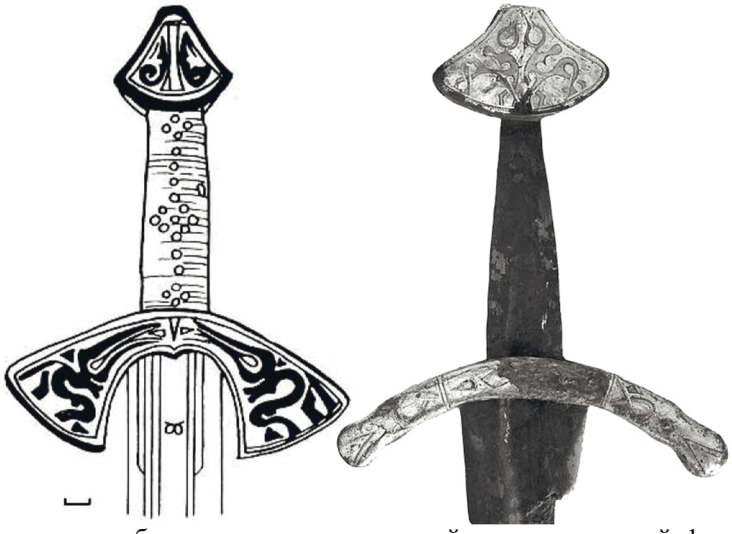


Рис. 5. Культовые изображения на рукоятях мечей пруссов и куршей: 1 – музей Барджелло (Флоренция); 2 – Heiligenbeil / Мамоново [Кулаков, 2016, рис. 5, 8, 9]

Среди находок, сделанных в скандинавских курганах могильника Gr. Kaup, обнаружен меч типа J.P.V, несущий на навершии рукояти изображения штурмовых значков викингов (**рис. 6**, 2).

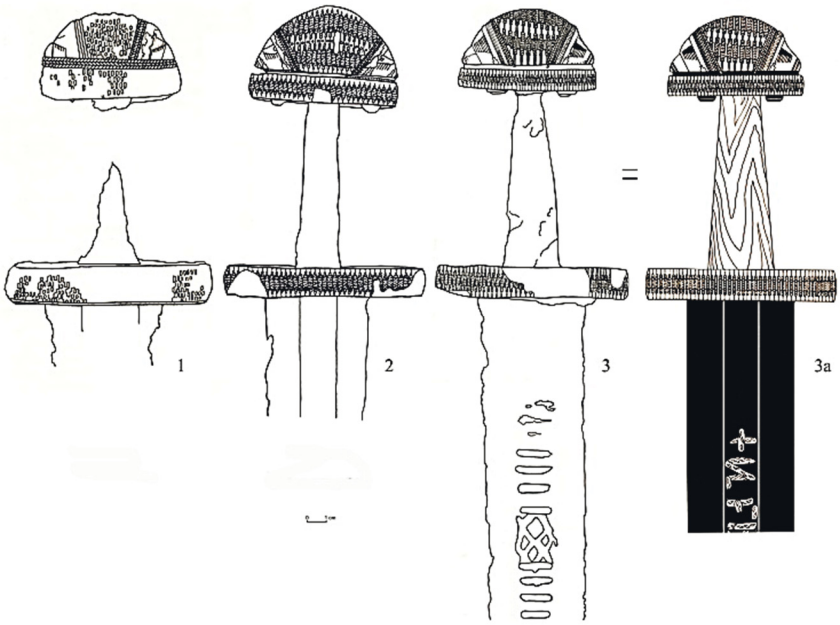


Рис. 6. Знамена викингов на рукоятях их мечей: 1 – кург. Bj 544; 2 – кург.V. 146/7746:11 могильника Kaup; 3 – кург. II (36) могильника Шестовицы (Черниговская обл., Украина); 3а – реконструкция рукояти меча из Шестовиц [Кулаков, 2019, рис. 3].

Как правильно считал Петер Паульсен, подобные мечи принадлежали знаменосцам конунгов северных воинств [Paulsen, 1957, *14*]. Семантика рукоятей мечей имеет здесь не культовый, а социальный характер, в прусском материале такие мечи (пока?) отсутствуют.

Следующей разновидностью предметов вооружения пруссов являются копья и дротики. Если на втулках этих находок представлены плакированные серебром изображения[3], то меньшая их часть образует полосу, составленную из заплетенных пламевидных фигур (**рис. 7**).

[3]Копья с серебряным декором упоминаются в исландских сагах [Цепков, 2013, *192*].

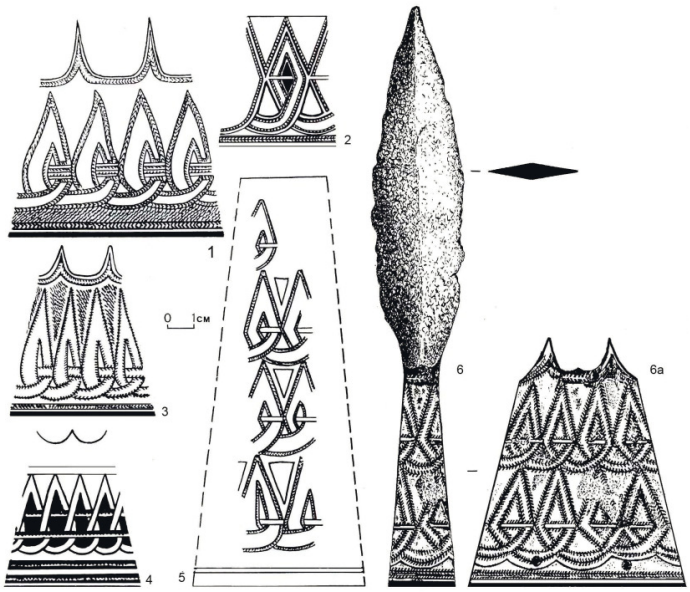


Рис. 7. Плакированные наконечники копий у пруссов XI века: развертки изображений из 1 – погр. Y-67 могильника Yrzekapinis / Клинцовка-1; 2 – погр. б/№ могильника Dollkeim / Коврово; 3 – погр. Y-2 могильника Yrzekapinis / Клинцовка-1; 4 – погр.Y-16 могильника Yrzekapinis / Клинцовка-1; 5 – погр. У-12 могильника Ekritten / Ветрово; 6 – наконечник копья из могильника Vilkija, Kaunoraj., Lietuva; 6а – развертка изображения на наконечнике копья из Vilkija [Кулаков, 2016, рис. 1].

Этот декор восходит к скандинавским прототипам X века [Кулаков, 2016, *13*] и примерно в середине XI века сменяется горизонтальными полосами (**рис. 8**).

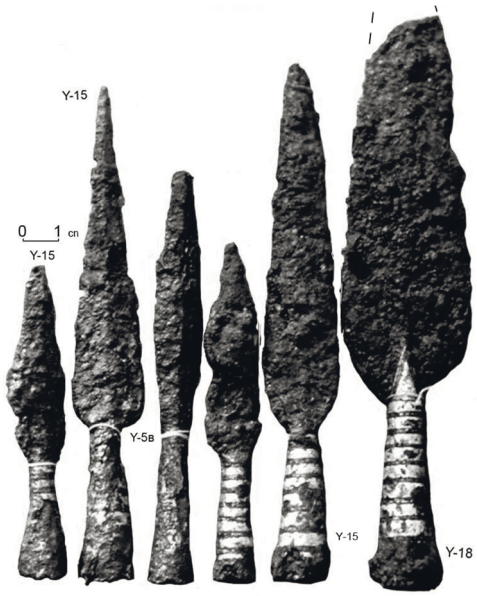


Рис. 8. Декор на втулках копий из могильника Yrzekapinis / Клинцовка-1 кон. X – XI века (архив автора)

Если пламевидный декор предварительно можно считать семантически значимым (см. выше), то примитивное чередование полос на поздних копьях эту функцию уже утратило.

В X–XIII веках в древностях исторической Пруссии известны топоры с изображениями зверей и птиц, явно семантически значимыми. На могильнике Laptau / Муромское случайно была найдена секира с двусторонними изображениями: рисунком птичьего крыла и схематичным изображением исландского кречета – символа принадлежности хозяина секиры к самбийской дружине. Детали декора секиры позволяют сделать вывод, что она была изготовлена в византийских мастерских [Кулаков, 2016, *14*].

Серия вислообушных топоров типа Helmdach, встреченных в различных пунктах Средней Европы и являющихся трофеями крестоносцев, полученными ими в Пруссии в ходе войны XIII века, несет плакированные изображения козлов, мифических спутников и жертв Перкунаса. Они являлись культовыми атрибутами прусских жрецов или вождей, обладавших правом приносить кровавые жертвы Богу молний и грома [Кулаков, 2016, *18*].

Представленное в статье исследование семантики декора оружия пруссов позволяет сделать следующие выводы.

1. В римское время эстии, предки пруссов, снабжают клинки своих боевых ножей резными изображениями, призванными, очевидно, усилить мистическим образом реальную силу оружия. Фигуры треугольной формы представлены и на ножах-кинжалах пруссов, однако их семантическое значение неясно.

2. На закате эпохи Великого переселения народов пруссы создают под влиянием германских и аварских мечей свои однолезвийные клинки (тип «длинный сакс»), ножны которых украшены серебряными пластинами с басменным узором. Детали этого узора – полосы фигур типа Kegelkönig – могут иметь охранительное значение и связаны с культом Перкунаса.

3. В эпоху викингов отдельные мечи, встреченные в прусских воинских захоронениях, обладают семантически значимым декором, связанным с функцией мистического усиления мощи оружия. Правда, они произведены вне земли пруссов. Единственно местными по происхождению можно считать мечи типа Kazakevičius Desiukiškių с изображениями жертвенных козлов.

4. В XI веке прусские мастера снабжают втулки копий и дротиков пламевидным декором, возможно, имеющим отношение к «воинской магии». К концу XI века ювелиры упрощают свои творения и украшают втулки копий серебряной фольгой, прокованной горизонтальными полосами медной / бронзовой проволоки. Этот орнамент имеет сугубо декоративное значение.

5. В предорденское время отдельные экземпляры вислообушных топоров украшаются фигурками жертвенных козлов. Это знак принадлежности топоров, фактически не являющихся боевым оружием, к жертвенным церемониям, проводившимся в прусских общинах жрецами или вождями.

ЛИТЕРАТУРА

Кулаков В.И. Семантика оружия пруссов // IX Всесоюзная конференция по изучению истории, экономики, языка и литературы скандинавских стран и Финляндии. Тарту, 1982. С. 186–187.

Кулаков В.И. Птица-хищник и птица-жертва в символах и эмблемах IX–XI вв. // Советская археология. 1988. № 3. С. 106–117.

Кулаков В.И. История Пруссии до 1283 г. М.: Индрик, 2003. 364 с.

Кулаков В.И. Изображения на плакированных серебром изделиях пруссов и куршей // Res Humanitariae XX. Klaipėda: University Klaipėda, 2016. С. 10–30.

Кулаков В.И. О происхождении ножей-кинжалов // Записки ИИМК РАН. Вып. 15. СПб.: ИИМК РАН, 2017а. С. 97–109.

Кулаков В.И. Питьевые рога балтов с декорированными деталями // Исторический формат. 2017б. № 1–2. С. 127–150.

Кулаков В.И. Декор рукояток мечей эпохи викингов из юго-восточной Балтии // Известия Брянского государственного университета. 2019. № 4. С. 74–83.

Кулаков В.И. Наконечники ножен прусских мечей эпохи викингов: происхождение и семантика изображений // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. Казань: Казанский госуниверситет, 2021. Т. 163, кн. 1. С. 151–163.

Цепков А.И. Вооружение викингов в веках (по исландским сагам и «Кругу Земному»). Рязань: Александрия, 2013. 319 с.

Biborski M. Tam gyczy runy? Miecz z okresu rzymskiego z Bregnet (Dania) zdobiony znakami symbolicznymi // Barbaricum. Wojna w przdziejach i średniowieczu. T. 13. Warszawa: Wydział Archeologii Uniwersytetu Warszawskiego, 2021. S. 155–172.

Ehrlich B. Schwerter mit silberbeschlagenen Scheiden von Benkenstein, Kr. Elbing, und einige west- und ostpreußischeVergleichstücke // Prussia. 1931. Nr. 29. S. 16–46.

Kontny B., Okulicz-Kozaryn J., Pietrzak M. Nowinka, site 1. The cemetery from the Late Migration Period in the northern Poland, Gdańsk – Warszawa: Muzeum Archeologiczne w Gdańsku, 2011. 295 P.

Kotowicz P.N. Nie tylko żeleźca. Uwagi na temat rzadziej postrzegabych elementów śresniowiecznych toporów // Gruszka B. (ed.). Not only the blades. Few words about rare elements of the medieval axesad Oderamfluvium. Księga dedykowana pamięci Edwarda Dąbrowskiego. Zielona Góra, 2008. S. 441–465.

Kotowicz P.N. Early Medieval Ornamented Axes from the Territory of Poland // Studia Universitatis Cibiniensis. Series Historica. Sibiu: Editura Universitatii LUCIAN BLAGA din Sibiu, Series Historica. Supplementum 1, 2011. P. 105–132.

Kulakov V.I. The weapon of horizon Sösdala-Untersiebenbrunn // Archaeologia Lituana. Vol. 9. Vilnius: University of Vilnius, 2008. P. 25–40.

Paulsen P. Axt und Kreuzbei den Nordgermanen. Berlin: Das AhnenerbeStiftung-Verlag, 1939. 135 S.

Paulsen P. Feldzeichnen der Normannen // Archiv für Kulturgeschichte. Bd. 39, H. 1. Bonn, 1957. S. 3–26.

V.I. Kulakov
Ph.D in History, Doctor,
Leading Researcher of the Department of Archeology
of the Migration Period and the Early Middle Ages,
Institute of Archeology RAS
Moscow, Russia

The Semantics of Prussian Weapon Décor

The proposed article reveals the principles of the semantics of the decor that adorned the weapons of the Prussians mainly in the Viking Age.The conclusions are:

1. In Roman times, the Aestii, the ancestors of the Prussians, provided the blades of their combat knives with carvings, apparently designed to enhance the real power of this weapon in a mystical way. Triangular figures filled with vertical hollows are also presented on Prussian daggers, but their semantic meaning is not clear.

2. At the end of the era of the Great Migration of Peoples, the Prussians, under the influence of German and Avar swords, create their single-edged blades («long sax» type), the scabbard of which is decorated with silver plates with a basmen pattern. The details of this pattern − stripes of figures of the Kegelkönig type – may have a protective value and are associated with the cult of Perkūnas.

3. In the Viking Age, individual swords found in Prussian military graves have a semantically significant decor associated with the function of mystical amplification of the power of these weapons. True, they were produced outside the land of the Prussians. Swords of the Kazakevičius Desiukiškių type with images of sacrificial goats can be considered the only local in origin.

4. In the XI century Prussian craftsmen furnish spear and javelin bushings with flame-like decor, possibly related to «military magic». By the end of the XI century jewelers simplify their creations and decorate spear sleeves with silver foil forged with horizontal strips of copper/bronze wire. This ornament is purely decorative.

5. In pre-Orden times, individual specimens of lop-butted axes are decorated with figurines of sacrificial goats. This is a sign that these axes, being actually not military weapons, belong to sacrificial ceremonies held in Prussian communities by priests or leaders.

Key words: *Baltic; Prussians; decor; weapons; Viking Age.*

REFERENCES

Kulakov V.I. Semantics of the Prussian weapons [Semantika oruzhiya prussov]. *IX All-Union Conference on the Study of the History, Economy, Language and Literature of the Scandinavian Countries and Finland*. Tartu, 1982, pp. 186−187 (in Russian).

Kulakov V.I. Bird of Prey and Bird of Prey in the Symbols and Emblems of the 9th-11th Centuries [Ptica-hishchnik i ptica-zhertva v simvolah i emblemah IX–XI vv]. *Soviet Archaeology,* no. 3. Moscow: Nauka 1988, pp. 106−117 (in Russian).

Kulakov V.I. History of Prussia until 1283 [Istoriya Prussii do 1283 g.]. Moscow: Indrik, 2003. 364 p. (in Russian).

Kulakov V.I. Images on silver-plated items of the Prussians and Curonians [Izobrazheniya na plakirovannyh serebrom izdeliyah prussov i kurshej]. *Res Humanitariae XX. Klaipėda*: Klaipėda University, 2016, pp. 10–30 (in Russian).

Kulakov V.I. On the origin of knives-daggers [O proiskhozhdenii nozhej-kinzhalov]. *Zapiski IIMK RAS*, Vol.15. Saint Petersburg: IIMK RAN, 2017a., pp. 97–109 (in Russian).

Kulakov V.I. Drinking horns of the Balts with decorated details [Pit'evye roga baltov s dekorirovannymi detalyami]. *Historical format*, no. 1–2, Moscow, 2017b., pp. 127–150 (in Russian).

Kulakov V.I. Decor of Viking Age Sword Handles from the South-East Baltic [Dekor rukoyatok mechej epohi vikingov iz yugo-vostochnoj Baltii]. *Issues of the Bryansk State University*, no. 4. Bryansk: Bryansk State University, 2019, pp. 74–83 (in Russian).

Kulakov V.I. Scabbard tips of Prussian swords of the Viking Age: origin and semantics of images [Nakonechniki nozhen prusskih mechej epohi vikingov: proiskhozhdenie i semantika izobrazhenij]. *Bulletin of Kazan Satae University.* Humanities series, Vol. 163, book.1, Kazan: Kazan State University, 2021, pp. 151–163 (in Russian).

Tsepkov A.I. Armament of the Vikings through the ages (according to the Icelandic sagas and the "Circle of the Earth") [Vooruzhenie vikingov v vekah (po islandskim sagam i «Krugu Zemnomu»)]. Ryazan: Alexandria, 2013. 319 p. (in Russian).

Biborski M., 2021. Tam gyczy runy? Miecz z okresu rzymskiego z Bregnet (Dania) zdobiony znakami symbolicznymi. *Barbaricum. Wojna w przdziejach i średniowieczu*, T. 13, Warszawa: Wydział Archeologii Uniwersytetu Warszawskiego, s. 155–172 (in Polish).

Ehrlich B., Schwerter mitsilberbeschlagenenScheiden von Benkenstein, Kr. Elbing, und einige west- und ostpreußischeVergleichstücke // Prussia, Nr. 29, Königsberg, 1931. S. 16–46 (in German).

Kontny B., Okulicz-Kozaryn J., Pietrzak M. Nowinka, site 1. The cemetery from the Late Migration Period in the northern Poland, Gdańsk-Warszawa: MuzeumArcheologiczne w Gdańsku, 2011. 295 p. (in Polish).

Kotowicz P.N. Nie tylko żeleźca. Uwagi na temat rzadziej postrzegabych elementów śresniowiecznych toporów. *Not only the blades. Few words about rare elements of the medieval axes ad Oderamfluvium*. Księga dedykowana pamięci Edwarda Dąbrowskiego. Gruszka B. (ed.). Zielona Góra, 2008. S. 441–465 (in Polish).

Kotowicz P.N. Early Medieval Ornamented Axes from the Territory of Poland // Studia Universitatis Cibiniensis, Series Historica, Sibiu: Editura Universitatii LUCIAN BLAGA din Sibiu, Series Historica. Supplementum 1, 2011, pp. 105–132 (in Polish).

Kulakov V.I. The weapon of horizon Sösdala-Untersiebenbrunn. *Archaeologia Lituana*, Vol. 9. Vilnius: Vilnius University, 2008, pp. 25–40 (in Englsih).

Paulsen P. Axt und Kreuzbei den Nordgermanen. Berlin: Das Ahnenerbe Stiftung-Verlag, 1939. 135 S. (in German).

Paulsen P. Feldzeichnen der Normannen. *Archiv für Kulturgeschichte*, Bd. 39, H. 1, Bonn, 1957. S. 3–26 (in German).

С.А. Филатова

Смоленский государственный университет
Смоленск, Россия

УДК 94

DOI 10.35785/2072-9464-2023-63-3-174-182

ОТНОШЕНИЕ НЕМЕЦКИХ ГУМАНИСТОВ XVI ВЕКА К КАТОЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ

Ключевые слова: *гуманизм; Реформация; католичество; церковь; Священное Писание; немецкие мыслители.*

В статье рассматриваются произведения немецких гуманистов XVI века. Исследуется их отношение к католической церкви. Произведен анализ исторического контекста и характерных черт немецкой гуманистической мысли в XVI веке, а также рассмотрены позиции лидеров гуманистического и реформационного движения по отношению к католической церкви. В статье подчеркивается, что немецкие гуманисты критиковали церковь, осуждая ее теологические ошибки и недостатки в практике. Автор указывает, что они не отрицали значимости церкви и ее роли в обществе, а старались добиваться ее реформирования и совершенствования. Немецкие гуманисты в XVI веке были критически настроены к католической церкви, но не отвергали ее учение в целом. Они стремились избавить церковь от порочных практик и привести ее к истинному учению Христа. В целом статья представляет интерес для всех, кто интересуется историей церкви и гуманистической мысли в XVI веке.

Ни для кого не секрет, что христианство является одной из наиболее важных и древних религий мира, существующей уже более 2000 лет и за это время претерпевшей значительные изменения. Нельзя не отметить его огромное влияние на ход истории и человеческую цивилизацию в целом.

Одной из важных эпох в истории христианства в Западной Европе стала эпоха, предшествующая и затем сопутствующая Реформации, которую в истории культуры принято называть эпохой Возрождения или Ренессансом. Именно к этой эпохе относится наследие немецких гуманистов конца XV – начала XVI века. Под гуманизмом обычно понимают мировоззрение эпохи Возрождения, выражавшееся в научных, литературных трудах, ставивших в центр мироздания человека [Смирнова, 1999, *48*].

К началу XVI века в Германии наблюдается рост религиозности среди населения. Связано это было, прежде всего, с двумя факторами: страх населения перед эпидемиями и перед возможным турецким вторжением. Но

у чувства религиозности была и другая сторона: она вызвала кризис религиозного сознания, заставивший людей различного социального положения задуматься над фундаментальными вопросами жизни человека.

Аспектам данной темы были посвящены труды целого ряда историков: Й. Хейзинга (1872–1945), Г. Риттера (1888–1967), Л. Гейгера (1829–1870) и многих других. Хейзинга полагает, что в эпохе Возрождения не было ничего нового: по его мнению, поменялась только внешняя форма, а не суть. Исследуя мировоззрение Эразма Роттердамского, немецкий ученый оценивает мышление гуманиста как средневековое [Huizinga, 1951, *120*]. В работе Риттера отмечается, что Эразм Роттердамский старался решить проблему взаимосвязи католичества и античной культуры. Автор придерживается позиции, что именно в произведениях Эразма проявился общий дух эпохи [Ritter, 1963]. Согласно Гейгеру, немецкий гуманизм складывался как результат взаимодействия итальянского гуманизма и религиозно-философской мысли Европы. При этом в Италии очагами гуманизма были академии и придворные общества, в Германии – университеты [Гейгер, 1899].

Особенный интерес к истории христианства проявили немецкие мыслители, которые сделали значительный вклад в развитие этой религии как духовного учения, принесшего свет и надежду в жизни людей. Работы таких мыслителей, как Эразм Роттердамский (1466–1536), Муциан Руф (1470–1526), Иоганн Рейхлин (1455–1522), Ульрих фон Гуттен (1488–1523), Филипп Меланхтон (1497–1560) и другие, представили новый взгляд на историю христианства, выявили многие контексты, которые ранее оставались скрытыми.

В данной статье мы рассмотрим взгляд немецких гуманистов на христианство, сделав попытку разобраться, как они воспринимали это религиозное учение и каков был их вклад в его развитие.

История христианства в работах немецких мыслителей рассматривается в широком контексте. Христианская антропология вытекает из общей гуманистической парадигмы, суть которой составляет ориентация на текст и убеждающую речь как основной предмет любого исследования, в том числе философского и теологического.

Эразм Роттердамский (1466–1536) был голландским гуманистом и богословом, внесшим значительный вклад в возможность развития Реформации в Европе. Еще при жизни он получил широкое признание: «Франциск I, Фердинанд Австрийский, герцог Бургундский и вожди Реформации – все толпятся перед Эразмом» [Гуторович, 2021, *127*]. Он пытался привнести рациональность и гуманистические идеалы в христианскую традицию. Именно с его именем связаны надежды Европы на обновление мира, для него прогресс – освобождение человеческого духа от религиозного фанатизма. Эразм старался соединить идеалы эпохи Возрождения и церковные постулаты. В своих трудах он выражал скептическое отношение к догмам католической церкви и призывал к реформам. Церкви необходимо было

освободиться от пороков, роскоши и праздности, вернуться к истинным заветам христианства. Эразм Роттердамский играл важную роль в появлении гуманистической философии, которая проповедовала образование и осознанную жизненную позицию. В сочинениях он обращался ко многим социальным, политическим и моральным проблемам своей эпохи. Роттердамский также был известен как автор учебников латинского языка, которые были широко распространены в Европе в XVI веке. Его труды оказали значительное влияние на формирование европейской культуры и философии, а его идеи продолжают оказывать влияние и в настоящее время.

Главными произведениями Эразма Роттердамского стали «Похвала глупости» («Laus stultitia», 1509) – сатирическая работа, критиковавшая тогдашнее христианство и призывавшая к более терпимому и любящему учению Иисуса Христа, и «Руководство христианского солдата» («Enchiridion Militis Christiani», 1501). В «Руководстве» Эразм настаивал на реформировании церкви путем возвращения к Писанию [Гуторович, 2021, *128*].

Нельзя не отметить и «Диатрибу» Эразма, в которой он говорит о взглядах на Священное Писание: первый ключевой фактор состоит во взгляде на Священное Писание как на произведение, представляющее собой убеждающую повествовательную речь, второй указывает, что человек – это объект убеждения, для которого эта речь составлена. Эразм в «Диатрибе» смело заявляет, что у Священного Писания «свой язык, приспособленный к нашему пониманию» [Роттердамский, 1986, *224*].

Поэтому неудивительно, что при упоминании Христа и святых апостолов Эразм останавливается на их способности приспосабливать свои поведение и слова к восприятию слушателей, то есть на качестве, присущем идеальному оратору. Так, он пишет, что Христос «не прятался в пустыне, не носил только грубые одежды и не ел только горькую пищу. <...> Но он, скорее, приспосабливал себя к каждому, и не отвергал никакого общества, он ел и пил все, что подавали ему» [Роттердамский, 1986, *224*]. Он приспосабливался и к духовно незрелым для того, «чтобы выиграть больше душ, сделав людей более поддающимися убеждению» [Роттердамский, 1986, *117*]. Эразм считал, что человек должен обладать правом толковать Священное Писание. По его мнению, разум и воля – «главное оружие христианского воина» [Роттердамский, 1986, *106–107*].

Муциан Руф (1470–1526) был гуманистом, написавшим ряд философских, медицинских и литературных произведений. В своих работах Руф активно пропагандировал гуманистические идеи, такие как восхваление человека, его интеллектуальной способности и свободы. Он осуждал организованную религиозную церковь и призывал к признанию разнообразия в религиозных убеждениях и практиках. Руф был известен в гуманистических кругах своего времени и знаком с другими выдающимися гуманистами. Он также помогал распространять гуманистические идеи в Италии и других

странах. Благодаря своим сильным убеждениям и новаторской мысли Руф стал одним из наиболее влиятельных гуманистов своего времени. Его письма оказали значительное влияние на развитие гуманизма и религиозной Реформации в Европе.

Как же относился Муциан Руф к вопросам католической веры? Увидеть это мы можем на примере письма Генриху Урбану. Муциан пишет своему товарищу о мистерии, которую организовали на именины св. Иоанна. Во время мистерии изображались деяния и мучения Христа. Подобные зрелища, считает Муциан, необходимы, поскольку они внушают благочестие людям невежественным, подобно тому как чтение произведений святых отцов внушает его просвещенным. «Пример Распятия приводит к кротости, терпению, к святым нравам и даже профанов побуждает к созерцанию небес – к видению божественного и наслаждению им» [Mutiapus, 1935, *201*].

Вывод, к которому приходит автор письма, заключается в том, что такие преувеличения деяний и мучений Христа необходимы, потому что только они могут внушить людям ответственное отношение к святому. Тем же, кому они внушают веселие, нужно помнить о том, что есть люди менее образованные, чем они сами, но тем не менее нуждающиеся в слове и образе Божием [Mutiapus, 1935, *201*].

Мысли Руфа схожи с мыслями Эразма Роттердамского: о Священном Писании, соответствующем «нашей тупости и немощи» [Mutiapus, 1935, *201*], о прочих божественных проявлениях, благодаря которым немецким гуманистам удалось соединить воедино христианское смирение и возможность языческого мировоззрения.

Иоганн Рейхлин (1455–1522) был немецким ученым и гуманистом, который также занимался изучением критической теологии. Он призывал к реформам в христианской церкви и к более разумному и интеллектуальному подходу к вере. В своих работах Рейхлин критиковал практики католической церкви и заявлял о необходимости реформирования христианской религии. Он также занимался переводом Нового Завета на немецкий язык, что было важным достижением в гуманистической традиции. Его перевод стал одним из первых переводов Нового Завета на народный язык и снова поднял вопрос о необходимости изменений в церкви. В 1521 году Рейхлин был обвинен в ереси и бежал в Швейцарию, где нашел убежище у известного реформатора Ульриха Цвингли. Будучи свободным от преследований, Рейхлин вернулся в Германию в 1529 году и продолжил свою работу по пропаганде Реформации. Иоганн Рейхлин был одним из важных деятелей Реформации, который призывал к рациональному и исторически обоснованному подходу к вере. Его работы оказали значительное влияние на развитие христианской теологии и легли в основу многих движений в Европе.

Ульрих фон Гуттен (1488–1523) был немецким писателем и ученым, известным своей критикой Римской католической церкви. Ульрих фон Гуттен – выдающаяся фигура Реформации, близкий союзник Мартина Лютера и пропагандист его идей. Родившись в знатной семье торговца в немецком городе Могунцио, Гуттен был отправлен на службу к архиепископу Трира, где изучал латынь и классическую литературу. В 1507 году он поступил в Университет Ингольштадта, чтобы изучать право и теологию, а затем перевелся в Университет Фрайбурга, где продолжил углубленное изучение права. В 1517 году он принял решение оставить учебу и вернуться в Майнц, чтобы начать собственную книгопечатную деятельность. Активно участвовал в реформационном движении: в 1523 году он был арестован за распространение письма, основанного на проповедях Мартина Лютера. С 1519 по 1520 год Гуттен создал несколько острых и обличительных произведений как на латинском, так и на немецком языках. Среди наиболее выдающихся его работ можно назвать «Лихорадка I», «Лихорадка II» и, особенно, «Вадиск, или Римская троица».

Гуттен с энергией раскрывал порочность и паразитизм папского окружения, а также всей католической иерархии, подчеркивая необходимость радикальных мер и полной реформы. В диалоге «Вадиск» один из собеседников поддержал эту идею, заявив о необходимости уничтожения всех папских декретов вместе с их авторами и изобретателями [Гуттен, 1959, *79*].

Лейтмотивом диалогов Гуттена и других его произведений тех лет была идея защиты Германии от систематического ее ограбления папским Римом. При этом Гуттен подчеркивает, что все слои населения подвергаются ограблению со стороны папской агентуры, деятельность которой в Германии принимает характер общенародного бедствия. В опубликованной им в 1518 году, после возвращения из Италии, «Турецкой речи» Гуттен выдвигает борьбу с папским Римом в качестве необходимой предпосылки для подготовки победы над турками [Гуттен, 1959, *69*].

Филипп Меланхтон (1497–1560) был одной из ведущих фигур Реформации в Германии. Он являлся соавтором Аугсбургской исповеди – основополагающего документа протестантской церкви. Он также внес значительный вклад в образование, считая, что оно должно быть доступно для всех верующих. Его учение было направлено на распространение знаний среди широких слоев населения и на создание общей школьной системы. В 1518 году Меланхтон был приглашен на преподавательскую должность в Виттенбергском университете, где он встретился и сошелся во взглядах с Мартином Лютером. Лютер вдохновил его присоединиться к Реформации, и Меланхтон стал одним из главных его учеников.

В августе 1518 года Меланхтон сформулировал гуманистическую программу, которую последовательно отстаивал в своих речах и трудах.

Вместе с Лютером, Эразмом и Рейхлином он боролся с софистами и схоластами, выступая за новые идеи в обществе и церкви. В январе 1519 года он опубликовал свою «Риторику», которая быстро стала известной и получила признание в Германии. Меланхтон отмечал, что упадок риторики в Средние века повлек за собой упадок и церкви, и общества. Он рассматривал восстановление риторического искусства как один из ключевых факторов, способных привести к прогрессу и развитию. В своей «Риторике» он дал множество практических советов по использованию риторических приемов в общении и ораторском искусстве.

Интересно отметить, что у Меланхтона есть сходство с положениями гуманистов, выраженными в знаменитой сатире «Письма темных людей», как по смыслу, так и текстуально. Он также выступал за освобождение от устаревших догм и за признание человеческого разума как основы знания и прогресса. В целом Меланхтон был важным фигурантом культурной и религиозной революции, происходившей в Европе в XVI веке.

Важность изучения христианских памятников была главной темой речи Меланхтона. Он подчеркивал, что знание истории христианства является необходимым для лучшего понимания Христа [Ганина, 2021, *19*]. Однако Меланхтон высказывался о схоластах весьма категорично, называя их «мастерами незнания» [Гаврюшенко, 1984, *121*]. Он считал, что именно они несут ответственность за упадок культуры и образования [Mutiapus, 1935, *201*]. Меланхтон не только критиковал схоластов, но и предложил методы борьбы с ними. Он считал, что необходимо создать новую систему образования, основанную на знании религии и овладении практическими навыками. Также он отмечал важность изучения не только античных, но и христианских памятников для развития общества.

В заключение Меланхтон подчеркнул, что настоящее образование должно основываться на любви к знанию и поиске истины. Он выразил надежду, что его речь поможет людям осознать важность обучения и знания истории религии. Ясное понимание необходимости борьбы против формы, которую приняла католическая церковь, по-прежнему основывается на христианском гуманизме. «Я верю, – писал в предисловии Меланхтон, – что церковь, после того как она почти четыре столетия служила как вавилонская пленница, теперь наконец может до некоторой степени надеяться на христианскую свободу» [Гаврюшенко, 1984, *123*].

Таким образом, можно выделить общее мнение немецких гуманистов об идеальном христианине: это идеальный проповедник, который, в свою очередь, обязан понять человека, то есть слушателя. В целом они были критически настроены по отношению к традиционной церкви и призывали к рациональному и исторически подтвержденному подходу к вере. Они обосновывали свои идеи философскими и литературными работами и пыта-

лись изменить христианскую традицию с помощью образования и дискуссий. Работы их внесли значительный вклад в историю христианства и облегчили религиозную реформацию в Европе.

В настоящее время христианство является одной из самых распространенных религий в мире, с более чем двумя миллиардами последователей. Существуют различные конфессии христианства, такие как православие, католичество и протестантизм в различных его ответвлениях, которые различаются в своем учении и обрядности. Несмотря на расколы и разногласия, христиане во всем мире празднуют основные события своей истории, такие как Рождество, Пасха и Пятидесятница. История христианства продолжается и остается одной из наиболее важных частей культурного и религиозного наследия человечества.

Сегодня труды немецких мыслителей являются актуальным и важным источником для историков, теологов, философов и исследователей религии. Их работы помогают лучше понять не только христианство, но и глубинные изменения, которые происходят в нашей культуре и обществе в целом. В итоге мы убеждены, что немецкие мыслители справедливо заняли свое место в истории христианства и продолжают оставаться олицетворением высокой интеллектуальной культуры, которая внесла драгоценный вклад в развитие религиозной мысли христианского мира.

ЛИТЕРАТУРА

Воронин С.А. Главные заблуждения нашего времени: от Реформации до неолиберализма. Реформация, гуманизм, просвещение и капитализм // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2014. № 4. С. 10–33.

Гаврюшенко А.А. Идейная позиция Ф. Меланхтона в 1518–1520 гг.: гуманист или теолог? // Античная древность и средние века. Вып. 21: Античная и средневековая идеология. Свердловск, 1984. С. 119–132.

Ганина М.А. Филипп Меланхтон: идеи гуманистического университетского образования // Казанский вестник молодых ученых. 2021. Т. 5, № 3. С. 18–20.

Гейгер Л. История немецкого гуманизма. СПб., 1899. 355 с.

Гуторович О.В., Гуторович В.Н. Христианско-гуманистические идеи Эразма Роттердамского // Вестник ЧелГУ. 2021. № 5(451). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/hristiansko-gumanisticheskie-idei-erazma-rotterdamskogo (дата обращения: 30.05.2023).

Гуттен У. Диалоги, публицистика, письма. М.: Изд-во АН СССР, 1959. 523 с.

Клишина Е.С., Киселева А.Ю. Зарождение христианства // StudNet. 2021. № 3. С. 81.

Лурье З.А. Театр в педагогике Филиппа Меланхтона // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2022. № 5. С. 157–167.

Попова О.А. Политическая сатира в немецкой литературе периода Реформации (По творчеству Ульриха фон Гуттена) // Художественная культура как феномен: материалы регион. науч.-практич. конф. / под ред. И.Н. Гнездиловой. Тюмень: ТюмГУ, 2002. С. 48–52.

Роттердамский Э. Диатриба, или Рассуждение о свободе воли // Философские произведения. М., 1986. С. 218–289.

Роттердамский Э. Оружие христианского воина // Философские произведения. М.: Наука, 1986. 703 с.

Смирнова Е. Средневековый мир в терминах, именах и названиях. Минск: Беларусь, 2001. 383 с.

Цвейг С. Триумф и трагедия Эразма Роттердамского / пер. с нем. М.С. Харитонова. М., 1977. 286 с.

Huizinga J. Erasmus. 2-e Aufl. Basel, 1951.

Melanchthon Ph. De corrigendis adulescentiae studiis // Philippus Melanchthon. Declamationes. Berlin, 1891. S. 13.

Mutianus Rufus an Beinrif Urban // Humanismus und Renaissance in der deutschen Städten und an der Universitäten. Leipzig, 1935. Bd. 2. S. 201.

Ritter G. Die Geschichtliche Bedeutung des Deutschen Humanismus // Wissenschaftliche Buchgesellschaft.1963. S. 441–442.

S.A. Filatova
Postgraduate Student,
Smolensk State University
Smolensk, Russia

The Attitude of the German Humanists of the XVI Century to the Catholic Church

The article examines the works of German humanists of the XVI century. The author studies the attitude of the German humanists of the XVI century to the Catholic Church. The analysis of the historical context and characteristic features of German humanistic thought in the XVI century is made, as well as the positions of the leaders of the humanistic and reformation movement in relation to the Catholic Church are considered. The article emphasizes that German humanists showed a critical attitude towards the church, condemning its theological errors and shortcomings in practice. At the same time, the author points out, that humanists did not deny the importance of the church and its role in society, but tried to achieve its reformation and improvement. The article shows that humanists treated the Catholic Church ambiguously, their views on its role and significance in society were peculiar. German humanists in the XVI century were critical of the Catholic Church, but did not reject its teachings as a whole. They sought to identify and rid the church of vicious practices. Overall, the article is of interest to anyone studying the history of the church and humanistic thought in the XVI century.

Key words: *humanism; Reformation; Catholicism; Church; Holy Scripture; German thinkers.*

REFERENCES

Voronin S.A. The main misconceptions of our time: from the Reformation to neoliberalism. Reformation, humanism, enlightenment and capitalism [Glavny`ezabluzhdeniyanashegovremeni: ot Reformacii do neoliberalizma. Reformaciya, gumanizm, prosveshhenieikapitalizm]. *Bulletin of the Russian Peoples' Friendship University*. Series: World history. Moscow. 2014, no. 4, pp. 10–33 (in Russian).

Gavryushenko A.A. The ideological position of F. Melanchthon in 1518–1520: humanist or theologian? [Idejnayapoziciya F. Melanxtona v 1518-1520 gg.: gumanist ili teolog?]. *Antichnaya drevnost' i srednie veka. Vyp. 21: Antichnaya i srednevekovaya ideologiya.* Sverdlovsk, 1984, pp. 119–132 (in Russian).

Ganina M.A. Philip Melanchthon: ideas of humanistic university education [idei gumanisticheskogo universitetskogo obrazovaniya]. *Kazan Bulletin of Young Scientists.* Kazan, 2021. Vol.5, no. 3 (in Russian).

Gejger L. History of German humanism [Istoriya nemeczkogo gumanizma]. Saint Petersburg, 1899 (in Russian).

Gutorovich O.V., Gutorovich V.N. Christian-humanistic ideas of Erasmus of Rotterdam [Hristiansko-gumanisticheskie idei E`razma Rotterdamskogo]. *Bulletin of ChelSU,* 2021, no.5 (451). Available at: URL: https://cyberleninka.ru/article/n/hristiansko-gumanisticheskie-idei-erazma-rotterdamskogo (accessed on May 30, 2023) (in Russian).

Gutten U. Dialogues, journalism, letters [Dialogi, publicistika, pis`ma]. Moscow: Izd-vo AN SSSR, 1959. 523 p. (in Russian).

Klishina E.S., Kiselev aA.Yu. The Birth of Christianity [Zarozhdenie hristianstva]. *StudNet*, 2021, no. 3. P. 81 (in Russian).

Lurie Z.A. Theater in the pedagogy of Philip Melanchthon [Teatr v pedagogike Filippa Melanxtona]. *Issues of Tomsk State Teacher Training University*. Tomsk, 2022, no. 5, pp. 157–167 (in Russian).

Popova O.A. Political satire in German literature of the Reformation period (Based on the work of Ulrich von Hutten) [Politicheskaya satira v nemeczkoj literature perioda Reformacii (Po tvorchestvu Ul`rixa fon Guttena)]. *Artistic culture as a phenomenon: materials from the regional scientific-practical conference.* Edited by Gnezdilova I.N. Tyumen: Tyumen State University, 2002, pp. 48–52 (in Russian).

Rotterdamsky E. Diatribe, or reasoning about free will [Diatriba, ilirassuzhdenie o svobodevoli]. Philosophical works. Moscow, 1986, pp. 218–289 (in Russian).

Rotterdamsky E. Weapons of the Christian warrior [Oruzhiexristianskogovoina]. Philosophical works. Moscow: Nauka, 1986. 703 p. (in Russian).

Smirnova E. The medieval world in terms, names and titles [Srednevekovy`j mir v terminax, imenaxinazvaniyax]. Minsk: Belarus, 2001. 383 p. (in Russian).

Zweig S. Triumph and Tragedy of Erasmus of Rotterdam [Triumf i tragediya E`razma Rotterdamskogo]. Translated from German by Kharitonova M.S. Moscow, 1977. 286 p. (in Russian).

Huizinga J. Erasmus. 2-e Aufl. Basel, 1951. (in German).

Melanchthon Ph. De corrigendis adulescentiae studiis. *Philippus Melanchthon. Declamationes*. Berlin, 1891, S. 13. (in German).

Mutianus Rufus an Beinrif Urban. *Humanismus und Renaissance in der deutschen Städten und an der Universitäten.* Leipzig, 1935. B. 2. S. 201 (in German).

Ritter G. Die Geschichtliche Bedeutung des Deutschen Humanismus. *Wissenschaftliche Buchgesellschaft.*1963. S. 441–442 (in German).

А.А. Ходин

Гейдельбергский университет
Гейдельберг, Германия

УДК 94

DOI 10.35785/2072-9464-2023-63-3-183-198

ЭВОЛЮЦИЯ ВОСПРИЯТИЯ ЧИНАМИ СВЯЩЕННОЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ ФРАНЦУЗСКОЙ ПОЛИТИКИ «РЕЮНИОНОВ» ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII ВЕКА

Ключевые слова: *политика «реюнионов»; политика воссоединения; Франция; Людовик XIV; имперские чины; Священная Римская империя.*

В статье рассматривается политическая позиция и восприятие некоторыми чинами Священной Римской империи французской политики «реюнионов» (воссоединения) 1667–1697 годов. В разной степени автором затронуто положение таких княжеств, как Бранденбург, Бавария, Саксония, Брауншвейг-Люнебург, Гессен-Кассель, Мюнстер, Кельн, Трир, Майнц, Пфальц, Баден-Баден, Баден-Дурлах и Вюртемберг. Определенное внимание обращено на попытки создания союза для противостояния экспансионистской политике французского короля Людовика XIV. Однако эффективность таких союзов с точки зрения создания боеспособной армии была незначительной.

В результате исследования автор может констатировать, что политика «реюнионов» воспринималась имперскими чинами в целом негативно. Ряд чинов Империи: Бранденбург, Брауншвейг-Люнебург, Бавария, Гессен-Кассель и некоторые другие – обладали значительными финансовыми ресурсами и достаточно боеспособными военными контингентами. Это давало им возможность не только не опасаться французского вторжения в Империю, но и эффективно противостоять ему.

Некоторые княжества могли лишь временно использовать Францию, чтобы ослабить влияние императора. Среди князей существовало понимание, что Франция была сильным абсолютистским государством и находиться в зоне его влияния означало бы потерю суверенитета.

Отличительной чертой Европы второй половины XVII века были многочисленные военные конфликты. В их основе лежала конкуренция между европейскими государствами за сферы влияния и ресурсы. Одним из основных участников этого противостояния было Французское королевство, проводившее политику воссоединения с «утерянными территориями», или «реюнионов» (фр. *Politique des Réunions*). Данный термин обозначает территориальную экспансию французского короля Людовика XIV (1643–

1715) по присоединению территорий, которые, по мнению французской дипломатии, когда-то должны были входить в состав Франции. К таким землям относились Испанские Нидерланды и некоторые западные территории Священной Римской империи. Временные рамки политики воссоединения охватывали тридцатилетний период с 1667 по 1697 год. В это время Франция стала участницей нескольких военных кампаний. В исторической литературе они часто именуются «войнами за воссоединение» между Францией, с одной стороны, и Нидерландами, Испанией, императором и чинами Священной Римской империи – с другой.

В зарубежных исследованиях проблема французской политики «реюнионов» чаще всего преподносится в рамках общих работ по международным отношениям [Malettke, 2012], а также с акцентом на военных аспектах преимущественно для Франции [Lynn, 1999]. Довольно интересными представляются труды немецких исследователей К.П. Деккера [Decker, 1981], Г. Брауна [Braun, 2010] и Т. Хауга [Haug, 2016]. В российской историографии данной тематике уделяется относительно небольшое внимание. В особенности это касается вопроса взаимоотношений Франции с отдельными имперскими чинами (нем. *Reichsstände*) – князьями и другими субъектами Священной Римской империи. Исключением стали труды выдающегося российского ученого Ю.Е. Ивонина [Ивонин, 2004–2009], где значительное внимание уделено как внутренним, так и внешнеполитическим проблемам Империи. Опираясь на его многотомное исследование, предполагается рассмотреть политическую позицию некоторых имперских чинов относительно французской политики воссоединения 1667–1697 годов. В рамках данного очерка невозможно сконцентрироваться на всех имперских княжествах, которые были затронуты завоевательной политикой Людовика XIV. Поэтому предполагается выбрать лишь те из княжеств, значение которых было наиболее велико.

Отношения имперских чинов и Франции никогда не отличались постоянством. Многие князья воспринимали Францию как сильное государство с большими финансовыми и военными ресурсами. Часто князья были заинтересованы в поддержке со стороны Франции. Таким образом они надеялись ослабить власть императора, но при условии, что французское посредничество не угрожало интересам самих князей. 14 августа 1658 года при содействии французского министра Джулио Мазарини был создан Рейнский союз (Рейнская лига), который в основном состоял из имперских чинов прирейнского региона. Его целью было сплотить немецких князей под влиянием Франции и уменьшить влияние императора Леопольда I (1658–1705). Рейнский союз предполагал наличие армии в 10 000 человек, большую часть из которых должна была предоставить Франция [Malettke, 2012, *297*]. После смерти Мазарини в 1661 году и по мере укрепления самостоятельной политики молодого короля Людовика XIV союз утратил свое значение. Период существования Рейнского союза означал некоторое сближение интересов

Франции и имперских чинов. Ситуация начала меняться к концу 60-х годов XVII века, когда французский король перешел к политике военной экспансии вблизи границ Империи.

Первым конфликтом в рамках политики «реюнионов» считается Деволюционная война (1667–1668) между Францией и Испанией. Людовик XIV предъявил претензии на некоторые земли Испанских Нидерландов. Военные успехи Франции в данном конфликте были очевидны, что вызвало опасения у Англии, Нидерландов и Швеции. 23 января 1668 года эти государства заключили Тройственный альянс против Франции, который носил оборонительный характер. Его целью было заставить французского короля прекратить военную экспансию. Франция была вынуждена заключить мир с Испанией, который был подписан 2 мая 1668 года в Аахене. Следующим шагом французской завоевательной политики стала оккупация герцогства Лотарингия, которое на протяжении долгого времени находилось в зоне интересов французской монархии, в 1670 году. Не прошло и двух лет, как началась затяжная Голландская война (1672–1679). Основной причиной конфликта была экономическая конкуренция между Францией и Нидерландами. Впоследствии Францию в разные годы поддерживали Англия, Швеция, Кельн и Мюнстер (до 1675 года). На стороне Нидерландов выступили Испания, император, Бранденбург и Дания. Спустя еще около двух лет, 30 сентября 1681 года, французские войска оккупировали Страсбург – город в составе Священной Римской империи. Затем последовала «Война за воссоединение» (1683–1684) между Францией и Испанией, на стороне которой выступили Нидерланды, император и Генуя. В июне 1684 года французская армия оккупировала герцогство Люксембург, также входившее в состав Империи, но фактически находившееся под контролем испанской ветви Габсбургов. Наконец, 15 августа 1684 года в Регенсбурге Франция заключила перемирие с Испанией и императором. Его срок составил 20 лет. Это был наивысший успех Людовика XIV в проведении политики «реюнионов». Согласно условиям перемирия, признавались территориальные приобретения Франции до 1681 года, включая Страсбург. Теперь Франция контролировала важные крепости на Рейне, кроме Майнца и Кобленца. Вскоре, в 1688 году, началась последняя из войн за воссоединение. Одно из наиболее популярных ее названий – «война за Пфальцское наследство» (1688–1697). В ходе этого затяжного конфликта Людовику XIV противостояли чины Священной Римской империи, Нидерланды, Испания, Савойя, Швеция и Англия.

Все вышеперечисленные конфликты прямо или косвенно затрагивали интересы многочисленных имперских княжеств. Общий взгляд на политику «реюнионов» дает понять, что среди чинов Империи Лотарингия, Люксембург и Страсбург являлись первичными целями оккупации Людовика XIV. Другие князья также осознавали опасность, которая исходила от амбициозного французского короля. Многие были недовольны усилением влияния императора, но,

по замечанию Ю.Е. Ивонина, Империя была лишь предгосударственным имперским союзом [Ивонин, 2009, *9*], а не единым государством, к тому же власть императора была ограничена конституцией. Франция же, напротив, была централизованным государством с сильной армией. Для имперских князей Франция неминуемо превращалась из временного союзника в борьбе против влияния Габсбургов в опасного противника. Князьям была не нужна Франция, войска которой в любой момент могли вторгнуться в их владения с последующим обоснованием правомерности этой экспансии с юридической точки зрения. В результате на протяжении периода «реюнионов» имперские чины стремились противостоять французской угрозе. Это выражалось в создании ими нескольких военно-политических союзов. В 1673 году была предпринята попытка сформировать оборонительную коалицию Верхнесаксонского, Нижнесаксонского и Франконского имперских округов. Однако это еще не был союз против Франции. В 1679 году несколько имперских чинов создали Франкфуртский альянс, целью которого была защита от более сильных имперских княжеств, в первую очередь от Мюнстера. В 1681 году во Франкфурте образовалась Лига Рейнских принцев. Эта организация была направлена на сдерживание возможной французской агрессии, но она не имела реальной военной силы, так же как и последующая коалиция 1682 года, когда несколько имперских чинов, округов и сам император объединились в Лаксенбургский альянс [Duchhardt, 2007, *34*], который так и не смог стать реальной силой против Франции. Несколько более действенным антифранцузским союзом стал Аугсбургский альянс, образованный 9 июля 1686 года и впоследствии используемый Людовиком XIV в качестве предлога для вторжения в Империю [Aretin, 1997, *17*]. Главной целью альянса было сохранить статус-кво Вестфальского (1648), Нимвегенского (1678) и Регенсбургского (1684) мирных договоров. Среди его наиболее важных участников, помимо императора, были Испания, Швеция, Нидерланды, Бранденбург, Бавария, Пфальц, чины Франконского и Верхнерейнского имперских округов и др. На практике в начале войны за Пфальцское наследство Аугсбургский альянс не имел хорошо организованной армии, способной эффективно вести войну против французских войск. Это побудило князей срочно создать новую организацию. 22 октября 1688 года возник Магдебургский концерт (нем. *Magdeburger Konzert*) – военный союз имперских чинов, обладающих постоянной армией. Среди его участников главную роль играли император, Бранденбург, Саксония, Гессен-Кассель, Брауншвейг-Люнебург и др. [Kotulla, 2008, *133*]. Во время войны за Пфальцское наследство армиям Магдебургского концерта удалось отбросить французские войска за Рейн. Завершающим этапом коалиционной политики против Франции в рамках рассматриваемого периода стало преобразование Аугсбургского альянса в Великий Венский альянс 17 мая 1689 года. Он возник в результате присоединения к Аугсбургскому альянсу Англии и Нидерландов в личной унии Вильгельма Оранского. В итоге, за исключением Магдебургского

концерта, ни один из вышеназванных антифранцузских союзов не смог эффективно противостоять армиям Людовика XIV. Одной из причин этого была разобщенность интересов участников союзов. Никто из князей не желал расходовать свои финансовые и людские ресурсы только ради общей идеи обороны империи от французской экспансии. Как точно отметил Ю.Е. Ивонин, отношение князей к делам общеимперского уровня «различалось в зависимости от их интересов и удаленности от театра военных действий» [Ивонин, 2009, *164*]. Общее восприятие политики «реюнионов» со стороны имперских чинов строилось на том, что не общеимперские, а сугубо территориальные интересы играли главную роль в политическом сознании князей. Для более детального рассмотрения вопроса обратим внимание на некоторые чины Империи, которые в большей степени были затронуты перипетиями вышеописанных событий.

Одним из важнейших чинов в этом плане было курфюршество Бавария. Географически его территории располагались на относительном удалении от французской границы. Несмотря на это, баварские курфюрсты не без опасения наблюдали за ростом влияния Франции в Империи. Начиная с 50-х годов XVII века на протяжении почти тридцати лет баварским курфюрстом был Фердинанд Мария (1651–1679) из династии Виттельсбахов. Он проводил довольно взвешенную внешнюю политику, суть которой заключалась в соблюдении нейтралитета между Францией и императором. Исходя из дипломатических инструкций, Версаль также был заинтересован в лояльности Баварии, особенно в то время, когда Франция начала первые шаги в политике «реюнионов» [Mémoire pour server d'instruction, 1889, *20–29*]. В феврале 1670 года в Мюнхене между Баварией и Францией даже был заключен союзный договор [Körner, 2009, *60*]. Во время Голландской войны Бавария фактически оставалась нейтральной, но постепенно начинала воспринимать французскую политику «реюнионов» как угрозу [Angermeier, 1991, *437*]. Максимилиан II Эммануэль (1679–1726), в 1679 году ставший баварским курфюрстом, вел более активную внешнюю политику. В отличие от своего предшественника, новый курфюрст проводил курс на сближение с Габсбургами и отдаление от Версаля. Он также заключил брак с дочерью императора Марией Антонией. По оценке немецкого историка П.К. Хартманна, Максимилиан II Эммануэль был под влиянием патриотических идей противостояния империи французской угрозе [Hartmann, 2013, *463*], что повлияло на его негативное восприятие политики «реюнионов». Во время войны за Пфальцское наследство баварская армия принимала самое активное участие в боевых действиях против Франции.

Помимо Баварии, одним из важнейших оппонентов Людовика XIV стали курфюршества Брауншвейг-Люнебург (с 1692 года; или курфюршество Ганновер) и Бранденбург. Эрнст Август Брауншвейг-Люнебургский (1692–1698) был видным противником политики «реюнионов». В течение многих лет он воевал против французского короля, за что был удостоен титула курфюрста. Не менее сложными отношения с Францией были и у Бранденбурга. Как и в

случае с Баварией, основные бранденбургские территории находились на относительном удалении от французской границы. Однако на Рейне располагались земли, которые также принадлежали Бранденбургу: герцогство Клеве, графства Марк и Равенберг. Если проанализировать дипломатическую корреспонденцию курфюрста Бранденбургского Фридриха Вильгельма (1640–1688), становится очевидно, что французская политика «реюнионов» была для него одной из насущных проблем. Его многочисленные письма чиновникам показывают, что Фридрих Вильгельм воспринимал Францию не всегда как угрозу, но как партнера, способного пошатнуть равновесие политических сил в Империи [Urkunden und Actenstücke, 1911]. В начале Голландской войны курфюрст Бранденбургский примкнул к антифранцузской коалиции. Однако в 1673 году между Францией и Бранденбургом был заключен сепаратный мир. В следующем, 1674 году против Франции была объявлена имперская война. Это повлияло на то, что Бранденбург снова порывает с Францией и его войска сражаются с французской армией в Эльзасе. Желая подчеркнуть угрозу Франции для имперских земель, в мае 1675 года камер-юнкер бранденбургского курфюрста Дитрих Сигизмунд фон Бух писал в своем дневнике: «…французский король странствовал по Империи повсюду, опустошая одну область за другой»[1] [Buch, 1905, *101*]. В данном отрывке речь идет только о Голландской войне, когда французские войска вступили на территорию Империи, но разрушения не были столь масштабными, как во время войны за Пфальцское наследство. Чтобы отвлечь Фридриха Вильгельма от антифранцузской политики, Людовик XIV убедил шведского короля Карла XI (1660–1697) выступить против Бранденбурга. Это повлияло на то, что в 1675 году Фридрих Вильгельм отвел свои войска от французского театра военных действий и направил их против шведов. В итоге до 1678 года бранденбургскому курфюрсту удалось завоевать Шведскую Померанию. Однако конец Голландской войны оказался не столь успешным для Бранденбурга, и виной этому снова стал Людовик XIV. На мирных переговорах он потребовал, чтобы Бранденбург вернул Швеции завоеванные земли, что и стало итогом Сен-Жерменского мирного договора 29 июня 1679 года. Бранденбург был вынужден отдать все приобретения Швеции. Впоследствии курфюрст Фридрих Вильгельм попытался заручиться поддержкой императора, однако эта стратегия оказалась провальной. Бранденбургу ничего не оставалось, как снова пойти на сближение с Людовиком XIV и с 1679 года соблюдать нейтралитет в отношении Франции. Новое охлаждение отношений между сторонами наступило в 1685 году, когда французский король издал эдикт в Фонтенбло, отменяющий свободу вероисповедания. В ответ Фридрих Вильгельм издал Потсдамский эдикт, который разрешал французским кальвинистам поселиться на территории Бранденбурга. Впоследствии эти люди

[1] Перевод наш.

внесли вклад в развитие торговли, промышленности, науки и культуры курфюршества [Hasquin, 2005, *196–197*]. Они стали новыми подданными и, соответственно, новыми плательщиками налогов в казну. В 1688 году курфюрстом Бранденбургским стал Фридрих III (1688–1713). Несмотря на склонность ко всему французскому, во внешней политике он был довольно прагматичен и поддержал императора в борьбе с Францией. В это время началась война за Пфальцское наследство, на протяжении которой позиция Бранденбурга отличалась антифранцузской направленностью. Бранденбург оставался довольно сильным игроком как внутри системы имперских государств, так и в отношении европейских держав. Однако сил у него было недостаточно, поэтому курфюрсты Бранденбургские стремились заручиться поддержкой то императора, то Франции. Но общая тенденция восприятия Франции со стороны бранденбургских курфюрстов была преимущественно враждебной.

В похожем с Бранденбургом положении находилось ландграфство Гессен-Кассель, которое также имело территории на Рейне, вблизи от французской границы – «Нижнее графство» Катценельнбоген, замок Райнфельс и ландграфство Гессен-Ротенбург. По этой причине ландграф Гессен-Кассельский Карл (1670–1730) был заинтересован в противостоянии французской завоевательной политике вдоль Рейна. К тому же ландграфство принимало французских кальвинистов, гонения на которых начались во Франции [Duchhardt, 2007, *37*].

Несколько иная ситуация наблюдалась в близлежащей Саксонии. Во второй половине XVII века саксонские курфюрсты в основном находились на стороне императора. В то же время курфюрсты Иоганн Георг II (1656–1680) и Иоганн Георг III (1680–1691) старались избегать активной антифранцузской политики. Лишь во время правления Иоганна Георга IV (1691–1694) саксонские войска напрямую приняли активное участие в боях с армиями Людовика XIV [Lynn, 1999, *210*]. Однако ни Саксония, ни уже упомянутые выше чины не стали главным объектом вторжения французских войск за весь период «реюнионов». Ближе к французской границе располагались германские княжества, экономике и инфраструктуре которых в разное время пришлось напрямую ощутить последствия военных действий. Важнейшее значение в данном контексте имели Мюнстер, Кельн, Пфальц, Трир и Майнц. Интерес Людовика XIV к этим землям объяснялся их близостью к французской границе и тем, что они располагались на Рейне – важной торговой артерии. Контроль над Рейном позволил бы Франции в перспективе получить большие материальные выгоды от торговых операций. К тому же Мюнстер и Кельн находились неподалеку от Нидерландов – сильного экономического конкурента Франции. Епископ Мюнстерский Кристоф Бернгард фон Гален (1650–1678) также конкурировал с Нидерландами в сфере торговли, поэтому видел во Франции своего временного союзника, о чем свидетельствует объемнная корреспонденция Галена [Akten und

Urkunden, 1980–1986]. В 1672 году в ходе переговоров Мюнстер, Кельн и Франция объединили свои усилия против Нидерландов и императора [Schöne, 2016, *175*]. Главной целью Мюнстера было захватить богатый голландский город Гронинген. Однако после нескольких военных поражений в 1674 году Гален пошел на попятную, а в 1675 году выступил против Франции. Приемник Галена – епископ Фердинанд фон Фюрстенберг (1678–1683) проводил политику баланса сил между Францией и императором [Kohl, 1999, *277*]. Наиболее благоприятные отношения между Версалем и Мюнстером сложились, когда епископом Мюнстерским стал действующий курфюрст Кельнский Максимилиан Генрих (1683–1688). После его смерти в 1688 году должность епископа перешла Фридриху Кристиану фон Плеттенбергу (1688–1706), которому была свойственна политика лавирования по отношению к Версалю [Kohl, 1999, *281*]. Когда в 1689 году была объявлена имперская война против Франции, Плеттенберг с неохотой принял в ней участие, затем заключил с Людовиком XIV тайный договор о нейтралитете, но в конце снова примкнул к антифранцузской коалиции.

Неподалеку от Мюнстера располагалось Кельнское курфюршество – еще один из важнейших субъектов Империи, активно взаимодействовавших с Францией во время политики «реюнионов». С 1650 года архиепископом и курфюрстом Кельна был Максимилиан Генрих Баварский (1650–1688), который имел репутацию сторонника французского короля Людовика XIV. Между Кельном и Францией было заключено несколько союзных договоров. В начале 50-х годов XVII века Кельн предоставил временное убежище бежавшему от фронды французскому кардиналу Мазарини. Такая политика курфюрста не являлась следствием любви к Франции. Максимилиан преследовал весьма прагматичные цели. Земли кельнского курфюршества располагались вблизи от Нидерландов, с которыми у Франции во второй половине XVII века были территориальные, колониальные и торговые противоречия. Расчет курфюрста Максимилиана был весьма прост. Поддержав Францию, воевавшую с Нидерландами, он надеялся, что Нидерланды будут ослаблены, в том числе в экономическом отношении. Только Максимилиан не учел, что в 70-е годы XVII века в ходе Голландской войны именно территория кельнского курфюршества оказалась на пути следования как французских, так и противостоявших им армий. Это значительно ослабило экономическое положение Кельна. Все больше ощущалась нехватка денег. А к 80-м годам XVII века резко ухудшилось состояние здоровья самого Максимилиана. С этого времени в делах он все более полагался на своих советников, выполнявших за него всю рутинную работу. Значительное влияние на курфюрста имел Вильгельм Фюрстенберг. При поддержке Людовика XIV в 80-е годы XVII века он занял должность епископа Страсбургского, а после был удостоен высокой должности кардинала. Эти назначения были, несомненно, важны для его политической карьеры. Но фран-

цузский король отводил Фюрстенбергу иную роль, нежели простого служителя церкви. Людовик XIV желал, чтобы после смерти изнемогающего от болезни кельнского курфюрста Максимилиана Баварского его место занял именно Фюрстенберг [Lynn, 1999, *192*]. Расчет французского короля был следующим: Версалю нужен был верный человек в столь значимом курфюршестве, как Кельн. Помимо Людовика XIV, назначения Фюрстенберга желал и сам курфюрст Кельнский Максимилиан, безгранично доверявший Фюрстенбергу и полагавшийся на его талант. В 1688 году Фюрстенберг был избран коадьютором кельнского архиепископа, что было хорошей предпосылкой для того, чтобы со временем занять место самого архиепископа и курфюрста. Официальных же гарантий такого наследования сана архиепископа не было. Вскоре после избрания Фюрстенберга коадьютором скончался действующий архиепископ Максимилиан. Казалось, все формальности соблюдены и в скором будущем Фюрстенберг должен официально занять должность архиепископа. Однако, помимо Франции, интерес к Кельну проявляла Бавария, выставившая своего претендента на должность архиепископа. Им был Иосиф Клеменс (1671–1723) – родной брат курфюрста Баварского Максимилиана II Эммануэля. Слабый и мягкотелый Иосиф находился под влиянием своего брата. Было очевидно, что если Иосиф станет кельнским архиепископом, то реальным правителем в Кельне будет баварский курфюрст. В разгоревшемся конфликте решающее слово было за главой Римской католической церкви – папой римским Иннокентием XI (1676–1689), который отказался утвердить Фюрстенберга в должности архиепископа Кельнского [Tischer, 2017, *145*]. Игнорируя решение папы, Фюрстенберг объявил себя победителем и приказал занять резиденцию кельнского архиепископа – город Бонн, а также другие важные города и крепости. Естественно, такое положение дел не устраивало ни Баварию, ни императора, которые обратились в коллегию курфюрстов и к папе римскому с жалобой на Фюрстенберга. Папа удовлетворил прошение. Действия Фюрстенберга объявлялись незаконными, а место архиепископа Кельнского передавалось Иосифу Баварскому. В ответ в сентябре 1688 года французский король направил войска на помощь Фюрстенбергу. Со стороны императора и Баварии ввод французских войск в кельнское курфюршество был воспринят как агрессия против Империи, а также как параллельное наступление французов в Пфальцском курфюршестве, в основе которого лежал многолетний спор за наследование.

Начиная с конца 40-х годов XVII века курфюрст Пфальцский Карл I Людвиг (1648–1680) приложил немало усилий для восстановления хозяйства и политической значимости региона. Затем трон курфюрста перешел к его сыну Карлу II (1680–1685), правление которого длилось лишь пять лет. Во внешней политике он пытался противостоять расширению влияния французского короля. Основная проблема состояла в том, что у Карла II не было прямых наследников, поэтому в 1685 году на пфальцский престол

вступил его двоюродный брат Филипп Вильгельм (1685–1690). Будучи католиком, новый курфюрст не нашел понимания в среде местной протестантской аристократии и передал власть своему сыну Иоганну Вильгельму в качестве управляющего. Данная ситуация с престолонаследованием заинтересовала французского короля, что следует из инструкции его представителям в Пфальце – Мейнхардту Шомбергу [Mémoire pour servir d'instruction, 1889, *398–399*] и аббату Морелю [Mémoire pour servir d'instruction, 1889, *402–403*]. С одной стороны, может показаться странным тот факт, что Людовик XIV мог каким-то образом претендовать на территорию, ранее не принадлежавшую Франции. Добавим к тому же, что немецкоязычные правители и население Пфальца на протяжении нескольких веков относились к Священной Римской империи, а никак не к Франции. Дело было в том, что сестра предыдущего курфюрста Карла II Лизелотта (Елизавета Шарлотта) была выдана замуж за младшего брата французского короля – герцога Орлеанского Филиппа (1640–1701). Для Людовика XIV это был предлог для вмешательства в дела Империи, поэтому он предъявил права на Пфальцское наследство, что стало одним из поводов к будущей войне. Обострившаяся ситуация вызывала опасения не только в Пфальце, но и на приграничных территориях, прежде всего в курфюршествах Майнц и Трир, отношения которых с Францией были не менее сложными.

По замечанию Ю.Е. Ивонина, курфюрст Майнцский Иоганн Филипп фон Шенборн (1647–1673) «пытался найти во Франции противовес усилившимся позициям императора» [Ивонин, 2009, *142*]. С 1655 года курфюрст отдалился от Габсбургов и сблизился с Францией. В 1658 году он был одним из организаторов Рейнской лиги, а затем снова оказался на стороне императора [Brendle, 1999, *77*]. Преемников Шенборна не отличала какая-либо активная политика по отношению к Версалю. С 1679 года Майнц придерживался нейтралитета. Во время войны за Пфальцское наследство курфюршество подверглось разорению, а курфюрст Анзельм Франц фон Ингельгейм (1679–1695) был вынужден покинуть свои владения. Подобную позицию по отношению к Франции занимал и Трир. Первоначально курфюрст Трирский Карл Каспар фон дер Ляйен (1652–1676) поддерживал Габсбургов. Во время Голландской войны Трир выступил против Франции. Вследствие этого с 1673 до 1675 года часть курфюршества была оккупирована французскими войсками, а в 1684 году был захвачен и сам город Трир. Затем, во время войны за Пфальцское наследство, курфюршество в очередной раз подверглось разорению, кроме стратегически важной крепости Кобленц [Lynn, 1999, *194*]. Картины опустошений в этот период можно было увидеть и во многих других имперских княжествах вдоль Рейна. Земли маркграфств Баден-Дурлаха и Баден-Бадена подверглась разорению со стороны французских войск еще в 70-е годы XVII века. Но, как это характерно для большинства чинов, более существенные разорения происходили во

время войны за Пфальцское наследство. Сторонник императора маркграф Баден-Баденский Людвиг Вильгельм (1677–1707) слыл опытным полководцем, хорошо проявившим себя в турецкую кампанию. Во время продвижения политики «реюнионов» его войска оказывали французам ожесточенное сопротивление на Рейне [Lynn, 1999, *236*]. Несколько иное поведение было свойственно маркграфу Баден-Дурлахскому Фридриху VII Магнусу (1677–1709), который практически не сопротивлялся и бежал в Базель, где долгое время находились его административные учреждения. Сложная ситуация наблюдалась и в южном герцогстве Вюртемберг. В последние годы правления герцогов Эберхарда III (1628–1674) и Вильгельма Людвига (1674–1677) Вюртемберг был затронут Голландской войной, так как на его территории были расквартированы войска. В 1677 году престол герцога занял Эберхард IV Людвиг (1677–1733). Пока юный наследник не достиг совершеннолетия, всеми делами занимался его дядя и регент Фридрих Карл Вюртемберг-Винненталь (1677–1693). С началом войны за Пфальцское наследство и дядя, и племянник бежали в Нюрнберг. В 1692 году Фридрих Карл попал в плен к французам и начал с ними переговоры о нейтралитете герцогства. Целью Людовика XIV было воспользоваться территорией Вюртемберга и беспрепятственно дойти до Баварии. Чтобы предотвратить это, в 1693 году император провозгласил юного Эберхарда Людвига совершеннолетним. Таким образом, полномочия регента на управление перестали быть действительными, и угроза нейтралитета герцогства была снята. С этого времени армия герцога Вюртембергского принимала активное участие в отражении французской угрозы [Lynn, 1999, *234*].

В итоге можно констатировать, что за весь период политики «реюнионов» отношения между Францией и имперскими чинами переживали один из самых сложных этапов развития. Французская угроза для князей была очевидной. Чтобы ее устранить, князья вступали в союзы против Франции. За исключением Магдебургского концерта, ни один из этих союзов не был эффективен с точки зрения создания боеспособной армии.

Имперским чинам не был нужен такой сильный и опасный сосед, как Французское королевство. Особенно это касалось тех, чьи территории находились вблизи Рейна, в первую очередь Трира, Майнца и Пфальца, а также менее значимых княжеств – Баден-Дурлаха, Баден-Бадена и Вюртемберга. Некоторые имперские чины, такие как Кельн и Мюнстер, могли лишь временно поддерживать экспансию Людовика XIV. Но только в том случае, если они могли извлечь экономическую выгоду от вторжения Франции в Нидерланды. Более значимые в политическом плане чины – Бранденбург и Гессен-Кассель – имели только ряд крепостей на Рейне, поэтому также опасались французского вторжения. В отличие от остальных чинов Империи, Бранденбург, Брауншвейг-Люнебург, Бавария, Гессен-Кассель и некоторые

другие княжества обладали внушительными финансовыми ресурсами и достаточно боеспособными военными контингентами. Это давало им возможность не только не опасаться французского вторжения в Империю, но и эффективно противостоять ему.

В целом французская политика воссоединения воспринималась имперскими чинами негативно. Князья понимали, что Франция была сильным и влиятельным государством и находиться под его покровительством означало в перспективе потерю самостоятельности. Поэтому французская политика «реюнионов» способствовала постепенному отдалению имперских князей от Франции и их сближению с императором, так как князьям было выгоднее находиться в составе Империи с относительно слабой властью императора, чем потерять свой суверенитет в пользу величия французской короны.

ЛИТЕРАТУРА

Ивонин Ю.Е. Универсализм и территориализм. Старая империя и территориальные государства Германии в раннее новое время 1495–1806. Т. 1. М.: РКонсульт, 2004. 461 с.

Ивонин Ю.Е. Универсализм и территориализм. Старая империя и территориальные государства Германии в раннее новое время 1495–1806. Т. 2, ч. 2. М.: РКонсульт, 2009. 336 с.

Akten und Urkunden zur Aussenpolitik Christoph Bernhards von Galen (1650–1678). Hrsg. Wilhelm Kohl. Quellen und Forschungen zum Absolutismus in Westfalen. Bände 1–3. Münster: Aschendorff, 1980–1986. 569 s. 620 s. 752 s.

Angermeier H. Das alte Reich in der deutschen Geschichte. Studien über Kontinuitäten und Zäsuren. München: Oldenbourg, 1991. 521 s.

Aretin von K.O. Das Alte Reich 1648–1806. 2. Kaisertradition und österreichische Großmachtpolitik (1684–1745). Stuttgart: Klett-Cotta, 1997. 578 s.

Braun G. La connaissance du Saint-Empire en France du baroque aux Lumières 1643–1756. Pariser historische Studien. München: Oldenbourg, 2010. 911 s.

Brendle F. Die Rolle Johann Philipps von Schönbom (1605–1673) bei der Umsetzung des Westfälischen Friedens, dem Jüngsten Reichsabschied und der Einrichtung des Immerwährenden Reichstages. Ein Beitrag zur Reichspolitik des Mainzer Kurfürsten // Die Mainzer Kurfürsten des Hauses Schönborn als Reichserzkanzler und Landesherren. Hrsg. Von Peter Claus Hartmann. Frankfurt am Main, Berlin, Bern, Bruxelles, New York, Oxford, Wien: Lang, 2002. S. 65–83.

Buch von D.S. Das Tagebuch Dietrich Sigismund von Buchs (1674–1683). Erster Band. Hrsg. von Ferdinand Hirsch. Leipzig: Duncker & Humblot, 1905. 244 s.

Decker K.P. Frankreich und die Reichsstaende sechzehnhundert zweiundsiebzig bis sechszehnhundert fuenfundsiebzig. Die Ansätze zur Bildung einer «Dritten Partei» in den Anfangsjahren des Holländischen Krieges. Bonn: Roehrscheid, 1981. 432 s.

Duchhardt H. Barock und Aufklärung. Grundriss der Geschichte. Band 11. 4., neu bearbeitete und erweiterte Auflage. München: Oldenbourg, 2007. 302 s.

Hartmann P.K. Kurfürst Max Emanuel von Bayern (1679–1726). Ein Typischer Barockfürst // Wittelsbacher Studien. Festgabe für Herzog Franz von Bayern zum 80. Geburtstag. Hrsg. im Auftrag der Kommission für bayerische Landesgeschichte von Alois Schmid… München: Beck, 2013. S. 459–473.

Hasquin H. Louis XIV face à l'Europe du Nord. L'absolutisme vaincu par les libertés. Bruxelles: Editions Racine, 2005. 334 p.

Haug T. Vormauern und Hintertüren. Die französische Krone und der Schutz der Reichsstände nach dem Westfälischen Frieden // Protegierte und Protektoren. Asymmetrische politische Beziehungen zwischen Partnerschaft und Dominanz (16. bis frühes 20. Jahrhundert). Hrsg. von Tilman Haug, Nadir Weber, Christian Windler. Köln, Weimar, Wien: Böhlau Verlag, 2016. S. 107–123.

Kohl W. Das Bistum Münster. 7,1. Die Diözese. Im Auftr. des Max-Planck-Instituts für Geschichte bearb. von Wilhelm Kohl. Berlin: de Gruyter, 1999. 839 s.

Körner H-M. Die Wittelsbacher. Vom Mittelalter bis zur Gegenwart. München: Beck, 2009. 121 s.

Kotulla M. Deutsche Verfassungsgeschichte. Vom Alten Reich bis Weimar (1495 bis 1934). Heidelberg: Springer-Lehrbuch, 2008. 669 s.

Lynn J.A. The Wars of Louis XIV 1667–1714. New York: Longman, 1999. 421 p.

Malettke K. Hegemonie – multipolares System – Gleichgewicht. Internationale Beziehungen 1648/1659–1713/1714. Handbuch der Geschichte der internationalen Beziehungen. Hrsg. von Heinz Duchhardt. Bd. 3. Schöningh, Paderborn, München, Wien, Zürich, 2012. 581 s.

Mémoire pour servir d'instruction au sieur compte de Ménart Schomberg de ce que Sa Majesté desiré de ses soins pendant le temps qu'il demeurera a Haydelberg – 7 juin 1685 // Recueil des instructions données aux ambassadeurs et ministres de France depuis les traités de Westphalie jusqu'à la Révolution français. T. VII: Bavière, Palatinat, Deux-Ponts. Paris, 1889. P. 398–399.

Mémoire pour servir d'instruction au sieur abbé Morel, conseiller du roi en sa cour du Perlement de Paris, s'en allant par ordre du roi et en qualité d'envoyé extraordinaire de Sa Mejesté a Haydelberg. Versailles 22 Juin 1685 // Recueil des instructions données aux ambassadeurs et ministres de France depuis les traités de Westphalie jusqu'à la Révolution français. T. VII. Bavière, Palatinat, Deux-Ponts. Paris 1889. P. 402–403.

Mémoire pour servir d'instruction au sieur Caillet, s'en allant de la part trouver M. électeur de Bavière du 15 janvier 1668 // Recueil des instructions données aux ambassadeurs et ministres de France depuis les traités de Westphalie jusqu'à la Révolution français. T. VII. Bavière, Palatinat, Deux-Ponts. Paris, 1889. P. 20–29.

Schöne A. Vom Westfälischen Frieden bis zum Wiener Kongress. Europäische Machtpolitik um Langwedel und Bremen. Geistliche und weltliche Herrschaft im Alten Reich, Band 2. Bremen: Edition Falkenberg, 2016. 696 s.

Tischer A. Ludwig XIV. 1. Auflage. Stuttgart: Verlag W. Kohlhammer, 2017. 243 s.

Urkunden und Actenstücke zur Geschichte des Kurfürsten Friedrich Wilhelm von Brandenburg. 20,1. – Auswärtige Acten. Bd. 4, T. 1, Frankreich 1667–1688. Berlin: Reimer, 1911. 695 s.

A.A. Khodin
Ph.D in History, Associate Professor,
Head of the Department at Heidelberg University
Heidelberg, Germany

The Perception of the French Policy of «Reunions» in the Second Half of the 17th Century by the Imperial Estates of the Holy Roman Empire

This article discusses the political position and perception of the Estates of the Holy Roman Empire regarding the French policy of «Reunions» of 1667–1697. The position of Brandenburg, Bavaria, Saxony, Braunschweig-Luneburg, Hesse-Kassel, Munster, Cologne, Trier, Mainz, Palatinate, Baden-Baden, Baden-Durlach and Württemberg has been analyzed to varying degrees by the author. Some attention is paid to attempts to create an alliance among some of the Imperial Estates to resist the expansionist policy of the French king Louis XIV. However, the effectiveness of such alliances was insignificant as an attempt to create a combat-ready army.

As a result of the study, the author can state that the policy of «Reunions» was generally perceived negatively by the Imperial Estates. A number of officials of the Empire – Brandenburg, Brunswick-Luneburg, Bavaria, Hesse-Kassel and some others had significant financial resources and sufficiently combat-ready military contingents. This gave them the opportunity not only to fear a French invasion of the Empire, but also to effectively resist it.

Some of them could only temporarily use France to weaken the influence of the emperor. There was an understanding among the German princes that France was a strong absolutist state and being in its zone of influence meant the loss of territorial independence.

Key words: *Reunions; France; Louis XIV; Imperial Estates; Holy Roman Empire.*

REFERENCES

Ivonin Y.E. Universalism and Territorialism. The Old Empire and the Territorial States of Germany in the Early Modern Times 1495–1806. [Universalizm i territorializm. Staraja imperija i territorialnie gosudarstva Germanii v rannee novoe vremja 1495–1806]. Vol. 1. Moscow: Rconsult, 2004. 461 p. (in Russian).

Ivonin Y.E. Universalism and Territorialism. The Old Empire and the Territorial States of Germany in the Early Modern Times 1495–1806. [Universalizm i territorializm. Staraja imperija i territorialnie gosudarstva Germanii v rannee novoe vremja 1495 - 1806]. Volume 2. Part 2. Moscow: Rconsult, 2009. 336 p. (in Russian)

Acts and documents on the foreign policy of Christoph Bernhard von Galen (1650 - 1678) [Akten und Dokumente zur Außenpolitik von Christoph Bernhard von Galen (1650 - 1678)]. Hrsg.Wilhelm Kohl. Volumes 1-3. Münster: Aschendorff, 1980-1986. 569 s. 620 s. 752 s. (in German).

Angermeier H. The old Empire in German history. Studies on continuities and caesuras [Das alte Reich in der deutschen Geschichte. Studien über Kontinuitäten und Zäsuren]. München: Oldenbourg, 1991. 521 s. (in German).

Aretin von K. O. The Old Empire 1648 - 1806. 2. Imperial tradition and Austrian great power politics (1684 - 1745) [Das Alte Reich 1648 - 1806. 2. Kaisertradition und österreichische Großmachtpolitik (1684 - 1745)]. Stuttgart: Klett-Cotta, 1997. 578 s. (in German).

Braun G. Knowledge of the Holy Empire in France from the Baroque to the Enlightenment 1643 - 1756 [La connaissance du Saint-Empire en France du baroque aux Lumières 1643–1756]. Pariser historische Studien. München: Oldenbourg, 2010. 911 s. (in French).

Brendle F. The role of Johann Philipp von Schönborn (1605-1673) in the implementation of the Peace of Westphalia, the Last Imperial Recess and the establishment of the Eternal Diet. A contribution to the imperial policy of the Elector of Mainz. *The Mainz electors of the House of Schönborn as imperial arch-chancellors and sovereigns.* [Die Rolle Johann Philipps von Schönborn (1605-1673) bei der Umsetzung des Westfälischen Friedens, dem Jüngsten Reichsabschied und der Einrichtung des Immerwährenden Reichstages. Ein Beitrag zur Reichspolitik des Mainzer Kurfürsten. *Die Mainzer Kurfürsten des Hauses Schönborn als Reichserzkanzler und Landesherren*] .Hrsg. von Peter Claus Hartmann. Frankfurt am Main, Berlin, Bern, Bruxelles, New York, Oxford, Wien: Lang, 2002. s. 65-83. (in German).

Buch von D. S. The diary of Dietrich Sigismund von Buchs (1674-1683) [Das Tagebuch Dietrich Sigismund von Buchs (1674-1683)]. Erster Band. Hrsg. von Ferdinand Hirsch. Leipzig:Duncker & Humblot, 1905. 244 s. (in German).

Decker K. P. France and the imperial estates sixteen seventy-two to sixteen seventy-five. The beginnings of the formation of a "Third Party" in the early years of the Dutch War [Frankreich und die Reichsstaende sechzehnhundert zweiundsiebzig bis sechszehnhundert fuenfundsiebzig. Die Ansätze zur

Bildung einer "Dritten Partei" in den Anfangsjahren des Holländischen Krieges]. Bonn: Roehrscheid, 1981. 432 s. (in German).

Duchhardt H. Baroque and Enlightenment. Outline of the story [Barock und Aufklärung. Grundriss der Geschichte]. Band 11. 4., neu bearbeitete und erweiterte Auflage. München: Oldenbourg, 2007. 302 s. (in German).

Hartmann P.K. Elector Max Emanuel of Bavaria (1679-1726). A typical baroque prince. Wittelsbach studies. *Celebration for Duke Franz of Bavaria on his 80th birthday* [Kurfürst Max Emanuel von Bayern (1679-1726). Ein Typischer Barockfürst. *Wittelsbacher Studien. Festgabe für Herzog Franz von Bayern zum 80. Geburtstag*]. München: Beck, 2013. s. 459-473. (in German).

Hasquin H. Louis XIV facing Northern Europe. Absolutism vanquished by liberties [Louis XIV face à l'Europe du Nord. L'absolutisme vaincu par les libertés]. Bruxelles: Editions Racine, 2005. 334 p. (in French).

Haug T. Front walls and back doors. The French Crown and the Protection of the Imperial Estates after the Peace of Westphalia. *Sponsors and protectors. Asymmetric political relations between partnership and dominance (16th to early 20th centuries)* [Vormauern und Hintertüren. Die französische Krone und der Schutz der Reichsstände nach dem Westfälischen Frieden. *Protegierte und Protektoren. Asymmetrische politische Beziehungen zwischen Partnerschaft und Dominanz (16. bis frühes 20. Jahrhundert)*]. Hrsg. von Tilman Haug, Nadir Weber, Christian Windler. Köln, Weimar, Wien: Böhlau Verlag, 2016. s. 107-123. (in German).

Kohl W. The Diocese of Munster. 7.1. The diocese [Das Bistum Münster. 7,1. Die Diözese]. Im Auftr. des Max-Planck-Instituts für Geschichte bearb. von Wilhelm Kohl. Berlin: de Gruyter, 1999. 839 s. (in German).

Körner H-M. The Wittelsbachs. From the Middle Ages to the present [Die Wittelsbacher Vom Mittelalter bis zur Gegenwart]. München: Beck, 2009. 121 s. (in German).

Kotulla M. German constitutional history. From the Old Empire to Weimar (1495 to 1934) [Deutsche Verfassungsgeschichte. Vom Alten Reich bis Weimar (1495 bis 1934)]. Heidelberg: Springer-Lehrbuch, 2008. 669 s. (in German).

Lynn J. A. The Wars of Louis XIV 1667-1714. New York: Longman, 1999. 421 p. (in English).

Malettke K. Hegemony - multipolar system - balance. International Relations 1648/1659-1713/1714. Handbook of the History of International Relations. [Hegemonie – multipolares System – Gleichgewicht. Internationale Beziehungen 1648/1659-1713/1714. Handbuch der Geschichte der internationalen Beziehungen]. Hrsg. von Heinz Duchhardt. Bd. 3. Schöningh, Paderborn, München, Wien, Zürich, 2012. 581 s. (in German).

Memoir to serve as an instruction to the sieur Count of Ménart Schomberg of what His Majesty desires of his care during the time he will remain in Haydelberg - June 7, 1685. *Collection of instructions given to ambassadors and ministers of France since the treaties of Westphalia until the French Revolution. Vol.VII. Bavaria, Palatinate, Zweibrücken* [Mémoire pour servir d'instruction au sieur compte de Ménart Schomberg de ce que Sa Majesté desiré de ses soins pendant le temps qu'il demeurera a Haydelberg - 7 juin 1685. *Recueil des instructions données aux ambassadeurs et ministres de France depuis les traités de Westphalie jusqu'à la Révolution français. T. VII. Bavière, Palatinat, Deux-Ponts*]. Paris 1889, pp. 398–399 (in French).

Memoir to serve as an instruction to the Abbot Morel, King's adviser in his court of the Parliament of Paris, leaving by order of the King and as envoy extraordinary from His Majesty to Haydelberg. Versailles June 22, 1685. *Collection of instructions given to ambassadors and ministers of France since the treaties of Westphalia until the French Revolution. Vol.VII. Bavaria, Palatinate, Zweibrücken* [Mémoire pour servir d'instruction au sieur abbé Morel, conseiller du roi en sa cour du Perlement de Paris, s'en allant par ordre du roi et en qualité d'envoyé extraordinaire de Sa Mejesté a Haydelberg. Versailles 22 Juin 1685. *Recueil des instructions données aux ambassadeurs et ministres de France depuis les traités de Westphalie jusqu'à la Révolution français. T. VII. Bavière, Palatinat, Deux-Ponts*]. Paris 188, pp. 402–403. (in French).

Memoir to serve as an instruction to the sieur Caillet, going from the part to find M. elector of Bavaria of January 15, 1668.*Collection of instructions given to ambassadors and ministers of France since the treaties of Westphalia until the French Revolution. Vol.VII. Bavaria, Palatinate, Zweibrücken*[Mémoire pour servir d'instruction au sieur Caillet, s'en allant de la part trouver M. électeur de Bavière du 15 janvier 1668. *Recueil des instructions données aux ambassadeurs et ministres de France depuis les traités de Westphalie jusqu'à la Révolution français. T. VII. Bavière, Palatinat, Deux-Ponts*]. Paris 1889, pp. 20–29. (in French).

Schöne A. From the Peace of Westphalia to the Congress of Vienna. European power politics around Langwedel and Bremen. Spiritual and secular rule in the Old Empire [Vom Westfälischen Frieden bis zum Wiener Kongress. Europäische Machtpolitik um Langwedel und Bremen. Geistliche und weltliche Herrschaft im Alten Reich]. Band 2. Bremen: Edition Falkenberg, 2016. 696 s. (in German).

Tischer A. Louis XIV [Ludwig XIV]. 1. Auflage. Stuttgart: Verlag W. Kohlhammer, 2017. 243 s. (in German).

Documents and acts relating to the history of Elector Friedrich Wilhelm von Brandenburg. 20.1. Foreign acts. Vol. 4, P. 1, France 1667–1688 [Urkunden und Actenstücke zur Geschichte des Kurfürsten Friedrich Wilhelm von Brandenburg. 20,1. Auswärtige Acten. Bd. 4, T. 1, Frankreich 1667–1688]. Berlin: Reimer, 1911. 695 s. (in German).

Е.М. Собко

Независимый исследователь
Москва, Россия

УДК 94(4)«1492/1914»+94(492)

DOI 10.35785/2072-9464-2023-63-3-198-206

РОССИЯ И НИДЕРЛАНДЫ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА: ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ ДВУСТОРОННИХ ОТНОШЕНИЙ

Ключевые слова: *российско-нидерландские отношения; русско-голландские отношения; внешняя политика России; международные отношения в Европе; русско-нидерландские отношения в первой половине XVIII века; международные отношения в Европе в XVIII веке.*

Исследование российско-нидерландских отношений в первой половине XVIII века представляет интерес в плане изучения процесса вхождения России в общеевропейскую систему. В данной статье рассматриваются в контексте общеевропейских отношений основные черты и особенности развития российско-нидерландских взаимных связей на протяжении четырех основных этапов: период Северной войны; 1725–1730 годы; 30-е годы, связанные с войной за польское наследство; 40-е годы XVIII века – период войны за австрийское наследство. Выясняется, что в ходе Северной войны российско-голландские отношения менялись в зависимости от международной конъюнктуры и особенностей торговой политики, которую проводила Россия. В первые годы после смерти Петра I, в 1725–1730 годах, российско-нидерландские дипломатические отношения менялись в связи с общими переменами внутри- и внешнеполитического курса России. Оживление 1725–1726 годов сменилось спадом 1727–1730 годов.

В 30-е годы XVIII века политико-дипломатические и торговые связи между Россией и Нидерландами продолжали развиваться, причем происходило это все больше в контексте общеевропейских отношений. Последняя тенденция по мере вхождения России в европейскую систему усиливалась, что нашло свое выражение на следующем этапе развития русско-нидерландских связей – в период войны за австрийское наследство. Подводя итоги, можно выделить следующую важную тенденцию: традиционно ориентированные на торговые связи, российско-голландские отношения все больше попадают в зависимость от особенностей международной обстановки в Европе, от расстановки сил на международной арене.

Процесс вхождения России в общеевропейскую систему отношений имеет длительную историю. Его истоки лежат в XVIII веке, когда происходило становление России как одной из ведущих европейских держав и ее роль в международных делах постоянно росла. Страна начинала жить общеевропейской жизнью. В связи с этим важно определить основные черты и особенности «пути России в Европу», для чего необходима разработка проблем двусторонних отношений России как с ведущими европейскими державами, так и с другими странами – участниками «общеевропейского процесса», с которыми Российская империя имела активные дипломатические контакты. Российско-нидерландские отношения в первой половине XVIII века изучены в историографии крайне недостаточно, и их исследование представляет интерес именно в этом ключе.

Первые купцы из Голландии[1] появились в России в XVI веке, во времена Ивана Грозного. Торговля через Архангельск, Исаак Масса, карта России, составленная им в XVII веке. Возможно, так спокойно и не очень интригующе и развивались бы дальше отношения между двумя странами, если бы не Петр I, стремительно ворвавшийся в историю российско-нидерландских взаимных связей. Одержимый высокими идеями государственных интересов России, укрепления ее международного престижа и создания отечественного флота, Петр организовывает свое знаменитое «Великое посольство». Тем самым была открыта качественно новая страница в истории русско-голландских отношений. Наряду с другими важными результатами своей деятельности «Великое посольство» установило контакты с амстердамской торговой элитой, что имело самые непосредственные последствия уже в ходе Северной войны России со Швецией. В нидерландской историографии сделан важный вывод о том, что в этот период Амстердам тайно поддерживал Россию, что шло вразрез с

[1] Голландия – название одной из провинций государства Нидерланды. Известно, что Голландией нередко именуется само государство. «Нидерланды» более точный термин, он используется в статье наряду с термином «Голландия». Современное Королевство Нидерландов в первой половине XVIII века называлось Республика Соединенных Нидерландов. Этот термин используется вместе с терминами «Соединенные провинции», «Провинции», «Республика», «Голландская республика», «Нидерланды» (в отличие от Южных Нидерландов – будущей Бельгии).

официальной линией Гааги, декларировавшей нейтралитет в Северном конфликте. Более того, из Амстердама в Россию тайно посылалось большое количество оружия [Захаров, 1996, *223*]. После победы под Полтавой и само голландское правительство сделало выбор в пользу России, хотя официально о поддержке России сказано не было [Koningsbrugge, 1996, *250, 254*; Koningsbrugge, 1997, *8–9*; Конингсбрюгге, 2014, *13*, *16, 18, 29, 48, 115–117, 130–144, 187–224, 238–244*].

Таким образом, в этот период и политические, и торговые связи между двумя странами укрепились. Однако уже начиная с 1711 года отношения портятся. Причины этого заключались в проблемах, которые стали возникать в торговых отношениях между Россией и Голландской республикой. Российское правительство использовало экономические меры (например, поднятие пошлин импорта-экспорта в портах) как средство политического давления. Кроме того, протекционистская политика Петра I вступала в противоречие с принципами свободы торговли, которые отстаивали голландцы. Эти и некоторые другие явления стали усиливать напряженность в российско-голландских отношениях. Таким образом, в ходе Северной войны российско-голландские отношения менялись в зависимости от международной конъюнктуры и особенностей торговой политики, которую проводила Россия. После визита Петра I в Голландию в составе «Великого посольства» связи между двумя странами значительно расширились, в период от начала Северной войны и до 1711–1713 годов отношения между Россией и Соединенными провинциями укрепились [Беспалов, 2022, *404*]. 1713–1718 годы – время ухудшения отношений, где наивысшей точкой явилась высылка из России голландского резидента Якоба де Би в 1718 году. Последние годы жизни Петра I были связаны с потеплением в русско-нидерландских отношениях. Эта тенденция нашла свое отражение и на новом витке русско-голландских взаимных связей, наступившем уже после смерти Петра.

После смерти Петра I, в правление Екатерины I, обострился так называемый «голштинский вопрос» – территориальные претензии Голштинии, владелец которой доводился Екатерине зятем, к Дании. Это отразилось и на отношениях России с Голландской республикой. В частности, послу России в Нидерландах И.Г. Головкину предписывалось установить особенно доверительные отношения с министрами герцога Голштинского. Кроме того, ему было дано задание узнать, не делаются ли Генеральным Штатам какие-нибудь предложения со стороны Англии или Дании, которые бы противоречили интересам России, и нет ли у Голландии намерений помогать Дании в вопросе о герцогстве Шлезвиг. Головкин сообщил, что если бы от других государств к Голландии предложения о каких-либо союзах и поступали, то Голландская республика ни в какие союзы вступать намерения бы не имела [АВПРИ, ф. 50, оп. 1, 1725 г., д. 7, *1–2, 3 об., 7–7 об., 9 об.*]. Таким образом, мы видим, что

Голландская республика в данном случае выразила свое стремление к нейтралитету, ставшее в последующие годы главной тенденцией ее внешнеполитической стратегии. В сентябре 1725 года Головкину был послан рескрипт, в котором ему давалось новое задание Коллегии иностранных дел: так как недавно в Ганновере заключен союзный договор между Францией, Англией и королем Прусским и есть сведения о том, что Голландская республика имеет намерение вступить в этот союз, ему, Головкину, предписывается: препятствовать последнему по возможности [АВПРИ, ф. 50, оп. 1, 1725 г., д. 7, *10–10 об.*]. Напомним, что 23 августа (5 сентября) 1725 года в Ганновере был заключено соглашение между Англией, Францией и Пруссией, направленное против Австрии и Испании. Австрия и Испания несколькими месяцами раньше также объединились, заключив в апреле 1725 года Венский оборонительный союз. Между странами, входившими в эти противоборствующие блоки, сложились враждебные отношения, каждая держава стремилась привлечь на свою сторону новых союзников. Несмотря на определенные разногласия, Россия сближается с Австрией. 26 июля (6 августа) 1726 года был подписан русско-австрийский оборонительный и наступательный союзный договор, Россия присоединялась к Венскому союзу.

Естественно, в сложившейся ситуации Россия была крайне незаинтересована в укреплении Ганноверского блока. Это-то и определило активную деятельность Головкина по предотвращению присоединения Голландской республики к данному союзу. Она, однако, успеха не имела: в августе 1726 года Голландская республика вошла в Ганноверский союз. Неудача миссии Головкина объяснялась все возраставшей зависимостью Нидерландов от Великобритании. Именно стараниями последней Соединенные провинции присоединились к этому блоку европейских государств [АВПРИ, ф. 50, оп. 1, 1725 г., д. 7, *9 об.–10;* д. 9, *167–167 об.*]. В мае 1727 года умирает Екатерина I. Вскоре И.Г. Головкин был отозван из Гааги. Временно посол передал свои дела секретарю посольства Гейнцелману. Гейнцелман – голландец, состоявший на службе у российского правительства и получавший от него жалование [АВПРИ, ф. 50, оп. 1, 1727 г., д. 3, *26, 28 об.*; 1728 г., д. 4, *1–1об.*, *53–53 об.*]. Он фактически выполнял обязанности российского посла в Гааге вплоть до 1731 года. Этот период – 1728–1731 годы – отмечен спадом в дипломатических отношениях между Россией и Голландской республикой. Он во многом был связан с внутренней нестабильностью России, где в царствование Петра II шла непрекращавшаяся борьба за влияние при дворе между различными политическими группировками. Приход к власти Анны Иоанновны, совпавший с перегруппировкой политических сил в Европе в начале 1730-х годов, изменил ситуацию. В 1732 году в Гаагу был направлен новый посол – А.Г. Головкин, остававшийся в этой должности до самой смерти в 1760 году.

Итак, в первые годы после смерти Петра I, в 1725–1730 годах, российско-нидерландские дипломатические отношения менялись в связи с общими переменами внутри- и внешнеполитического курса России. Оживление 1725–1726 годов сменилось спадом 1727–1730 годов.

В 30-е годы XVIII века Россия и Голландия, каждая по своим внешнеполитическим соображениям и в разной степени, оказались вовлечены в войну за польское наследство. Россия и Голландская республика подходили к решению «польского вопроса», можно сказать, с разных сторон, и для России он был гораздо более значим. Более того, здесь открывался целый комплекс проблем: и желание видеть на польском троне своего сторонника, и стремление обезопасить от польского влияния курляндские владения Бирона, и отношения с Австрией, закрепленные договором 1726 года. Что касается Голландской республики, то «польский вопрос» рассматривался ею в контексте отношений с Великобританией, Австрией и Францией. Соединенные провинции в данной теме больше всего беспокоила судьба Южных, Австрийских Нидерландов. Ослабленная после войны за испанское наследство, озабоченная судьбой своих «барьерных» городов в Южных Нидерландах[2] и традиционно более всего заинтересованная в торговле, Голландия не хотела вступать в войну, к чему ее толкала Великобритания. Страна была обеспокоена возможностью нападения Франции на территорию Австрийских Нидерландов и выступала против влияния Франции на выборы польского короля [АВПРИ, ф. 50, оп. 1, 1733 г., д. 4, *117*]. Здесь можно наблюдать совпадение точек зрения России и Нидерландов по «польскому вопросу», так как Россия также выступала против кандидатуры Станислава Лещинского, поддерживавшейся Францией. Кроме того, Голландия была связана союзным договором 1732 года с Англией и Австрией. Казалось бы, политическая линия республики вполне ясна и совпадает с позицией России – неприятие французского кандидата на польский престол и союз с Австрией. Но на деле для Голландии все обстояло гораздо сложнее и не укладывалось в обозначенные рамки. В реальности Голландская республика стала полем соперничества между Францией, Великобританией и Австрией. Франция добивалась от Провинций нейтралитета, обещая взамен не нападать на голландские «барьерные города» в Южных Нидерландах, и в итоге договор о нейтралитете между Соединенными провинциями и Францией действительно был подписан[3]. Нейтралитет Голландии был невыгоден для Австрии, и она обратилась к России с просьбой оказать влияние на Голландскую республику,

[2] В 1715 году между Соединенными провинциями, Австрией и Великобританией был подписан «барьерный трактат», направленный против Франции. По этому договору Голландская республика получала право держать свои гарнизоны в восьми крепостях Южных Нидерландов [https://opil.ouplaw.com/view/10.1093/law:oht/law-oht-29-CTS-333.regGroup.1/29_CTS_333_fra.pdf].

[3] Конвенция о нейтралитете между Францией и Соединенными провинциями была подписана 24 ноября 1733 года, ратифицирована 23 декабря 1733 года. Франция гарантировала безопасность «барьерных» городов в Австрийских Нидерландах. Голландская республика обязывалась не вмешиваться в дела Польши [Шатохина-Мордвинцева, 2010, *251–252*].

побудить ее помочь Австрии в войне за польское наследство. В противном случае, требовали австрийские дипломаты, Россия должна прекратить все торговые отношения с Голландской республикой. Разумеется, Россия не собиралась прекращать торговлю с Нидерландами, она вела переговоры с великим пенсионарием С. ван Слингеландом по проблемам торговых отношений [АВПРИ, ф. 50, оп. 1, 1734 г., д. 4]. Более того, несколькими годами позже, в 1741 году, была даже предпринята попытка заключить торговый договор, был составлен проект договора, однако он не был подписан [Швачкина, 2002, *22*]. Итак, в 30-е годы XVIII века политико-дипломатические и торговые связи между Россией и Нидерландами продолжали развиваться, причем происходило это все больше в контексте общеевропейских отношений. Последняя тенденция по мере вхождения России в европейскую систему усиливалась, что нашло свое выражение на следующем этапе развития русско-нидерландских связей – в период войны за австрийское наследство.

Основной причиной участия России в войне за австрийское наследство было ее стремление войти в состав великих европейских держав. Что касается Нидерландов, то главной линией ее внешней политики в первой половине XVIII века была все усиливавшаяся тенденция к нейтралитету в международных делах и все увеличивавшаяся зависимость от Великобритании. Последняя особенность приводила к тому, что Англия постоянно воздействовала на внешнеполитический курс Соединенных провинций, оказывала на них давление в плане участия в межгосударственных союзах или военных действиях, мешая тем самым проводимой ими политике нейтралитета. Так случилось и в период войны за австрийское наследство.

На начальном этапе войны, когда еще были неясны все масштабы разгоравшегося военного конфликта, Россия и «морские державы» (Великобритания и Голландская республика) взяли курс на его мирное урегулирование, все больше усваивая роль посредников. В дальнейшем, по ходу развертывания военных действий, внешнеполитическая линия и России, и Соединенных провинций стала изменяться в сторону участия в военном конфликте. 8 января 1745 года был подписан Варшавский договор между Англией, Голландией, Австрией и Саксонией, направленный на продолжение войны с Пруссией, Францией и их союзниками. Россия, в свою очередь, к осени 1745 года также перешла на сторону открытых врагов Пруссии и Франции, было принято решение оказать военную помощь Саксонии [История внешней политики России. XVIII век, 1998, *96–97*]. Таким образом, налицо совпадение позиций России и Соединенных провинций по вопросам проведения внешней политики в ходе войны за австрийское наследство. Это сходство позиций, наряду с другими факторами, привело к подписанию субсидной конвенции между Россией и Голландской республикой на завершающем этапе войны. Характерной чертой последнего этапа войны (1746–1748) было начало переговорного процесса. Инициатором его явилась Голландия, обеспокоенная

тем, что Франция развернула успешные военные действия в Австрийских Нидерландах, где одна за другой захватывались и демонтировались крепости (те самые крепости, которые республика получила по Барьерному трактату 1715 года). Голландия настаивала на выводе войск с территории Южных Нидерландов и восстановлении разрушенных крепостей. Успехи французской армии в Австрийских Нидерландах создали угрозу Голландии, и ее союзница – Великобритания начала переговоры с Россией о предоставлении вспомогательного военного корпуса за субсидии. В ноябре 1747 года между Россией, Великобританией и Голландской республикой была подписана конвенция, согласно которой российское правительство обязывалось за 300 тысяч фунтов стерлингов в год посылать 30-тысячный корпус на помощь Британии и Голландии «для службы на Мозеле или в Нидерландах» [Мартенс, Т. IX (X), 1892, *147–172*]. Результатом подписания конвенции явилась отправка на Рейн российского военного корпуса под командованием князя В.А. Репнина в 1748 году, что подтолкнуло Францию подписать прелиминарный мир с Англией и Голландией. Итак, мы видим, что в ходе войны за австрийское наследство Россия и Нидерланды придерживались сходных взглядов на многие проблемы (общность позиций на начальном этапе войны, враждебность к Франции на завершающей стадии военного конфликта). Субсидная конвенция, заключенная между двумя странами в 1747 году, способствовала восстановлению мира в Европе.

Таким образом, русско-нидерландские отношения в первой половине XVIII века переживали периоды подъема и спада, традиционно ориентированные на торговые связи, они все больше попадали в зависимость от особенностей международной обстановки в Европе, от расстановки сил в общеевропейском «концерте».

ЛИТЕРАТУРА

Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 50 («Сношения России с Голландией»). Оп. 1. 1725 г. Д. 7.

АВПРИ. Ф. 50. Оп. 1. 1725 г. Д. 9.

АВПРИ. Ф. 50. Оп. 1. 1727 г. Д. 3.

АВПРИ. Ф. 50. Оп. 1. 1728 г. Д. 4.

АВПРИ. Ф. 50. Оп. 1. 1733 г. Д. 4.

АВПРИ. Ф. 50. Оп. 1. 1734 г. Д. 4.

Беспалов А.В. Россия в Северной войне. От Нарвы до Полтавы. 1700–1709. М.: Вече, 2022. 496 с.

Захаров В.Н. Западноевропейские купцы в России. Эпоха Петра I. М.: Российская политическая энциклопедия, 1996. 346 с.

История внешней политики России. XVIII век (от Северной войны до войн России против Наполеона). М.: Международные отношения, 1998. 304 с.

Конингсбрюгге Х. ван. История потерянной дружбы. Отношения Голландии со Швецией и Россией в 1714–1725 гг. СПб.: Европейский Дом, 2014. 356 с.

Мартенс Ф.Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россиею с иностранными державами. Т. IX (X). СПб.: Типография Министерства Путей Сообщения, 1892. 563 с.

Шатохина-Мордвинцева Г.А. Нейтральный внешнеполитический курс Нидерландов: от Мюнстерского мира 1648 г. до конца Первой мировой войны: дис. … д-ра ист. наук. М., 2010. 733 с.

Швачкина Е.И. Русско-нидерландские отношения в первой половине XVIII века: автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 2002. 23 с.

Koningsbrugge J.S.A.M. Van. Tussen Rijswijk en Utrecht. Groningen, 1996. 272 p.

Koningsbrugge J.S.A.M. Van. A case of deteriorating relations: Russia and the Netherlands 1710–1720 // Великое посольство – путь в Европу: История и перспективы российско-европейского сотрудничества: тезисы междунар. науч. конференции. М.: Моск. гос. ун-т культуры, 1997. 119 с.

Traite` de la barrie`re des Pais-Bas, Entre Sa Majeste` Impe`riale et Catholique, Sa Majeste` le Roi de la Grande-Bretagne, et les Seigneurs Etats Ge`ne`raux des Provinces-Unies. URL: https://opil.ouplaw.com/view/10.1093/law:oht/law-oht-29-CTS-333.regGroup.1/29_CTS_333_fra.pdf (дата обращения: 07.08.2023).

E.M. Sobko
PhD in History, Associate Professor,
Independent Researcher
Moscow, Russia

Russia and the Netherlands in the First Half of the 18th Century: the Main Stages of the Development of Bilateral Relations

The study of Russian-Dutch relations in the first half of the 18th century is of interest in terms of studying the process of Russia's entry into the all-European system. This article examines in the context of all-European relations the main features and peculiarities of the development of Russian-Dutch mutual relations during four main stages: the period of the Northern War; 1725–1730; the 30s associated with the War of the Polish succession; the 40s of the 18th century - the period of the War of the Austrian succession. It turns out that during the Northern War, Russian-Dutch relations changed depending on the international conjuncture and the specifics of the trade policy pursued by Russia. In the first years after the death of Peter I, in 1725–1730, Russian-Dutch diplomatic relations changed due to general changes in Russia's domestic and foreign policy. The revival of 1725–1726 was replaced by the recession of 1727–1730. In the 30s of the 18th century, political, diplomatic and trade relations between Russia and the Netherlands continued to develop, and this happening more often in the context of all-European relations. The latter trend intensified as Russia entered the European system, which found its expression at the next stage of the development of Russian-Dutch relations – during the War of the Austrian Succession. Summing up, we can highlight the following important trend: traditionally focused on trade relations, Russian-Dutch relations are increasingly becoming dependent on the peculiarities of the international situation in Europe, on the balance of power on the international arena.

Key words: *Russian-Dutch relations; Russian-Dutch relations; Russian foreign policy; international relations in Europe of the 18th century; Russian-Dutch relations in the first half of the 18th century; European international relations in the 18th century.*

REFERENCES

Archives of the Foreign Policy of the Russian Empire (AFPRE), f. 50 («Relations between Russia and Holland») [Arhiv vneshnej politiki Rossijskoj imperii (AVPRI), f. 50 («Snoshenija Rossii s Gollandiej»)]. Inventory 1, 1725, Doc. 7. (in Russian).

Archives of the Foreign Policy of the Russian Empire (AFPRE), f. 50 («Relations between Russia and Holland») [Arhiv vneshnej politiki Rossijskoj imperii (AVPRI), f. 50 («Snoshenija Rossii s Gollandiej»)]. Inventory 1, 1725, Doc. 9. (in Russian).

Archives of the Foreign Policy of the Russian Empire (AFPRE), f. 50 («Relations between Russia and Holland») [Arhiv vneshnej politiki Rossijskoj imperii (AVPRI), f. 50 («Snoshenija Rossii s Gollandiej»)]. Inventory 1, 1727, Doc. 3. (in Russian).

Archives of the Foreign Policy of the Russian Empire (AFPRE), f. 50 («Relations between Russia and Holland»)) [Arhiv vneshnej politiki Rossijskoj imperii (AVPRI), f. 50 («Snoshenija Rossii s Gollandiej»)]. Inventory 1, 1728, Doc. 4. (in Russian).

Archives of the Foreign Policy of the Russian Empire (AFPRE), f. 50 («Relations between Russia and Holland») [Arhiv vneshnej politiki Rossijskoj imperii (AVPRI), f. 50 («Snoshenija Rossii s Gollandiej»)]. Inventory 1, 1733, Doc. 4. (in Russian).

Archive of the Foreign Policy of the Russian Empire (AFPRE), f. 50 («Relations between Russia and Holland») [Arhiv vneshnej politiki Rossijskoj imperii (AVPRI), f. 50 («Snoshenija Rossii s Gollandiej»)], op. 1, 1734 y., v. 4. (in Russian).

Bespalov A.V. Russia in the Nothern War. From Narva to Poltava [Rossija v Severnoj vojne. Ot narvi do Poltavi]. 1700-1709. Moscow: Veche, 2022. 496 p. (in Russian).

Zakharov V.N. Western European merchants in Russia. The era of Peter I. [Zapadnoevropejskie kupcy v Rossii. Jepoha Petra I]. Moscow: Russian political encyclopedia 1996. 346 p. (in Russian).

History of the Russia's foreign policy. XVIII century. (from the Northern War to the wars of Russia against Napoleon) [Istorija vneshnej politiki Rossii. XVIII vek. (ot Severnoj vojny do vojn Rossii protiv Napoleona)]. Moscow: International relationships, 1998. 304 p. (in Russian).

Koningsbrjugge H. v. The story of a lost friendship. Relations of Holland with Sweden and Russia in 1714-1725 [Istorija poterjannoj druzhby. Otnoshenija Gollandii so Shveciej i Rossiej v 1714-1725 gg.]. Saint Petersburg: European house, 2014. 356 p. (in Russian).

Martens F.F. Collection of treatises and conventions concluded by Russia with foreign powers [Sobranie traktatov i konvencij, zakljuchennyh Rossieju s inostrannymi derzhavami]. Vol. IX (X). Saint Petersburg: Printing House of the Ministry of Communications, 1892. 563 p. (in Russian).

Shatohina-Mordvinceva G.A. The neutral foreign policy of the Netherlands: from the Peace of Münster in 1648 to the end of the First World War [Nejtral'nyj vneshnepoliticheskij kurs Niderlandov: ot Mjunsterskogo mira 1648 g. do konca Pervoj mirovoj vojny]. Dissertation .... doctor of Historical Sciences. Moscow, 2010.733 p. (in Russian).

Shvachkina E.I. Russian-Dutch relations in the first half of the 18th century [Russko-niderlandskie otnoshenija v pervoj polovine XVIII veka]. Abstract of dissertation ... cfndidate of Historical Sciences. Moscow, 2002. 23 p. (in Russian).

J.S.A.M. Van Koningsbrugge. Tussen Rijswijk en Utrecht. Groningen, 1996. 272 p. (in Dutch).

J.S.A.M. Van Koningsbrugge. A case of deteriorating relations: Russia and the Netherlands 1710-1720. The Grand Embassy - the path to Europe: History Prospects for Russian-European cooperation [*Velikoe posol'stvo – put' v Evropu: Istorija i perspektivy rossijsko-evropejskogo sotrudnichestva*]. *Theses of international scietific conference*. Moscow: Moskow State University, 1997. 119 p.

Traite` de la barrie`re des Pais-Bas, Entre Sa Majeste` Impe`riale et Catholique, Sa Majeste` le Roi de la Grande-Bretagne, et les Seigneurs Etats Ge`ne`raux des Provinces-Unies. Available at: https://opil.ouplaw.com/view/10.1093/law:oht/law-oht-29-CTS-333.regGroup.1/29_CTS_333_fra.pdf (accessed on August 7, 2023). (in French).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Андреев Кирилл Андреевич – аспирант кафедры истории России Смоленского государственного университета. E-mail: kaf-istros@smolgu.ru.

Антюхова Екатерина Андреевна – доктор политических наук, доцент кафедры мировых политических процессов Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации (МГИМО МИД России). E-mail: e.antyukhova@gmail.com.

Гришаева Людмила Ивановна – доктор филологических наук, профессор кафедры немецкой филологии Воронежского государственного университета. E-mail: grischaewa@rgph.vsu.ru.

Караулова Юлия Анатольевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры английского языка № 6 Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации (МГИМО МИД России). E-mail: karaulova8@gmail.com.

Карушкина Наталья Викторовна – независимый исследователь (г. Санкт-Петербург). E-mail: natakarushkina@yandex.ru.

Каяниди Леонид Геннадьевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы и журналистики Смоленского государственного университета. E-mail: leonideas@bk.ru.

Кочкина Анна Владимировна – аспирант кафедры русской литературы XX и XXI веков, теории литературы и гуманитарных наук Воронежского государственного университета. E-mail: a.w.kochkina@yandex.ru.

Кулаков Владимир Иванович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела археологии эпохи Великого переселения народов и раннего средневековья Института археологии РАН (г. Москва). E-mail: drkulakov@mail.ru.

Нюбина Лариса Михайловна – доктор филологических наук, профессор кафедры немецкого языка Смоленского государственного университета. E-mail: lmnjubina@mail.ru.

Радионова Алла Владимировна – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой изобразительного искусства Смоленского государственного университета. E-mail: allarad1@rambler.ru.

Собко Елена Михайловна – независимый исследователь (г. Москва). E-mail: esobko@mail.ru, elena.tereza-sobko@yandex.ru.

Стрельцов Алексей Александрович – кандидат педагогических наук, доцент кафедры перевода и ИТЛ Института филологии, журналистики и МКК Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону). E-mail: al-astr@yandex.ru.

Суй Ин – аспирант Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы. E-mail: suy2019@mail.ru.

Трусова Мария Александровна – преподаватель кафедры философии и истории Рязанского государственного медицинского университета им. И.П. Павлова. E-mail: trusovarzgmu@mail.ru.

Филатова Софья Алексеевна – аспирант кафедры всеобщей истории и международных отношений Смоленского государственного университета. E-mail: uwinordie@mail.ru.

Ходин Алексей Анатольевич – кандидат исторических наук, руководитель отдела Гейдельбергского университета (Германия). E-mail: alexkhodin@gmail.com.

Хомченко Сергей Назарович – кандидат исторических наук, главный научный сотрудник Государственного Бородинского военно-исторического музея-заповедника. E-mail: sergey_1812@mail.ru

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

М.Н. Артеменков (Смоленск, председатель)

Михаил Николаевич Артеменков – кандидат исторических наук, доцент, завкафедрой государственно-правовых дисциплин, ректор Смоленского государственного университета

И.В. Романова (Смоленск, зампредседателя)

Ирина Викторовна Романова – доктор филологических наук, профессор, завкафедрой литературы и журналистики Смоленского государственного университета

В.А. Волков (Москва)

Владимир Алексеевич Волков – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории России Московского педагогического государственного университета

А.Б. Каменский (Москва)

Александр Борисович Каменский – доктор исторических наук, профессор, руководитель школы исторических наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

В.С. Кошелев (Минск, Республика Беларусь)

Владимир Сергеевич Кошелев – доктор исторических наук, профессор, завкафедрой истории нового и новейшего времени Белорусского государственного университета

А. Молнар (Дебрецен, Венгрия)

Ангелика Молнар – доктор, PhD, доцент Института славистики Дебреценского университета

Л.В. Рацибурская (Нижний Новгород)

Лариса Викторовна Рацибурская – доктор филологических наук, профессор, завкафедрой русского языка и общего языкознания Института филологии и журналистики Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского

Ф.Б. Успенский (Москва)

Федор Борисович Успенский – член-корреспондент РАН, доктор филологических наук, профессор, директор Института русского языка им. В.В. Виноградова Российской академии наук

Н.А. Фатеева (Москва)

Наталья Александровна Фатеева – доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института русского языка им. В.В. Виноградова Российской академии наук

З.А. Харитончик (Минск, Республика Беларусь)

Зинаида Андреевна Харитончик – доктор филологических наук, профессор кафедры общего языкознания Минского государственного лингвистического университета

И.Р. Чикалова (Минск, Республика Беларусь)

Ирина Ромуальдовна Чикалова – доктор исторических наук, профессор, завкафедрой всеобщей истории и методики преподавания истории Белорусского государственного педагогического университета им. Максима Танка, ведущий научный сотрудник Института истории Национальной академии наук Беларуси

THE EDITORIAL COUNCIL

M.N. Artyomenkov (Smolensk, The Chairperson)

Mikhail Nikolaevich Artyomenkov – Candidate of history, Associate Professor, Head of the Department of State and Legal Disciplines, Rector of Smolensk State University

I.V. Romanova (Smolensk, Deputy Head)

Irina Viktorovna Romanova – Doctor of philology, Professor, Head of the Department of Literature and Journalism, Smolensk State University

V.A. Volkov (Moscow)

Vladimir Alekseyevich Volkov – Doctor of history, Associate Professor, Professor of the Department of History of Russia, Moscow State Pedagogical University

A.B. Kamensky (Moscow)

Alexander BorisovichKamensky – Doctor of history, Professor, Head of School of History of the National Research University Higher School of Economics

V.S. Koshelev (Minsk, The Republic of Belarus)

Vladimir Sergeyevich Koshelev – Doctor of history, Head of the Department of Modern and Contemporary History, Belarusian State University

A. Molnar (Debrecen, Hungary)

Angelka Molinar – Doctor of sciences, PhD, Associate Professor, the Institute of Slavic Studies at the University of Debrecen

L.V. Ratsiburskaya (Nizhny Novgorod)

Larisa Viktorovna Ratsiburskaya – Doctor of philology, Professor, Head of the Department of the Russian Language and General Linguistics, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

F.B. Uspensky (Moscow)

Fedor Borisovich Uspensky – Corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of philology, professor, Director of V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences

N.A. Fateyeva (Moscow)

Natalya Alexandrovna Fateyeva – Doctor of philology, Chief Researcher, V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences

Z.A. Kharitonchik (Minsk, The Republic of Belarus)

Zinaida Andreyevna Kharitonchik – Doctor of philology, Professor, Professor of the Department of General Linguistics, Minsk State Linguistic University

I.R. Chikalova (Minsk, The Republic of Belarus)

Irina Romualdovna Chikalova – Doctor of history, Professor, Head of the Department of World History and Theory and Methods of Teaching, Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank; Leading Researcher, the Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

И.В. Романова (гл. редактор)

Ирина Викторовна Романова – доктор филологических наук, профессор, завкафедрой литературы и журналистики Смоленского государственного университета

А.В. Тихонова (зам. гл. редактора)

Анастасия Владимировна Тихонова – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России, заместитель директора по науке Смоленского государственного музея-заповедника

Р.В. Белютин (отв. секретарь)

Роман Вячеславович Белютин – доктор филологических наук, доцент, завкафедрой немецкого языка Смоленского государственного университета

С.Н. Андреев

Сергей Николаевич Андреев – доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков Смоленского государственного университета

С.Ю. Артемова

Светлана Юрьевна Артемова – доктор филологических наук, доцент кафедры истории и теории литературы Тверского государственного университета

Л.И. Ивонина

Людмила Ивановна Ивонина – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений Смоленского государственного университета

Д.Е. Комаров

Дмитрий Евгеньевич Комаров – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории казачества и социально-гуманитарных наук Смоленского казачьего института промышленных технологий и бизнеса (филиала) Московского государственного университета технологий и управления им. К.Г. Разумовского (Первый казачий университет)

А.В. Королькова

Анжелика Викторовна Королькова – доктор филологических наук, профессор кафедры литературы и журналистики Смоленского государственного университета

Л.В. Павлова

Лариса Викторовна Павлова – доктор филологических наук, профессор кафедры литературы и журналистики Смоленского государственного университета

О.Е. Похаленков

Олег Евгеньевич Похаленков – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры литературы Института филологии и массмедиа Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского

А.М. Ранчин

Андрей Михайлович Ранчин – доктор филологических наук, профессор кафедры истории русской литературы Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Ю.Л. Цветков

Юрий Леонидович Цветков – доктор филологических наук, профессор кафедры зарубежной литературы Института гуманитарных наук Ивановского государственного университета

РЕДАКТОРЫ РУБРИК

С.Н. Андреев, Л.В. Павлова (филологические науки)
Л.И. Ивонина, А.В. Тихонова (исторические науки)

EDITORIAL BOARD

I.V. Romanova (Editor-in-chief)

Irina Viktorovna Romanova – Doctor of philology, Professor, Head of the Departmentof Literature and Journalism, Smolensk State University

A.V. Tikhonova (Vice Editor-in-chief)

Anastasia Vladimirovna Tikhonova – Doctor of history, Associate Professor, Professor of the Departmentof History of Russia, Smolensk State University, Deputy Director of Science, Smolensk State Museum Reserve

R.V. Belyutin (Executive Editor)

Roman Vyacheslavovich Belyutin – Doctor of philology, Associate Professor, Head of the Department of the German Language, Smolensk State University

S.N. Andreev

Sergey Nikolayevich Andreev – Doctor of philology, Professor, Professor of the Department of the Foreign Languages, Smolensk State University

S.Yu. Artemova

Svetlana Yurievna Artemova – Doctor of philology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of History and Theory of Literature, Tver State University

L.I. Ivonina

Lyudmila Ivanovna Ivonina – Doctor of history, Professor, Professor of the Department of World History and International Relations, Smolensk State University

D.Y. Komarov

Dmitry Yevgenyevich Komarov – Doctor of history, Associate Professor, Professor of the Department of the History of Cossack and Social and Humanitarian Sciences, Smolensk Regional Cossack Institute of Industrial Technologies and Business (branch) of K.G. Razumovsky Moscow State University of Technologies and Management

A.V. Korolkova

Anzhelika Viktorovna Korolkova – Doctor of philology, Professor, Professor of the Department of Literature and Journalism, Smolensk State University

L.V. Pavlova

Larisa Viktorovna Pavlova – Doctor of philology, Professor, Professor of the Department of Literature and Journalism, Smolensk State University

O.Y. Pokhalenkov

Oleg YevgenyevichPokhalenkov – Doctor of philology, Associate Professor, Professor of the Departmentof Literature of the Institute of Philology and Mass Media, Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovski

A.M. Ranchin

Andrei Mikhailivich Ranchin – Doctor of philology, Professor, Professor of the Department of the History of Russian Literature, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University

Yu.L. Tsvetkov

Yuriy Leonidovich Tsvetkov – Doctor of philological sciences, professor at the department of foreign literature of the Institute for Humanities, Ivanovo State University

EDITORS OF SECTIONS

S.N. Andreev, L.V. Pavlova (Philology)
L.I. Ivonina, A.V. Tikhonova (History)

УВАЖАЕМЫЕ ПОДПИСЧИКИ!

Доводим до Вашего сведения, что с **1 сентября 2023 года** во всех почтовых отделениях России открыта подписка на журнал **«Известия Смоленского государственного университета».**

Журнал включен в подписной каталог Почты России. Подписка осуществляется во всех отделениях почтовой связи и в онлайн-сервисе podpiska.pochta.ru.

Журнал выходит 4 раза в год. Годовая подписка состоит из 4 номеров.

Стоимость **полугодовой** подписки – 1144 руб. 44 коп.

Система доставки – **адресная**.

Индексы в Объединенном каталоге

Подписной индекс **– ПН182**

Адрес редакции и издателя:

214000, Смоленская область, Смоленск, ул. Пржевальского, 4
Смоленский государственный университет
Тел.: (4812) 700231, факс: (4812) 383157
E-mail: izwestija@smolgu.ru

Научное издание

Известия Смоленского государственного университета

Выходит 4 раза в год
2023, № 3(63)

Издательство
Смоленского государственного университета
214000, Смоленская область, г. Смоленск, ул. Пржевальского, 4

Редакторы *Е.А. Воропаева, И.В. Марусова, О.В. Папко*
Редактор англоязычных текстов *П.В. Силаев*
Технический редактор *И.В. Марусова*
Компьютерная верстка *А.П. Борисов*

Дата выхода 06. 12. 2023. Формат 70x100$^{1}/_{16}$.
Усл. п. л. 17,5. Тираж 300 экз.

Отпечатано: Типография ИП Суркова Н.Н.
Смоленская область, г. Смоленск, ул. Б. Советская, д.12/1

Цена свободная